А. И. ВАЗОВ

ОРЛОВСКИЙ
МИССИОНЕРСКИЙ
СЪЕЗД

О 28/339

26
339

И. Г. Айвазовъ.

ОРЛОВСКІЙ

13

МИССІОНЕРСКІЙ СЪѢЗДЪ

ВЪ СВЯЗИ СЪ ВОПРОСОМЪ

О СВОБОДѢ СОВѢСТИ.

8561

По поводу доклада М. А. СТАХОВИЧА, читаннаго на Миссіонерскомъ съѣздѣ въ г. Орлѣ 24-го сентября 1901 г.).

ТАМБОВЪ.
Губернская Земская типогр., уголъ Большой и Араповск. ул., соб. домъ.
1901.

28
339

И. Г. Айвазовъ.

ОРЛОВСКІЙ

МИССІОНЕРСКІЙ СЪѢЗДЪ

ВЪ СВЯЗИ СЪ ВОПРОСОМЪ

О СВОБОДѢ СОВѢСТИ.

(По поводу доклада М. А. СТАХОВИЧА, читаннаго на Миссіонерскомъ съѣздѣ въ г. Орлѣ 24-го сентября 1901 г.).

ф.32-43475

ТАМБОВЪ.
Губернская Земская типогр., уголъ Большой и Араповск. ул., соб. домъ.
1901.

Печатать разрѣшается 24-го декабря 1901 года.

Георгій, Епископъ Тамбовскій и Шацкій.

2007041160

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Предисловіе	I—II
Введеніе	III—VI
Глава I-я. Дѣянія Миссіонерскаго съѣзда	1—16
Глава II-я. Докладъ М. А. Стаховича и разборъ его членами съѣзда	16—28
Глава III-я. Мнѣнія періодической прессы по поводу доклада г. Стаховича	28—78
Глава IV. Разборъ доклада г. Стаховича.	78—108
Глава V. О свободѣ совѣсти	108—119
Заключеніе	120
Приложеніе	121—126

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Болѣе полутора мѣсяца въ послѣдней четверти текущаго года періодическая печать на Руси занималась обсужденіемъ вопроса о „*свободѣ совѣсти*“. Этотъ фактъ заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, что, не смотря на крайне слабое развитіе у насъ общественной и особенно русской мысли, мы все-же съ чужого голоса склонны считать означенную печать выразительницею общественнаго и даже русскаго мнѣнія!.. Не соглашаясь съ такимъ взглядомъ на современную намъ русскую прессу, я, съ своей стороны, тѣмъ не менѣе признаю ее могучимъ двигателемъ общественнаго развитія и посему только считаю далеко не лишнимъ разобраться въ томъ движеніи, которое охватило и болѣе полутора мѣсяца не сходило со страницъ нашихъ газетъ и журналовъ,—разумѣю поднятый въ печати вопросъ о „свободѣ совѣсти“. Ближайшимъ поводомъ къ печатному обсужденію даннаго вопроса послужилъ докладъ г. Стаховича, читанный на Орловскомъ миссіонерскомъ съѣздѣ 24 сентября текущаго года и затѣмъ отпечатанный 25 сентября въ „Орловскомъ Вѣстникѣ“ (№ 254). Этотъ докладъ въ свою очередь стоитъ въ тѣсной связи съ Орловскимъ съѣздомъ, посему я признаю за лучшее изложить послѣдова-

тельно: дѣянія Орловскаго миссіонерскаго съѣзда [1]), докладъ г. Стаховича, мнѣнія членовъ съѣзда и періодической печати о докладѣ и по поводу сего доклада, а также свой разборъ доклада и свое мнѣніе по существу поднятаго въ немъ вопроса „о свободѣ совѣсти“.

---

[1]) При изложеніи дѣяній съѣзда могутъ быть допущены невольныя неточности и даже ошибки, въ чемъ заблаговременно извиняемся предъ участниками съѣзда.

ВВЕДЕНІЕ.

Какъ извѣстно, со временъ Петра 1-го и до царствованія Императора Александра III-го законъ тщательно оберегалъ, чтобы въ нѣдрахъ Русской Православной Церкви между Іерархами и пастырями послѣдней отнюдь не происходили взаимныя личныя совѣщанія по разнымъ церковнымъ вопросамъ того или другаго мѣстнаго края, а тѣмъ болѣе всея Руси. Корень такого нововведенія скрывался въ боязни русской свѣтской власти встрѣтить себѣ въ своихъ дѣлахъ оппозицію въ лицѣ русскаго духовенства, — боязни, занесенной въ предѣлы Россіи съ Запада и не имѣющій у насъ для себя ни почвы, ни оправданія. Между тѣмъ эта боязнь какъ нельзя лучше пришлась по вкусу нашей, такъ называемой „либеральной прессы“, владѣющей у насъ почти $^2/_3$ „интеллигенціи“, которая въ своихъ цѣляхъ стала усиленно развивать ее и въ пылу своей публицистической фантазіи изобрѣла даже особый родъ „пугала“, извѣстнаго подъ именемъ „русскаго клерикализма“ и пускаетъ его въ ходъ при всякой малѣйшей попыткѣ свѣтской власти открыть Православной церкви доступъ къ сердцамъ народа. На этомъ поприщѣ особенно подвизался и нынѣ подвизается „Вѣстникъ Европы“ [1]) и К°. Но за красной или иной ширмой

---

[1]) См. за 1881 г. іюнь и сентябрь,—внутрен. обозрѣніе.

послѣднихъ, радѣющихъ якобы о благѣ русскаго народа и власти и оберегающихъ ихъ якобы отъ политиканства Русской Церкви, скрывается чуждая охраняемымъ мысль, что церковь и духовенство не могутъ оказывать вліянія на образованныхъ людей, такъ какъ послѣдніе-де живутъ, движутся и существуютъ началами не религіи, а современной цивилизаціи; они выше религіи, въ своемъ развитіи переросли ее!.. [2]) („Вѣстникъ Евр.“, „Русская Рѣчь“ за 1881 годъ и др.). Давно пора бы нашей „Западни чествующей“ прессѣ *открыто* поставить на своемъ знамени девизъ Гамбетты: „моя религія—религія интеллектуальной культуры“, что было-бы и въ духѣ „свободной совѣсти“. не мирящей съ пріемами либерально іезуитскаго пробабилизма!.. Отсюда понятно, почему у насъ внутренняя церковная жизнь въ теченіи почти двухсотъ лѣтъ была мертва, почему такъ усиленно, особенно въ царствованіе Импер. Александра II-го, старались и не безъ успѣха вырвать изъ рукъ духовенства одно изъ самыхъ лучшихъ орудій его вліянія на народъ—народную школу, почему, наконецъ, легла такая глубокая пропасть между русскою церковью и русской „интеллигенціей“!.. Лишь въ концѣ царствованія Импер. Александра II-го сознали, что „духовнонравственное развитіе народа составляетъ краеугольный камень

---

[2]) Въ частности, въ противоположность ученію славянофиловъ, что „православіе есть вѣковѣчная истина“, наши „западники—либералы“ учатъ, что православіе есть осужденный исторіей византизмъ, фикція, убѣжденіе убогихъ старушекъ Бѣлокаменной“ [см. „Вѣст. Европы“ 72 г. № 11, статья Пыпина; „Вѣсти. Европы“ 80 г. № 3, стат. Анненкова; и у Погодина [„прост, Рѣчь“ 3 изд. III, отд. 1—8)—мнѣнія Писарева),

всего государственнаго строя“ и что въ этомъ дѣлѣ необходимо предоставить „*преобладающее* участіе“ духовенству... [3]) Такимъ образомъ, горькимъ опытомъ, хотя и по соображеніямъ чистогосударственнымъ, правительство пришло къ мысли о необходимости открыть сердца народа вліянію его исконной матери—Церкви. Но къ сему времени въ этихъ сердцахъ накопилось столько язвъ, что для излеченія послѣднихъ необходимо было прежде поставить опытный діагнозъ и затѣмъ выработать цѣлый рядъ, нерѣдко очень сложныхъ мѣръ. Такъ сама жизнь потребовала *совокупныхъ* усилій и совѣщаній. И вотъ благою волею почившаго Монарха снова призваны къ жизни Соборы русскихъ іерарховъ и представителей епархіальнаго духовенства. таковы окружные соборы: въ Кіевѣ и Петербургѣ въ 1884 г., Казани и Иркутскѣ въ 1885 г.. Вслѣдъ за этими соборами. обсуждавшими разные церковные вопросы, стали открываться и проектированные на Казанскомъ соборѣ особые спеціально-миссіонерскіе съѣзды, посвящающіе свои засѣданія рѣшенію вопросовъ внутренней миссіи. Таковы всероссійскіе миссіонерскіе съѣзды: въ Москвѣ (въ 1887 и 1891 г.) и Казани (1897 г.). Вслѣдъ за всероссійскими стали открываться въ епархіяхъ и мѣстные. епархіальные съѣзды, посвящаемые нуждамъ епархіи, а въ 1898 г. былъ открытъ въ Одессѣ и первый областной миссіонерскій съѣздъ. Къ числу областныхъ съѣздовъ долженъ быть отнесенъ и бывшій въ сентябрѣ текущаго года миссіонерскій съѣздъ въ г. Орлѣ. Такимъ обра-

---

[2]) Высоч. утвержд. положеніе комит. министровъ 12 іюля 1879 г.

зомъ миссіонерскіе съѣзды быстро пробили себѣ путь, сдѣлавшись, по справедливому замѣчанію „Миссіонерскаго Обозрѣнія“ явленіемъ „облержнымъ“ въ современной церковной жизни, чему много содѣйствуетъ и прошлогодній указъ Св. Синода, рекомендовавшій Епархіальнымъ Преосвященнымъ устроять такіе съѣзды, какъ учрежденія „многополезныя“.

Казалось бы, что истинные ревнители церкви должны не только радоваться такому оживленію церковной жизни, но и съ своей стороны, какъ члены одного организма, принести на пользу церкви *свой* трудъ, свои знанія и опытъ... Но не то мы видѣли и видимъ въ лагерѣ „либеральной прессы“. Правда, она уже рѣже клеймитъ пробужденія церковной жизни прежде ею излюбленнымъ, но нынѣ устарѣвшимъ и почти безсодержательнымъ ярлыкомъ „клерикализма“ и даже иногда *своими же* устами признаетъ это клеймо смѣшнымъ, но за то она избрала другой способъ борьбы съ ненавистной ей церковью и духовенствомъ—это порочить всячески ихъ дѣятельность, съ изступленіемъ фанатика кричать о несоотвѣтствіи послѣдней *христіанскому* (!) идеалу и по сему объ излишествѣ (?!) самой дѣятельности, и въ крайнемъ случаѣ, подъ личиной „дорогихъ братьевъ“ врываться, наприм., на миссіонерскіе съѣзды, съ цѣлью „*сорвать*“ послѣдніе!.. Эти пріемы „либеральной прессы“ какъ нельзя лучше сказались и въ ея отношеніи къ бывшему въ Орлѣ миссіонерскому съѣзду.

Глава I-я.

Миссіонерскій съѣздъ въ Орлѣ начатъ былъ при церковно-величавой и торжественной обстановкѣ, вполнѣ соотвѣтствующей святости и величію миссіонерскаго дѣла. Послѣ литургіи и молебна, совершенныхъ епископомъ Никономъ въ каѳедральномъ соборѣ 16-го сентября, въ часъ того-же дня, подъ сводами домовой церкви архіерейскаго дома, состоялось первое торжественное засѣданіе, или точнѣе открытіе съѣзда [1]). Объявивъ съѣздъ открытымъ,

---

1) Къ участію въ совѣщаніяхъ съѣзда вызвано было изъ *Орловской епархіи* до 80 лицъ —священники, клирики, учители церковныхъ школъ и начетчики, среди коихъ два миссіонера--книгоноши. Кромѣ того прибыли на съѣздъ многіе священники по собственному желанію, а равно охотно посѣщали миссіонерскія засѣданія и члены общаго епархіальнаго съѣзда. Всѣ лица и учрежденія Орловскаго епархіальнаго вѣдомства особенно же Семинарія, во главѣ съ почтеннымъ о. ректоромъ, отнеслись къ съѣзду съ рѣдкимъ и лестнымъ для миссіи вниманіемъ. Каждое засѣданіе посѣщали воспитанники старшихъ классовъ семинаріи по наряду и вели дневники слышаннаго, а также присутствовали и на собесѣдованіяхъ. Изъ *другихъ епархій* на съѣздъ прибыли слѣдующіе миссіонеры: Воронежскій Т. С. Рождественскій, Тамбовскій П. Г. Айвазовъ и о. Ремизовъ, Екатеринославскій А. Я. Дородницынъ, Кіевскій свящ. о. С. М. Нотѣхинъ, Черниговскій, Витебскіе, Тульскій Д. П. Скворцовъ, Курскіе и изъ Москвы свящ. о. І. Фудель. Въ числѣ *епископскихъ* участниковъ въ съѣздѣ отмѣтимъ *прибывшихъ*: изъ Петербурга—А. А. Терновцева, изъ Твери—М. А. Новоселова, изъ Курска—помощ. городск. головы Ар. В. Алехина и *мѣстныхъ*: и. д. губернатора В. В. Бельгарда, губер. предв. двор. М. А. Стаховича, уѣздн. предв.--Выховецкаго, бригаднаго генерала А. П. Коссовича, помѣщика С. А. Цурикова и пѣк. др... Для руководства занятіями съѣзда приглашены были профессоръ Казанской Духов. Академіи извѣстный расколовѣдъ П. И. Ивановскій и спеціалистъ по сектовѣдѣнію редакторъ журнала «Мисс. Обозрѣніе» В. М. Скворцовъ.

Преосвященный Никаноръ произнесъ рѣчь о «религіозно-нравственномъ воспитаніи молодого поколѣнія, по поводу высказанныхъ въ различныхъ органахъ печати и, главнымъ образомъ, въ извѣстномъ докладѣ Государю Императору министра народнаго просвѣщенія сужденій о преобразованіи средней школы. Обрисовавъ стремленіе современной русской интеллигенціи и отчасти западной порвать связь нравственнаго воспитанія съ догматами вѣры или что тоже—отдѣлить нравственность отъ религіи, Преосвященный подробно остановился на графѣ Л. Н. Толстомъ, охарактеризовавъ міровоззрѣніе послѣдняго, какъ «религіозно-философскій эклектизмъ». Коснувшись вопроса церковной борьбы съ этимъ явленіемъ, Владыка признавалъ необходимымъ организовать особую миссію изъ церковнообщественныхъ силъ, которая дѣйствовала-бы исключительно въ интеллигентной средѣ русскаго общества. Но такъ какъ, по мнѣнію Его Преосвященства, и простой народъ сильно зараженъ недугами великосвѣтской, а еще болѣе собственной религіозной жизни, то необходимо вступить въ самую широкую борьбу съ этими язвами и народнаго быта. Послѣ Владыки сказалъ рѣчь В. М. Скворцовъ на весьма интересную тему «о господствующихъ въ свѣтскомъ обществѣ и печати предубѣжденіяхъ противъ миссіи и миссіонеровъ и означеніи миссіонерскихъ съѣздовъ и спеціальной миссіи для борьбы съ расколосектантствомъ». Сверхъ того, почтенный ораторъ призывалъ всѣхъ къ самой широкой и братски-сплоченной работѣ на нивѣ внутренней миссіи во всѣхъ слояхъ русскаго народа. Преподаватель мѣстной семинаріи и онъ-же епархіальный миссіонеръ А. И. Георгіевскій познакомилъ присутствующихъ съ появленіемъ и современнымъ состояніемъ расколосектантства въ Орловской епархіи, гдѣ въ настоящее время числится до 1000 чел. сектантовъ мистиковъ и раціоналистовъ и до $8^1/_2$ тыс. раскольниковъ.

Слѣдующія за тѣмъ рѣчи знакомили слушателей съ организаціею мѣстной внутренней миссіи, значеніемъ съѣзда для питомцевъ семинаріи и пр... Послѣ акта Владыкой была предложена трапеза почетнымъ гостямъ, старѣйшимъ представителямъ городского и сельскаго духовенства и иноепархіальнымъ и мѣстнымъ миссіонерамъ. Въ застольной рѣчи професс. Н. И. Ивановскій начертилъ картину зарожденія, постепеннаго развитія и современнаго состоянія всерусской внутренней миссіи. Въ тотъ-же день, съ 6½ до 10 час. вечера, въ Михаило-Архангельской церкви состоялось публичное собесѣдованіе Н. И. Ивановскаго съ раскольниками „о перстосложеніи для крестнаго знаменія", привлекшее массу слушателей [1]).

Съ 17-го Сентября въ зданіи Троице-Васильевской церковно-приходской школы открылись занятія съѣзда.. Съ этого дня и по 24 Сентября занятія велись ежедневно— утромъ (отъ 9½—2 час.) и вечеромъ (отъ 6—9½ час). Утреннія занятія носили, по преимуществу, лекціонный характеръ и посвящались характеристикѣ и обличенію раскола и, главнымъ образомъ, сектантства вообще и отчасти мѣстнаго, причемъ велись оживленные академическіе диспуты съ цѣлью принципіальнаго выясненія многихъ назрѣвшихъ въ миссіонерскомъ дѣлѣ вопросовъ. Вечернія занятія посвящались, по преимуществу, обсужденію мѣръ для борьбы съ расколосектантствомъ вообще и Орловской епархіи въ частности.

Утреннія занятія съѣзда 17 сентября открылись рѣчью В. Скворцова, приглашавшаго присутствующихъ къ возможно болѣе дѣятельному и сердечному обмѣну мыслей. Первымъ лекторомъ выступилъ мѣстный противораскольн-

[1]) Вторично тамъ-же почтенный профессоръ сдѣлалъ сообщеніе „о пути спасенія".

ническій миссіонеръ о. Левъ Адамовъ. Содержаніемъ его лекціи было: каноническое опредѣленіе раскола; понятіе о русскомъ расколѣ старообрядчества и причины его происхожденія и распространенія. По вопросу о „каноническомъ опредѣленіи раскола“ были даны весьма цѣнныя разъясненія проф. Н. И. Ивановскимъ. По мнѣнію послѣдняго „расколъ есть раздоръ или отдѣленіе отъ единства съ церковью по вопросамъ обрядовымъ, а ересь - по вопросамъ догматическимъ. Одно только *содержаніе* старыхъ обрядовъ отнюдь не можетъ быть названо расколомъ, а только старообрядческимъ православіемъ; въ расколъ же переходитъ послѣднее лишь тогда, когда изъ-за разницы въ обрядахъ происходитъ отдѣленіе отъ единства съ Православною Церковью. Посему, не всякій „старообрядецъ есть раскольникъ, но только тотъ, который порвалъ связь съ Православною церковью“. Во время чтеній второго лектора—миссіонера А. Георгіевскаго о мѣстной штундѣ, происходили оживленныя пренія по вопросу о будущности штундизма среди малороссовъ и великороссовъ, причемъ нѣкоторые, какъ В. Скворцовъ и др. высказали мнѣніе, что „великороссы сильнѣе склонны къ штундѣ, чѣмъ малороссы“. *) Въ то-же время В. Скворцовъ ознакомилъ слушателей съ различными способами чтенія Св. Писанія у штундистовъ толстовцевъ и другихъ сектантовъ, которые для удобства нахожденія въ Библіи необходимыхъ имъ текстовъ выставляютъ въ самой Библіи особые пунктиры. Такой ключъ къ чтенію Библіи былъ признанъ болѣе пригоднымъ для цѣлей миссіи, чѣмъ распространеніе въ народѣ листковъ съ одними только текстами, подтверждающими извѣстную

*) Это мнѣніе оспаривалось нѣкоторыми миссіонерами, утверждавшими обратное.

православную мысль, тѣмъ болѣе что эти листки скоро истрепливаются и теряются. [1]) При обсужденіи вопроса объ отношеніи православныхъ къ сектантамъ и наоборотъ, указывались примѣры нежелательнаго отношенія тѣхъ и другихъ другъ къ другу. Между прочимъ, священникомъ о. Переверзевымъ была приведена одна изъ страницъ церковноприходской жизни въ сектантскомъ селѣ Любцѣ, имѣвшая тамъ мѣсто въ 1882 г. [2]). Вечернія занятія

---

[1]) Конечно, распространеніе въ народѣ Библіи съ такими пунктирами несоизмѣримо дороже листковъ съ наборомъ въ нихъ извѣстныхъ библейскихъ текстовъ.

[2]) Въ виду тѣхъ пререканій, которыя возникли въ печати (см. Русск. Вѣдом. № 272; Бирж. Вѣдом. № 268-й) по поводу этой страницы, именно въ томъ ея видѣ, какъ она была передана о. Переверзевымъ, считаемъ не лишнимъ сообщить записанное нами со словъ самого о. Переверзева: «въ 1882 г. въ Любецкомъ приходѣ сталъ пропагандировать штунду крестьянинъ Ерохинъ, за что и былъ сосланъ. Съ другими штундистами крестьяне порѣшили расправиться сами. Въ праздникъ они заперли нѣсколько штундистовъ гдѣ-то на сѣни, поставили на улицѣ столъ, накрыли его чистой скатертью, положили на немъ икону и стали выводить штундистовъ по одному. Приложись!—Не хочу прикладываться къ идоламъ... А! пороть тутъ же. Но слабые которые, послѣ перваго-же раза, возвращались въ православіе. Ну, а были и такіе, которые до 4 разъ выдерживали». На вопросъ: „а начальство знало объ этомъ?"—священникъ отвѣчалъ: „да, дѣло было съ согласія начальства". Ну, а батюшка зналъ-ли?—священникъ отвѣчалъ: „да, батюшка зналъ, но лично не присутствовалъ; онъ все больше занимался уженьемъ рыбы - любитель былъ, а пастырь плохой"... На вопросъ: а сколько тогда было въ приходѣ штундистовъ? о. Переверзевъ отвѣчалъ: „да душъ до 80-ти съ дѣтьми, а нынѣ осталось 4"... На вопросъ: „гдѣ-жъ остальные"? —о. Переверзевъ отвѣчалъ: „одни отправились въ южныя губерніи, а другіе милостію Божьей сосланы въ Закавказье и Сибирь"!. Такимъ образомъ, г. Стаховичъ не правъ былъ, когда въ печати (Орлов. вѣст. № 254-й) передалъ это событіе за *современное* и происшедшее въ *церкви* и поставилъ его въ укоръ *дѣятельности миссіонеровъ*, которыхъ тогда еще и не было!.. А Орловское Братство было не право, когда говорило, что эта экзекуція произошла „не съ согласія бывшаго тогда мѣстнаго священника"!.. Правда, прямого согласія не было, но все поведеніе этого пастыря какъ-бы поощряло неразуміе

съѣзда въ тотъ-же день въ присутствіи Преосвященнаго были посвящены подробной разработкѣ вопроса объ организаціи мѣстной внутренней миссіи.

На утреннемъ засѣданіи 18 Сентября проф. Н. И. Ивановскій прочелъ лекцію о происхожденіи русскаго раскола старообрядчества (по мнѣнію профессора «расколъ—явленіе чисто церковное. а не соціальное, какъ учитъ А. П. Щаповъ и др...»), его распаденіи на безпоповщину и поповщину и о появленіи въ первой двухъ толковъ: поморцевъ и федосѣевцевъ. Затѣмъ о. Левъ Адамовъ сообщилъ краткія свѣдѣнія о мѣстныхъ новопоморцахъ и федосѣевцахъ. Послѣ получасоваго перерыва засѣданіе съѣзда было посвящено детальной разработкѣ вопроса о появленіи въ предѣлахъ южной Россіи штундизма характеристикѣ штунды и ея толковъ, причемъ весьма интересныя свѣдѣнія по этимъ вопросамъ были сообщены А. Дородницынымъ, В. Скворцовымъ и о. Потѣхинымъ, а также и прибывшимъ изъ Екатеринославской губерніи православнымъ книгоношей, бывшимъ штундовымъ «пресвитеромъ» Прокопіемъ. По свѣдѣтельству послѣдняго онъ былъ поставленъ въ «пресвитеры» цѣлой общиной и безъ руковозложенія. Но, читая библію, онъ созналъ необходимость руковозложенія и сталъ употреблять его. Только явилось у него сомнѣніе въ законности своего рукоположенія и за разрѣшеніемъ недоумѣнія онъ отправился къ Таврическимъ штундистамъ. Тамъ Балихинъ отвѣтилъ ему, что «можно обходиться и безъ руковозложенія». Отвѣтъ Балихина не удовлетворилъ

православныхъ крестьянъ. Далѣе, напрасно г. Стаховичъ видитъ въ словахъ достойнѣйшаго пастыря о. Переверзева. «милостью Божьею сосланы". признакъ радости послѣдняго мучительству сектантовъ! Мнѣ думается. что о. Переверзевъ здѣсь просто выразилъ мысль, что „все совершается по волѣ Божьей", а не злорадство, которое отнюдь не гармонируетъ съ пастырскимъ обликомъ о. Переверзева!..

его и онъ отправился къ Кіевскимъ штундистамъ. Здѣсь Чечеткинъ совѣтовалъ ему „рукополагать, а о правѣ рукоположенія не безпокоиться, потому что, рукополагая другихъ, онъ чрезъ то и самъ получитъ „даръ священства". Прокопій и съ этимъ не согласился. Продавъ свое имѣніе, онъ поѣхалъ къ Кавказскимъ штундистамъ, но и тамъ ему отвѣчали, что „рукоположеніе не важно и что со временемъ они надѣются сманить къ себѣ православнаго священника и принять отъ него рукоположеніе". Не согласился съ ними Прокопій и возразилъ: „какъ можно принять руковозложеніе отъ тѣхъ, которыхъ мы сами хулимъ"? Возвратившись на родину, Прокопій еще оставался „пресвитеромъ", но два года тому назадъ перешелъ въ православіе. „Теперь-же я слышу, заключилъ онъ, что у штундовъ появилось рукоположеніе".—

На вечернемъ засѣданіи съѣзда рѣшались вопросы о мѣрахъ борьбы съ расколосектантствомъ и была проведена образцовая бесѣда двумя миссіонерами о. св. преданіи, причемъ одинъ изъ нихъ — Тамбовскій былъ въ роли штундиста, а другой — Екатеринославскій стоялъ на православной точкѣ зрѣнія.

Въ слѣдующіе дни первые часы утреннихъ засѣданій, за нѣкоторыми исключеніями, посвящены были чтенію проф. Н. И. Ивановскимъ сжатыхъ, но картинно-ясныхъ и занимательныхъ, а также и весьма поучительныхъ очерковъ по исторіи и обличенію раскола, причемъ происходили оживленныя препія по возникавшимъ недоумѣннымъ вопросамъ. Тотъ-же профессоръ посвятилъ одну изъ лекцій Единовѣрію. Все остальное время было удѣлено вопросамъ сектантства и противосектантской миссіи.

Такъ, въ засѣданіяхъ 19 сентября обсуждались различныя мѣры борьбы съ сектантствомъ, согласно печатной программѣ съѣзда (см. „Орлов. Епарх Вѣд." 1901 г.

и отдѣл. оттиски) При установленіи общаго характера этихъ мѣръ, Екатеринославскій миссіон. А. Дородницынъ подробно развилъ мысль, что „для борьбы съ лжеученіями мѣры должны быть только духовныя". Та-же мысль была поддержана и другими миссіонерами, которые также высказались, что „для привлеченія ко Христу другихъ и для охраненія своихъ чадъ отъ *духовнаго*, но ложнаго воздѣйствія на нихъ различныхъ пропагандистовъ, необходимо употреблять мечъ только духовный; къ содѣйствію же гражданскаго меча прибѣгать лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда упомянутое воздѣйствіе сектантовъ на православныхъ переходитъ въ область много-различныхъ насилій, оградить отъ которыхъ Церковь безсильна, потому что слово не дѣйствуетъ на ожесточенныхъ и фанатиковъ; во всѣхъ такихъ случаяхъ Церковь отдаетъ своихъ чадъ и себя подъ защиту гражданскаго меча, или закона". Въ томъ-же засѣданіи г. Новоселовъ, между прочимъ, съ искренней болью и горечью „отмѣтилъ тотъ фактъ, что въ представленіяхъ сектантовъ православный миссіонеръ отождествился съ гонителемъ, отъ бесѣды съ которымъ они уклоняются изъ боязни оказаться въ рукахъ полицейскаго или судейскаго чиновника, уклоненіемъ этимъ произнося приговоръ надъ фальшивымъ (въ дѣлѣ миссіи) союзомъ миссіонера и урядника" [1]). Заявленіе г. Новоселова признавалось справедливымъ лишь въ той его части, которая отвергала въ дѣлѣ миссіи союзъ миссіонера съ полиціей. Въ остальномъ-же были усмотрѣны неточности: во 1-хъ, причиной уклоненія сектантовъ отъ бесѣдъ при-

---

[1]) На высказанныхъ г. Новоселовымъ мнѣніяхъ мы останавливаемся болѣе подробно, потому что они появились въ печати („Петерб. Вѣдом." № 292, 21 окт.), но безъ сдѣланныхъ по оннымъ замѣчаній членами съѣзда.

знавалась не „боязнь полиціи“, которой миссіонеры всячески избѣгаютъ на бесѣдахъ и нерѣдко даже вопреки требованіямъ тѣхъ-же сектантовъ и другихъ крестьянъ, заявляющихъ, что „для порядка стоило бы сотнику, аль урядинку быть“, такъ-какъ на бесѣдахъ бываютъ иногда пьяные, а иногда и у трезвыхъ крестьянъ страсти разгораются, но сознаніе сектантами своего безсилія и боязнь уронить свой авторитетъ въ глазахъ своей паствы и другихъ крестьянъ; во 2-хъ, „отождествленіе православнаго миссіонера съ гонителемъ“—продуктъ отношенія къ миссіи большинства „интеллигенціи“ и извѣстной части свѣтской прессы, далекихъ въ своихъ сужденіяхъ отъ жизненной правды; въ средѣ-же простонароднаго сектантства и другихъ крестьянъ такіе вопли рѣдки, да и то въ большинствѣ случаевъ безосновательны. Во время перерыва засѣданія миссіонеры и другіе члены съѣзда оживленно обмѣнивались мыслями по тому-же вопросу. Такъ г. Новоселовъ, между прочимъ, высказалъ: „что еслибы миссіонеры чистосердечно и открыто предъ Богомъ и предъ людьми отреклись отъ пользованія въ своемъ миссіонерскомъ служеніи мечемъ гражданскимъ, то одно это искреннее отреченіе ихъ имѣло-бы болѣе важныя и благодѣтельныя послѣдствія для миссіи, чѣмъ мелочная обработка существующихъ пріемовъ борьбы съ противниками Церкви“. На это нѣкоторые изъ миссіонеровъ отвѣчали, что „предъ людьми“ врядъ-ли стоитъ „отрекаться“, такъ какъ во 1-хъ: люди, ищущіе не правды, а лишь какой-либо почвы для распространенія басенъ и сказокъ на счетъ миссіонеровъ, не нуждаются въ такомъ отреченіи; во 2-хъ: люди, жаждущіе правды, если и нуждаются въ чемъ, то не въ словесныхъ отреченіяхъ миссіонеровъ, а въ ихъ дѣлахъ, согласныхъ съ Христовой истиной; посему, послѣдней категоріи лицъ лучше предложить взять мечъ миссіонера,

оцѣнить его тяжесть, а потомъ пойти въ деревни и села, гдѣ работаютъ миссіонеры и тамъ посмотрѣть, каковы условія ихъ дѣятельности, каковы они и ихъ дѣла, а тогда и судить о нихъ, положа руку на сердце. Что-же касается „обработки существующихъ пріемовъ борьбы съ противниками Церкви", то таковая „обработка" отнюдь не можетъ быть названа „мелочной" въ дѣлѣ *простонародной* миссіи, а напротивъ заслуживаетъ серьезнаго вниманія.

Въ засѣданіи 20-го Сентября было заслушано сообщеніе г. Д. И. Скворцова о „сектѣ Пашковцевъ". Указавъ на тождество главнаго принципа въ ученіи Пашковщины и Штундизма — „оправданіе человѣка одною только вѣрою въ Іисуса Христа", — г. докладчикъ главное отличіе первой отъ послѣдней находилъ въ томъ, что въ Пашковщинѣ элементы религіозно-мистическій и соціально политическій сказываются несравненно слабѣе, чѣмъ въ штундѣ, и богослужебный культъ почти совершенно отсутствуетъ. Характеризуя дѣятельность современныхъ пропагандистовъ - пашковцевъ, Д. Скворцовъ, между прочимъ, довольно подробно очертилъ ихъ „лукавые" пріемы пропаганды. Сообщеніе Д. Скворцова сдѣлалось предметомъ оживленнаго обмѣна мыслей между членами съѣзда. Такъ, г. Новоселовъ „настойчиво указывалъ на *наше* [1]) (?) неправильное и неправедное отношеніе къ пашковцамъ (и къ *нѣкоторымъ* [2]) другимъ сектантамъ), выражающееся въ

---

[1]) Курсивъ мой.

[2]) Если нижеуказанные „пріемы и средства" мог. б. „нравственно-одобрительными" *безусловно*, т. е. независимо отъ извѣстной, въ данномъ случаѣ Христіанской точки зрѣнія, опредѣляющей и цѣль ихъ употребленія, то тогда къ чему ограниченіе: „къ нѣкоторымъ"?!. Не логичнѣе-ли будетъ тогда признать ихъ „нравственно-одобрительными для *всѣхъ* сектантовъ?!. Но если въ данномъ случаѣ обязательна, что несомнѣнно,

томъ, что *мы* (?) видимъ хитрость и лукавство въ тѣхъ пріемахъ и средствахъ ихъ пропаганды, которые почитаемъ нравственно одобрительными, когда прибѣгаемъ къ нимъ сами". Нѣкоторые изъ членовъ съѣзда отмѣтили неточность въ замѣчаніи г. Новоселова, благодаря которой многіе не пожелаютъ стать въ число: „наше... мы"!.. По словамъ этихъ членовъ, тѣ „пріемы и средства", которые они употребляютъ въ своей миссіонерской дѣятельности, какъ согласные съ духомъ ученія Христа, отнюдь не считаются ими за „лукавые и хитрые" въ рукахъ отступниковъ отъ Церкви Христовой, такъ какъ эти „пріемы и средства", какъ и лучъ солнца, не загрязняется, если проникнутъ и въ грязныя болота. Если-же они иногда употребляютъ слова: „хитрый, лукавый", то не по отношенію къ самымъ „пріемамъ и средствамъ", а по отношенію къ отступникамъ отъ Церкви Христовой, которые коварно пользуются чисто-христіанскими „пріемами и средствами", но для цѣлей, чуждыхъ Христу. Отъ такихъ „хитрыхъ" и „лукавыхъ" дѣлателей предостерегалъ Ап. Павелъ, когда писалъ Коринѳянамъ: „таковые лжеапостолы, *лукавые* дѣлатели, принимаютъ *видъ* Апостоловъ Христовыхъ. И не удивительно, потому что самъ сатана принимаетъ *видъ* ангела свѣта. А потому не великое дѣло, если и служители его принимаютъ видъ служителей правды"... По поводу замѣчанія г. Новоселова, въ которомъ онъ „подчеркивалъ *нашу* (?) внутреннюю неправду, сказывающуюся въ томъ, что *мы* (?) негодуемъ на сектанта, который побоями по-

---

Христіанская точка зрѣнія на означенные „пріемы и средства" и христіанская цѣль ихъ употребленія, то нельзя не видѣть „лукавства" тамъ, гдѣ употребляютъ эти „пріемы и средства" подъ прикрытіемъ *христіанской* одобрительности ихъ для цѣлей, чуждыхъ Христу! Достаточно вспомнить „пріемъ" діавола, искушавшаго Христа (Мѳ. 4 гл. 6 ст.)!..

нуждается жену или сестру оставлять церковь и переходить въ секту и въ то-же время съ благодушной (?) улыбкой слушаемъ, какъ отецъ веревкой „учитъ“ взрослаго сына, перешедшаго въ секту, надѣясь такимъ способомъ вернуть его въ Церковь“,— нѣкоторые члены высказались, что обобщеніе: „нашу, мы“...—въ данномъ случаѣ неумѣстно, такъ какъ врядъ-ли найдутся миссіонеры, которые не осудили-бы равнымъ образомъ истязанія и въ первомъ и во второмъ случаѣ!.. Если же, при слушаніи подобныхъ происшествій, появится на чьемъ либо лицѣ невольная, безотчетная (а не „благодушная“) улыбка, то это еще не даетъ намъ повода осуждать „улыбнувшагося“, потому что означенныя трагедіи иногда не чужды и комическаго элемента!.. При обсужденіи вопроса о „соціально-политическихъ“ воззрѣніяхъ пашковцевъ, г. Новоселовъ „рѣшительно высказался противъ того ненаучнаго (выражаясь деликатно) метода изслѣдованія, при посредствѣ котораго такъ легко усматриваются проявленія зловредныхъ соціально-политическихъ тенденцій тамъ, гдѣ едва-ли усмотрѣло-бы ихъ самое недремлющее прокурорское око“. Съ принципіальной справедливостью даннаго замѣчанія и въ то-же время *съ крайней очевидностью* высказанной въ немъ мысли также нельзя не согласиться, какъ и съ тѣмъ, что снѣгъ—бѣлъ!... Въ такомъ именно духѣ высказались и члены съѣзда. Но нельзя не замѣтить, что даже въ теоріи нерѣдко происходятъ разногласія по поводу признанія извѣстнаго „метода изслѣдованія“ научнымъ, или ненаучнымъ! Посему, несравненно лучше было г. Новоселову опредѣлить критерій, по которому-бы легко было причислить извѣстный методъ къ научнымъ, или ненаучнымъ, такъ какъ кто-же не знаетъ, что „ненаучнаго“ метода изслѣдованія должно всячески избѣгать?!.—Въ тотъ же день, въ вечернемъ засѣданіи, съѣздъ занимался и обсужденіемъ

нѣкоторыхъ „духовныхъ мѣръ“ для борьбы съ расколо-сектантствомъ.

На утреннемъ засѣданіи 21 сентября подробно обсуждались вопросы методики собесѣдованій съ сектантами, причемъ обстоятельныя сообщенія сдѣланы были миссіонерами: Кіевскимъ, Тамбовскимъ и Воронежскимъ. Вечеромъ того-же дня былъ заслушанъ докладъ г. Новоселова о „забытомъ пути опытнаго богопознанія“ въ связи съ вопросомъ о христіанскомъ просвѣщеніи и христіанской миссіи вообще (и въ частности среди интеллигенціи). [1]) Докладъ вызвалъ весьма оживленныя пренія главнымъ образомъ по вопросу о внутреннемъ усвоеніи и оправданіи христіанскихъ догматовъ. Докладчикъ, между прочимъ, проводилъ ту мысль, что христіанскіе догматы—необходимый постулятъ („реальныя монеты“) внутренняго религіозно-нравственнаго состоянія христіанъ. Большинство-же утверждало, что *реальность* христіанскихъ догматовъ зависитъ отнюдь не отъ религіозной психики людей, а только отъ Божественнаго Основателя христіанства — Христа, который возвѣстилъ міру эти догматы, какъ ученіе, полученное Имъ отъ Бога Отца. Посему, христіанинъ долженъ не *творить* изъ внутри себя догматы, а лишь внутренно усвоить ихъ и, такъ сказать, воплотить въ себѣ уже *готовый* образъ Христа. Если-же принять мысль докладчика и довести ея развитіе до логическаго конца, то прійдется оправдать и тотъ болѣзненный и ложный христіанскій мистицизмъ, который выразился въ средѣ христіанъ, наприм. въ сектѣ хлыстовъ, въ обожествленіи простыхъ людей, въ присвоеніи послѣднимъ и божескихъ именъ: Саваоѳа, Христа, Богородицы!.. Между тѣмъ истинный христіанинъ,

---

[1]) Весьма желательно появленіе этого доклада въ печати вслѣдствіе безспорной важности затронутыхъ въ немъ вопросовъ.

воплощая въ себѣ образъ Христа, даже въ самой высшей степени своего мистицизма считаетъ себя простымъ человѣкомъ и не допускаетъ поглощенія своей человѣческой личности Божескимъ естествомъ, когда человѣкъ становится богомъ. И это потому, что образъ Христа есть идеалъ для него *реальный*, а не субъективный. — Что-же касается необходимости не механическаго, а именно *внутренняго* усвоенія христіанскихъ догматовъ, о чемъ подробно говорилъ г. докладчикъ, то на это было замѣчено что такой путь усвоенія догматовъ, вопреки заявленію г. докладчика, отнюдь не можетъ быть названъ „забытымъ", а напротивъ усиленно предлагаемымъ, напр. въ сочиненіяхъ ректора С.-Петербургской Академіи Епископа Сергія и особенно въ сочиненіяхъ — бывшаго ректора Московской и Казанской Академій, а нынѣ Епископа Уфимскаго Антонія. — Въ томъ-же засѣданіи былъ заслушанъ и довольно интересный докладъ священника о. Фуделя (изъ Москвы — о „миссіи среди современной интеллигенціи" [1]), встрѣтившій общее сочувствіе и одобреніе.

Утромъ 22-го Сентября происходили оживленныя пренія по поводу доклада Орловскаго миссіонера А. Георгіевскаго о мѣстной хлыстовщинѣ, скопчествѣ и новоскопцахъ, причемъ главнымъ предметомъ преній былъ вопросъ о „радѣніяхъ" и „христовой любви" у новоскопцевъ. Послѣ этихъ преній В. М. Скворцовъ посвятилъ весьма прочувствованную рѣчь памяти недавно почившихъ дѣятелей внутренней миссіи и внесъ предложеніе объ увѣковѣченіи ихъ именъ и записи ихъ въ синодикъ миссіи. Въ то-же время онъ предложилъ учредить братство или союзъ миссіонеровъ, который бы сплотилъ разрозненную нынѣ мис-

[1]) Этотъ докладъ мы помѣщаемъ въ „приложеніи" полностью, въ виду его важности для внутренней миссіи.

сіонерскую дружину и служилъ опорою дѣятелямъ миссіи въ трудныя минуты ихъ жизни. Предложенія г. Скворцова встрѣтили общее сочувствіе, при этомъ съѣздъ передалъ проектъ предполагаемаго братства для разработки и осуществленія самому-же докладчику, а также внесены были и пожертвованія на дѣло увѣковѣченія памяти почившихъ миссіонеровъ Еп. Никапоромъ, М. А. Стаховичемъ и другими... Въ тотъ-же день вечеромъ совершена была панихида по почившимъ миссіонерамъ.

Въ воскресенье 23 числа, послѣ торжественнаго служенія въ каоедральномъ соборѣ Преосвященнымъ Никапоромъ литургіи и молебна, въ покояхъ Его Преосвященства состоялось обычное годичное собраніе членовъ мѣстнаго Братства св. Петра и Павла, а вечеромъ въ Михаило-Архангельской церкви была проведена бесѣда „о церковной іерархіи“ (противъ сектантовъ). [1]) Такъ оффиціально, согласно утвержденной программѣ, закончился миссіонерскій съѣздъ; но фактически, съ благословенія епископа, назначено было еще два дополнительныхъ засѣданія на 24-е Сентября.

Въ утреннемъ засѣданіи съѣзда 24 Сент. сдѣлано было сообщеніе о мѣстныхъ хлыстахъ А. Георгіевскимъ [2]), причемъ подробно обсуждались мѣры борьбы съ хлыстами и отношеніе къ нимъ, а равно и къ другимъ сектантамъ духовенства. Въ первой половинѣ вечерняго засѣданія Кіевскій миссіонеръ доложилъ „о святости церкви“ по ученію штундистовъ, причемъ подробно была разработана членами съѣзда методика бесѣды о данномъ предметѣ съ сектан-

---

[1]) Бесѣду провелъ Воронежскій миссіонеръ при помощи миссіонера Тамбовскаго.

[2]) Это сообщеніе было дополнительнымъ къ сдѣланному имъ-же сообщенію о хлыстахъ въ засѣданіи 22 Сентября.

тами. Время съ 7—9½ часовъ вечера было посвящено слушанію и обсужденію доклада г. М. А. Стаховича.

Глава II-я.

Вслѣдствіе того вниманія, которымъ почтила наша пресса нестолько самый докладъ г. Стаховича, сколько личность (?!) г. докладчика, причемъ „либералы" пытались окружить послѣдняго ореоломъ и украсить лаврами, а „консерваторы", наоборотъ, развѣнчать его и причислить къ современнымъ „циникамъ", мы считаемъ не лишнимъ, предварительно изложенія доклада г. Стаховича, сказать нѣсколько словъ.

До послѣдняго времени г. Стаховичъ оставался чуждымъ дѣлу внутренней миссіи, а также не интересовался и дѣлами мѣстнаго—Орловскаго Петропавловскаго Миссіонерскаго Братства, посему и не состоялъ даже въ числѣ членовъ—соревнователей послѣдняго.. [1]) Тяготѣніе-же къ занятіямъ Орловскаго миссіонерскаго съѣзда онъ возымѣлъ съ цѣлью опубликовать кое-что, по своему выбору и вкусу, изъ дѣяній съѣзда, такъ какъ „разницы между закрытымъ засѣданіемъ и открытымъ онъ не дѣлалъ", [2]) а также и прочесть на съѣздѣ свой докладъ, которымъ намѣревался „сорвать" [3]) самый съѣздъ!.. [4]) Между прочимъ, съ пос-

---

[1]) Если нѣкоторые члены и знали г. Стаховича, то лишь какъ борца за дворянскую *монополію:* на должности сборщиковъ денегъ по казеннымъ винным лавкамъ, и на умѣряющее участіе, воздержность отъ соблазна, словомъ, на честность!.. (см. „недѣля" 1900 г. №№ 42—43).

[2]) Выраженіе г. Стаховича, см. „Бирж. Вѣд." № 268 Удивительно оригинальный кодексъ!..

[3]) Выраженіе „сторонниковъ" г. Стаховича—см. "Москов. Вѣдом." № 269.

[4]) Какъ „кое-что изъ дѣяній съѣзда" въ расчетѣ на succès du scandale

лѣдней-же цѣлью онъ до самаго выхода на трибуну блюлъ въ строгой тайнѣ содержаніе и даже тему своего доклада [1]) и позаботился о „достойной обстановкѣ“ задуманнаго имъ coups de théâtre, пригласивъ въ залъ засѣданія, къ немалому удивленію членовъ съѣзда, много совершенно новыхъ посторонних лицъ, не только мужскаго, но и женскаго пола!.. Sapienti sat!..

Перейдемъ теперь къ докладу г. Стаховича. Въ длинномъ предисловіи онъ почему-то счелъ нужнымъ выдать членамъ Орловскаго миссіонерскаго съѣзда своего рода аттестатъ, испещренный до приторности слащавыми и по — салонному напыщенными похвалами, которыя мы, съ своей стороны, считаемъ, по меньшей мѣрѣ, неумѣстными, такъ какъ въ оцѣнкѣ дѣяній съѣзда г. Стаховичъ, безъ сомнѣнія, былъ некомпетентнымъ, да и члены съѣзда отнюдь не намѣрены были тратить время на выслушиваніе подобныхъ похвалъ [2])!.. Въ концѣ этого предисловія г. ораторъ намѣтилъ и тему своего доклада въ слѣдующихъ словахъ: „само вставало передо мною пропущенное въ огромной программѣ, ни разу не произнесенное (?) здѣсь, среди пылкихъ ученыхъ, многосторонних и искренних преній — вѣковое слово: „*свобода совѣсти*“ [3]). Такимъ

такъ и свой докладъ г. Стаховичъ уже на слѣдующій день, 25-го Сент., отпечаталъ въ „Орлов. Вѣстникѣ“ № 254.

[1]) Мы не говоримъ уже о томъ, что г. Стаховичъ употребилъ некрасивый (выражаясь деликатно) пріемъ, чтобы ошеломить и, такъ сказать, застигнуть въ расплохъ г.г. членовъ съѣзда, когда *раньше* предложилъ имъ свои услуги сдѣлать сообщеніе по *одному* вопросу, а *съ трибуны* прочемъ совершенно о *другомъ*?!. (см. „Миссіон. Обозр.“ Окт. 495 стр.).

[2]) Желающіе ознакомиться съ цвѣтами этого краснорѣчія могутъ обратиться къ „Орлов. Вѣстн.“ № 254 и „С.-Петерб. Вѣдом.“ № 267.

[3]) На самомъ-же дѣлѣ то, что г. Стаховичъ разумѣлъ въ своемъ докладѣ подъ „свободой совѣсти“, было предметомъ нѣсколькихъ и даже цѣлыхъ засѣданій съѣзда и вызывало всегда живой обмѣнъ

образомъ вопросъ о „*свободѣ совѣсти*“ является главною темою доклада г. Стаховича. Какъ-же послѣдній рѣшаетъ этотъ вопросъ въ своемъ докладѣ?

Отвѣтъ на это мы дадимъ нѣсколько ниже, именно въ подробномъ разборѣ нами доклада г. Стаховича, а сейчасъ послѣдовательно сообщимъ тѣ возраженія и замѣчанія, которыя были сдѣланы, по поводу этого доклада, въ томъ-же засѣданіи съѣзда членами онаго.

1. Преосвященнѣйшій Никаноръ, Епископъ Орловскій и Сѣвскій. –„Совѣсть есть внутреннее душевное чувство, которое слагается изъ двухъ элементовъ. Съ одной стороны, совѣсть есть законъ, опредѣляющій дѣлать одно, какъ доброе, и не дѣлать другое, какъ злое; а съ другой стороны, совѣсть есть судія, который внутренно судитъ человѣка, не давая ему покоя за совершеніе зла и радуя его за совершеніе добра. Ни въ первомъ, ни во второмъ проявленіи совѣсти свобода не имѣетъ никакого значенія, ибо понятіе свободы изъ другой области душевныхъ явленій- -изъ области воли. Свобода, какъ стремленіе дѣйствовать независимо ни отъ кого и ни отъ чего, не приложима къ совѣсти, какъ закону и судіи, потому что этотъ законъ, это судилище есть такъ сказать, ограниченіе ея, противоположеніе ей, стѣсненіе ея. Христосъ Спаситель соединялъ свободу не съ совѣстью, а съ другими основами жизни, болѣе вѣрными, болѣе опредѣленными, болѣе надежными. Онъ сказалъ: „Истина свободитъ вы“ (Іоан. 8, 32). Затѣмъ, здравый смыслъ долженъ сказать каждому, что совѣсть всякаго человѣка есть законодатель и судія только для него лично. Моя совѣсть не есть законъ и судія для

мыслей!.. Посему, совершенно справедливо одинъ изъ членовъ съѣзда отказался „объяснить себѣ, почему г. Стаховичъ забылъ объ этомъ“ и бросилъ незаслуженный укоръ съѣзду (Петерб. Вѣдом. № 292)?!

другихъ. Когда-же человѣкъ станетъ распространять свою совѣсть на другихъ и подчинять ихъ вліянію ея, то тутъ иногда можетъ быть насиліе, противъ чего именно и борется гражданская власть. Не наше дѣло касаться политики, самимъ входить въ обсужденіе и обращаться къ другимъ съ ходатайствомъ объ отмѣнѣ уголовныхъ и гражданскихъ законовъ по дѣламъ вѣры,—тѣмъ болѣе, что въ Россіи свобода вѣры не стѣсняется, ужасы инквизиціи у насъ невозможны, и опасеніе ихъ для насъ даже непонятно.

2. Кіевскій миссіонеръ, священникъ С. М. Поттхинъ.—Сердечная боль М. А. не чужда и намъ, миссіонерамъ. Тяжело положеніе миссіонеровъ, на которыхъ и въ обществѣ, и въ печати смотрятъ, какъ на гонителей. Еще больше видѣть, какъ миссіонерское дѣло гибнетъ, когда въ него вмѣшиваются урядники, становые и т. д. Довѣріе между миссіонерами и сектантами рушится, тѣ и другіе не находятъ точекъ соприкосновенія другъ съ другомъ. Участіе гражданской власти въ дѣлѣ возвращенія сектантовъ въ лоно православія не полезно. Правда, бываютъ случаи возвращенія полицейскими мѣрами, но возвращенные такимъ порядкомъ растлѣваютъ православныхъ своими сектантскими воззрѣніями. Что-же отсюда слѣдуетъ? Неужели услуги Правительства не нужны намъ? Нужно-ли ставить „препоны вожакамъ сектантства и ихъ собраніямъ? Отвѣтимъ: „нужно". Мы смотримъ на всѣхъ властей, какъ на слугъ Божьяго Промысла въ исторіи церкви. Изъ этой исторіи извѣстно, что въ умахъ первенствующихъ христіанъ была нѣкогда смута, вслѣдствіе ожиданія пришествія антихриста. По этоту поводу Ап. Павелъ писалъ Солунянамъ: „тайна беззаконія уже въ дѣйствіи, только не совершится до тѣхъ поръ, пока не будетъ взятъ отъ среды удерживающій теперь" (2 Сол. 2, 7). По изъясне-

нію многихъ св. отцовъ силою, удерживающею явленіе антихриста и отступленіе многихъ отъ Христа и Его истинной церкви, является царская власть. Перейдемъ отъ церкви Апостольской къ нашему времени. По историческимъ судьбамъ, въ которыхъ жила и живетъ наша церковь, она не можетъ привести всѣхъ къ желанному единству во Христѣ,—и исконный врагъ человѣчества можетъ отторгнуть отъ церкви многихъ чадъ ея. Пока Промыслъ Божій не дастъ пастырямъ церкви силъ спасти всѣхъ, до тѣхъ поръ необходимо содѣйствіе имъ со стороны гражданской власти. Законы, запреты Правительства —это не кара, а положеніе „пропонъ“ разнымъ лжеученіямъ“.

3. Воронежскій миссіонеръ Т. С. Рождественскій. - Для разрѣшенія трактуемаго вопроса о „свободѣ совѣсти“ призовемъ на помощь самую жизнь. Ложно направленная совѣсть, получивъ свободу, можетъ толкнуть многихъ и многихъ на ложный путь. Передъ нами Тираспольское событіе... Вся Россія содрогнулась, узнавъ, что фанатикъ—раскольникъ, усмотрѣвъ во всеобщей переписи признаки пришествія антихриста, въ силу религіозныхъ заблужденій, зажиго похоронилъ цѣлыя семьи. Вотъ фактъ, показывающій къ какимъ печальнымъ послѣдствіямъ приводитъ извращенная совѣсть! Другой случай: 150 представителей крестьянскаго общества составили приговоръ и подали его Воронежскому Губернатору, прося послѣдняго избавить ихъ отъ хлыстовъ, которые раззоряютъ и развращаютъ ихъ общество. Это вѣдь вопль тысячи православныхъ! Сектантство наше есть не только неправильное направленіе чувствъ и убѣжденій, но и жизненный фактъ, бытовое явленіе и, какъ таковое, часто переходитъ на преступную почву. Было-бы преступно не оградить личность и свободу одного отъ насилій другого; а потому мы иногда

должны дѣйствовать противъ сектантовъ тѣми мѣрами, которыми вообще ограждаемся отъ преступности другихъ. Мы боремся духовными мѣрами, властью-же мы хотимъ не совѣсть подавить, а оградить свободу одного отъ насилія другого. Въ докладѣ-же г. Стаховича проглядываетъ незнаніе этой преступной стороны внутренняго строя и быта нашего сектантства.

4. *Тамбовскій миссіонеръ П. Е. Аѳанасовъ.*—Вопросъ, затронутый Михаиломъ Александровичемъ, слишкомъ серьезенъ и животрепещущъ. Надъ разработкой этого вопроса трудились цѣлые вѣка. Мнѣ думается, что наше помѣщеніе тѣсно и время слишкомъ кратко для рѣшенія такого вопроса и что самый докладъ г. Стаховича можетъ быть принятъ лишь какъ воззваніе къ „чувству“ миссіонеровъ. Принципъ отдѣленія церкви отъ государства, проведенный въ докладѣ М. А., равносиленъ отдѣленію дѣятельности мысли отъ дѣятельности тѣла. Такой принципъ не можетъ возбудить сочувствія съ нашей стороны. Примѣръ Западной Европы, на которую сослался М. А., не можетъ служить для насъ доказательствомъ: во 1-хъ, потому что ни на Западѣ, ни въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ этотъ принципъ не проведенъ до конца и послѣднее слово тамъ далеко еще не сказано; во 2-хъ, то, что тамъ сдѣлано въ этомъ отношеніи, привело къ печальнымъ результатамъ; достаточно вспомнить хотя-бы одинъ брачный вопросъ. Да если бы въ Америкѣ, или на Западѣ и дѣйствительно (чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ) былъ проведенъ въ жизнь полностью принципъ отдѣленія церкви отъ государства, то и тогда намъ еще предстояло-бы оцѣнить достоинства этого принципа съ христіанской точки зрѣнія, прежде чѣмъ пересаживать его на русскую почву. Съ христіанской-же точки зрѣнія, по моему мнѣнію, нужно провозгласить не принципъ отдѣленія, а принципъ возможно

большаго вліянія церкви на государство.—Попутно замѣчу, что 1006 ст. XVI т., вопреки заявленію М. А., свидѣтельствуетъ не о „коварствѣ“ гражданской власти по отношенію къ духовной, а лишь объ экспертномъ правѣ духовной власти въ дѣлахъ вѣры, что ясно и изъ *полнаго* текста какъ 1006-й, такъ и слѣдующей 1007-й ст.

5. *Членъ съѣзда, священникъ Н. Ремизовъ.* Сектанты-штундисты нерѣдко очень дерзки и насильно совращаютъ и удерживаютъ въ штундѣ женщинъ и дѣтей, посему правительство должно оказывать защиту несчастнымъ жертвамъ изувѣрства.

6. *Священникъ Митрофанъ Серебрянскій.* Мы созданы для блаженства. Блаженство у того, у кого истина. Дохристіанская философская мысль напрасно пыталась найти истину. Эту истину открылъ намъ Іисусъ Христосъ и русская церковь обладаетъ ею. Она общее достояніе всѣхъ вѣрующихъ, а потому и духовныя и свѣтскія власти должны охранять ее. Но есть люди, которые не признаютъ истины и стараются заглушить ее. Проповѣдники ересей насилуютъ свободу совѣсти, вслѣдствіе чего другіе люди погибаютъ. Для уничтоженія тѣлесныхъ болѣзней иногда требуется произвести операцію. Ересь—болѣзнь духовная и для предохраненія другихъ отъ этой духовной заразы необходимо на время удалить еретиковъ изъ общества вѣрующихъ. Но, приглашая себѣ на помощь гражданскую власть, церковь не оставляетъ мѣръ своего духовнаго воздѣйствія на заблуждающихся: пастыри церкви несутъ свою проповѣдь въ тюрьмы, въ мѣста заключенія и ссылокъ. Изъ сказаннаго видно, что принимаемыя гражданскимъ начальствомъ въ отношеніи раскольниковъ и сектантовъ мѣры являются не наказаніемъ ихъ, не насиліемъ надъ совѣстью ихъ, а временнымъ удаленіемъ вредныхъ членовъ изъ общества истинно вѣрующихъ.

7. *Редакторъ-издатель „Миссіонерскаго Обозрѣнія“ В. М. Скворцовъ.* Зная М. А., какъ просвѣщеннаго дѣятеля, зная его отзывчивость на всѣ злободневные вопросы, я смотрю на его докладъ, какъ на выраженіе глубокаго сочувствія дѣлу миссіи. Но, пользуясь мѣткимъ выраженіемъ присутствующаго здѣсь генерала А. И. Коссовича: „обстановка повелѣваетъ“, я долженъ сказать, что „обстановка“ не повелѣваетъ намъ на епархіальномъ съѣздѣ обсуждать вопросъ государственной важности. Докладъ г. Стаховича является для пасъ—миссіонеровъ только мнѣніемъ частнаго лица и, стоя на такой точкѣ зрѣнія, я позволю себѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній по существу доклада. Наши законы не караютъ ни свободы вѣры, ни свободы вѣроисповѣданія. Въ Петербургѣ весь Невскій проспектъ застроенъ иновѣрческими храмами. Раскольники и сектанты также пользуются большою свободою. Имъ воспрещается только пропаганда и публичное оказательство своей вѣры, въ видахъ охраненія православныхъ отъ совращенія и соблазна. Это ясно слѣдуетъ изъ дѣйствующаго закона 1883 года; о томъ же гласятъ статьи 189 и 196 уложенія о наказаніяхъ. Законъ не признаетъ раскольнической іерархіи, такъ какъ раскольники хотятъ создать вторую церковь, свободную отъ той связи съ государствомъ, въ которой находится православная церковь. Возможно ли эту воюющую церковь признать равноправною съ православной? Ст. 1006-я уст. угол. судопр., повелѣвающая начинать предварительныя судебныя слѣдствія о совращеніи изъ православія или объ отступленіи отъ христіанской вѣры не иначе, какъ по требованію духовнаго начальства, понимаетъ это требованіе не въ смыслѣ обвиненія, а въ смыслѣ экспертизы: какъ видно изъ разъясненій этой статьи, преслѣдовать сектаторство можно только тогда, когда надлежащая власть признаетъ,

что въ извѣстномъ случаѣ есть сектаторство, и такою властью здѣсь можетъ быть только духовная власть. „Для рѣшенія вопроса о томъ, наступило-ли время отмѣны всѣхъ гражданскихъ законовъ по преступленіямъ противъ вѣры, необходимо обратить вниманіе 1) на состояніе просвѣщенія нашего народа и 2) на характеръ нашего расколо-сектантства. Темнота народа извѣстна; она порождаетъ расколо-сектантство и всякаго рода суевѣрія и безсмыслицы. Говорить о свободѣ сектантовъ, значитъ говорить о свободѣ тьмы, невѣжества и всякихъ нелѣпостей. Эту мысль лекторъ прекрасно иллюстрировалъ яркими картинами изувѣрства и насилія надъ совѣстью православнаго населенія со стороны вожаковъ сектантовъ, примѣрами изъ движеній послѣдняго времени среди епоховцевъ, малеванцевъ и духоборовъ“. Къ сожалѣнію, наше свѣтское общество и печать знаютъ сектантство только въ его приnаряженномъ, праздничномъ видѣ; немногіе знаютъ его внутреннюю жизнь, вслѣдствіе его скрытности и замкнутости. При рѣшеніи настоящаго вопроса необходимо также обратить вниманіе на то, что изъ десяти сектантовъ только два—люди убѣжденные, остальные-же паразиты, для которыхъ слово миссіонера безсильно. Наконецъ, что касается вопроса объ отношеніи церкви къ государству, то на Руси церковь и государство слиты во единый организмъ. Царь у насъ не только носитель власти, но и помазанникъ Божій, и царская власть имѣетъ іерархическое, священное значеніе. Отсюда въ оскорбленіяхъ сектантами иконъ и др. святынь народъ усматриваетъ оскорбленіе Царя, который чтитъ эти святыни. Необходимо также считаться съ такимъ взглядомъ народа: „законъ не караетъ чего-либо, значитъ это дозволено“. И въ Западной Европѣ, гдѣ нѣтъ такой тѣсной связи церкви съ государствомъ, какая существуетъ у насъ, нѣтъ полной свободы совѣсти.

какъ понимаетъ ее г. Стаховичъ. Подтвержденіемъ сего, напримѣръ, во Франціи можетъ послужить послѣдній законъ о конгрегаціяхъ. Можно согласиться съ г. Стаховичемъ въ одномъ: репрессивныя мѣры въ дѣлахъ вѣры — не радикальныя, а палліативныя. Но до тѣхъ поръ, пока мы не придемъ „въ мѣру возраста исполненія Христова", пока мы не достигли совершенства, до тѣхъ поръ гражданскіе законы необходимы, какъ ограниченіе злой, преступной воли".

8. *Кандидатъ университета М. А. Новоселовъ.* Въ борьбѣ съ расколо-сектантствомъ всѣ должны дѣйствовать, всѣ должны просвѣщать заблуждающихся свѣтомъ Христова ученія, а не возлагать эту обязанность на однихъ „духовныхъ". Но всѣ должны дѣйствовать мѣрами только духовными. Репрессивныя мѣры вредны: 1) потому-что возбуждаютъ нареканія на миссіонеровъ, какъ на гонителей и преслѣдователей, и заставляютъ сектантовъ уклоняться отъ бесѣдъ съ ними; 2) потому что преслѣдованія поднимаютъ духъ сектантовъ, поддерживаютъ въ нихъ ненависть къ церкви. Это подтверждается, напр. исторіею толстовскаго движенія. Напротивъ, временное прекращеніе преслѣдованія дало возможность нѣкоторымъ толстовцамъ одуматься, сознать свои заблужденія и вернуться въ лоно церкви. Вотъ почему сами христіанскіе миссіонеры не должны обращаться къ содѣйствію гражданской власти. Для борьбы духовными мѣрами можно привлечь много иныхъ силъ. Вѣдь у насъ, напр., студентъ—миссіонеръ это тоже, что на языкѣ логики „contradictio in adjecto"; между тѣмъ какъ въ Англіи студенты принимаютъ участіе въ миссіи и оказываютъ ей большія услуги.

Послѣ этого г. Стаховичъ снова съ трибуны бросилъ нѣсколько побочныхъ возраженій своимъ оппонентамъ, подкрѣпленныхъ неумѣстными сравненіями (изъ области вин-

ной монополіи и шинковъ), сослался почему-то на англійскую поговорку: „когда нужно застрѣлить собаку, то прежде объявляютъ её бѣшеною“ (!?)... и, наконецъ, призналъ, что въ избранной имъ обстановкѣ лучше было-бы не возбуждать даннаго вопроса!...

Кандидатъ университета В. А. Тернавцевъ замѣтилъ, что г. Стаховичъ совершенно напрасно въ своемъ докладѣ и отвѣтной рѣчи своимъ оппонентамъ употребляетъ крайне-обличительный тонъ по отношенію къ православной миссіи. Подобныя обличенія и обидны и незаслуженны и напрасно г. ораторъ старался замаскировать ихъ въ своемъ предисловіи къ докладу. которое есть ничто иное, какъ устарѣвшій риторическій пріемъ, или излишнее украшеніе рѣчи!... —Сами сектанты преувеличиваютъ степень преслѣдованія, которому они подвергаются. Праведникъ всегда въ тягость грѣшнику, напр., можно сказать, что не Саулъ гналъ Давида, а Давидъ преслѣдовалъ Саула своею праведностью. Для сектанта самый фактъ существованія Церкви является тяжкою мукою; ему непріятно даже встрѣтиться съ священникомъ. Переходя, затѣмъ, къ вопросу объ отношеніи церкви къ государству, г. Тернавцевъ высказалъ пожеланія, чтобы гражданская и духовная власти дѣйствовали въ полной гармоніи и въ духѣ истинно-христіанскихъ идеаловъ. Въ частности, въ дѣлѣ миссіи государство должно раздѣлять съ церковью это бремяношеніе и миссіонеры не должны брезгливо чуждаться свѣтской власти.

10) *Профессоръ Н. И. Ивановскій.* Выслушавъ все, сказанное здѣсь по вопросу о „свободѣ совѣсти“, я, съ своей стороны, вкратцѣ замѣчу, что данный вопросъ яснѣе можно формулировать такъ: „какъ государство должно относиться къ диссидентамъ“? Это—вопросъ государственной важности. вопросъ не новый и трудный и потому разрѣшеніе его въ одинъ вечеръ на епархіальномъ съѣздѣ

можетъ вызвать лишь улыбку. Можно только обмѣняться мыслями. Вообще-же нужно сказать, что осуждать законы легче, чѣмъ издавать. Для правильнаго уразумѣнія ихъ необходимо имѣть въ виду тѣ цѣли, которыя преслѣдовалъ законодатель. Законы объ охраненіи господствующаго вѣроисповѣданія и о публичномъ оказательствѣ раскола и сектанства имѣютъ цѣлью не наказывать раскольниковъ и сектантовъ, а ограждать православныхъ отъ пропаганды и соблазна. Эти законы--не карательные, а ограничительные и вызываются характеромъ и жизнью нашего народа".

Такимъ образомъ, члены съѣзда разбирали докладъ г. Стаховича *по существу*, не обращая вниманія на сдѣланныя въ немъ безтактныя и неосновательныя нападки на миссію и на безцеремонное извращеніе нѣкоторыхъ фактовъ!... Въ виду-же того, что означенный докладъ былъ выслушанъ, какъ частное мнѣніе,--не входилъ въ программу съѣзда и превышалъ его компетенцію, въ дѣлѣ «возбужденія по оному ходатайства», то онъ и не ставился на съѣздъ къ обычному опредѣлительному сужденію и потому никакого постановленія по нему не состоялось. Все дѣло ограничилось простымъ обмѣномъ мыслей по возбужденному въ докладѣ вопросу между участниками съѣзда.

Обсужденіемъ доклада г. Стаховича кончились засѣданія Орловскаго миссіонерскаго съѣзда. Всѣ засѣданія съѣзда не были публичными и потому произносившіяся на нихъ рѣчи оглашенію не подлежали. А между тѣмъ, благодаря стараніямъ г. Стаховича, уже на слѣдующій день—утромъ 25 сентября газетчики разносили по городу „*Орловскій Вѣстникъ*", въ которомъ напечатанъ былъ: „Докладъ М. А. Стаховича, читанный на Орловскомъ миссіонерскомъ съѣздѣ" (жирнымъ шрифтомъ)!.. А вскорѣ, 29 сентября, и *С.-Петербургскія Вѣдомости* оповѣстили о „*замѣчательной рѣчи*" М. А. Стаховича и перепечатали послѣднюю цѣли-

комъ съ собственнымъ курсивомъ многихъ мѣстъ доклада, даже и не относящихся къ главному въ немъ вопросу о „свободѣ совѣсти“, а расчитанныхъ лишь на succés du scandale!..

Такимъ образомъ, докладъ г. Стаховича сдѣлался достояніемъ прессы, которая въ теченіе болѣе полутора мѣсяца на разные лады обсуждала его.

Глава III.

„На всякомъ шагу встрѣчаешь великолѣпное „зданіе, на фронтонѣ коего написано: „*Здѣсь истина*„*на*“. Входишь и ничего не видишь, кромѣ лжи.... „Выходишь и когда пытаешься разсказывать о лжи, „которою душа возмущалась,—люди негодуютъ и „велятъ вѣрить и проповѣдовать что это истина, „внѣ всякаго сомнѣнія. Такъ, имъ велятъ вѣрить, „что голосъ журналовъ и газетъ—или такъ называе„мая *пресса*—есть выраженіе общественнаго мнѣнія... „Увы! Это великая ложь!—Московскій Сборникъ.— „Развѣ ты не видишь душъ, висящихъ подобно об„висшимъ грязнымъ тряпкамъ?—А они дѣлаютъ „еще газеты изъ этихъ тряпокъ! Развѣ ты не слы„шишь, что духъ сдѣлался здѣсь простой игрой „словъ? Грязныя словоизверженія выбрасываетъ „онъ!—А они дѣлаютъ еще газеты изъ этихъ сло„весныхъ помоевъ...—Они всѣ хилы и больны об„щественнымъ мнѣніемъ“—Ф. Ницше (Also sprach „Sarathustra“).

Одновременно на рѣчь г. Стаховича, отпечатанную въ „Орловскомъ Вѣстникѣ“ 25 Сентября, отозвались двѣ крупныя столичныя газеты: „С.-Петербург. Вѣдомости“ и „Московскія Вѣдомости“, за которыми послѣдовали и другіе органы прессы.

„*С. Петербург. Вѣдомости*“, помѣстивъ рѣчь г. Стаховича полностью и съ собственнымъ курсивомъ экстравагантныхъ мѣстъ доклада, предпослали этой рѣчи редакціонное предисловіе, въ которомъ назвали рѣчь г. Стаховича „замѣчательной, касающейся одного изъ самыхъ на-

болѣвшихъ, неотложныхъ и важныхъ вопросовъ русской государственной и общественной жизни—вопроса о *свободѣ совѣсти*". [1]) – Трудно не согласиться съ г. редакторомъ „С. Петер. Вѣдом." въ томъ, что въ рѣчи г. Стаховича затронутъ „одинъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ"; но еще труднѣе согласиться съ нимъ въ признаніи рѣчи г. Стаховича „замѣчательной", такъ какъ для подобной аттестаціи извѣстой рѣчи требуется имѣть въ виду не только важность затронутаго въ ней вопроса, но, что самое главное, и предложенный въ ней анализъ или рѣшеніе даннаго вопроса. Въ послѣднемъ же отношеніи г Стаховичъ не только не сказалъ ничего новаго, почти цѣликомъ переписавъ свою рѣчь изъ IV т. сочиненій И. С. Аксакова, но и проявилъ поразительное непониманіе признанныхъ имъ-же авторитетовъ въ рѣшеніи этого вопроса. И мы глубоко убѣждены, что еслибы г. редакторъ „С.Петер. Вѣдом." хотя-бы нѣсколько серьезнѣй отнесся къ рѣчи г. Стаховича, то онъ назвалъ-бы ее не „замѣчательной" и не „рѣчью г. Стаховича", а „рѣчью И. С. Аксакова плюсъ недомысліе г. Стаховича"!.. Къ сожалѣнію, манера борзописца, слуги настоящаго дня, готоваго сразу разсуждать о какомъ угодно вопросѣ и, по своему положенію, обязаннаго рѣшить его немедля и едва вскочившую въ головѣ мысль нести на бумагу, въ печатный станокъ, все болѣе и болѣе всасывается въ плоть и кровь нашихъ журналистовъ!.. Посему и неудивительно, что тотъ-же редакторъ, подтверждая смыслъ рѣчи г. Стаховича, далѣе писалъ: „уже давно это элементарное право (и *обязанность* истиннаго христіанина) властно требуетъ себѣ осуществленія. Уже давно и Церковь – въ истинномъ значе-

[1]) „С. Пет. Вѣд." № 267.

нін этого слова — и вѣрующіе [1]) жаждутъ реальнаго признанія вѣковѣчной истины: „въ началѣ бѣ слово, и слово бѣ къ Богу и Богъ бѣ слово“ [2]): дарованное Богомъ слово не дано гнать человѣку! Все величіе, вся внутренняя красота христіанства лежатъ въ этой вѣковѣчной истинѣ,— и не православной церкви, не знавшей костровъ, инквизиціи и непогрѣшимаго папства, уклоняться въ сторону іезуитизма и уголовной эгиды надъ тѣмъ, что свято только силою духа“!..—Читатель, развѣ вы не слышите, что „духъ“ въ этихъ строкахъ г. редактора „сдѣлался простою игрой словъ“?.. Развѣ св. Евангелистъ Іоаннъ, говоря: „въ началѣ было Слово, и Слово было у Бога и Слово было Богъ“,—разумѣлъ подъ „Словомъ“— слово человѣка, посредствомъ котораго послѣдній выражаетъ свои мысли!?. Нѣтъ и нѣтъ!.. Это то „Слово“, которое „стало плотію и обитало съ нами... и мы видѣли славу Его, славу, какъ Единороднаго отъ Отца. Іоаннъ свидѣтельствуетъ о Немъ и восклицая говоритъ: Сей былъ Тотъ, о Которомъ я сказалъ... Сей есть Сынъ Божій“... Кто-же далъ право г. редактору „С. Петерб. Вѣдом.“ отъ лица „Церкви въ истинномъ значеніи этого слова—и вѣрующихъ“ подставить вмѣсто Евангельскаго „Слова“ свое „слово“ и на послѣднемъ лживомъ и коварномъ основаніи требовать свободы для „слова“ человѣка?!. Кто далъ ему право полагать въ такой подмѣнѣ Библейской истины истиной человѣческой „все величіе, всю внутреннюю красоту христіанства“?!.

---

[1]) Весьма характерно для „С. Петер. Вѣдом.“ это отдѣленіе „церкви“ отъ „вѣрующихъ“?!. Между тѣмъ какъ нѣсколько позже, именно 7-го Ноября, таже газета разразилась площадной бранью противъ „Церковныхъ Вѣдомостей“ и, какъ вы, читатель, думаете, за что? Да... также за различіе между понятіями: „Церковь“ и „вѣрующіе“?!. Sapienti sat!..

[2]) Въ такомъ видѣ процитовали „Петерб. Вѣдом.“ извѣстное изреченіе св. Евангелиста Іоанна!..

Не „внутренняя это красота“, а гробъ повапленный, который снаружи кажется красивымъ, а внутри полонъ костей мертвыхъ и всякой нечистоты!..—Что православная церковь не знала и не знаетъ „костровъ инквизиціи, іезуитизма“ и прочихъ „измовъ“ объ этомъ не разъ говорила, говоритъ и будетъ говорить все таже православная церковь; да бѣда въ томъ, что „мудрецы, книжники и совопросники вѣка сего“, когда имъ то на руку, слушая не слышатъ голоса Церкви и клеймятъ ея служителей именемъ „инквизиторовъ“ [1]), гонителей, клерикаловъ и проч..., и опять когда имъ-же то на руку разсыпаются предъ той-же Церковью въ похвалахъ, осмѣивая то, что недавно сами-же навязывали ей и чѣмъ клеймили ее?!!. — На зовъ князя - редактора „С. Петерб. Вѣдом.“ и въ защиту дворянина М. А. Стаховича откликнулась на страницахъ той-же газеты цѣлая серія князей и дворянъ. Изрѣдка тамъ-же: раздавались: то голоса отставныхъ военныхъ, то голосъ священника Т. Черкасскаго (не псевдонимъ-ли?) то, наконецъ, голосъ свѣтила современной адвокатуры Ѳ. Плевако... И среди этого хора, по какой-то странной случайности, рѣзкимъ диссонансомъ прокричалъ скорбящій за попраніе правды голосъ миссіонера М. А. Новоселова!..—Разберемся-же въ этой газетной сумятицѣ.

Мы не будемъ останавливаться на мнѣніяхъ г. А. Полѣлова [2]) и К°, которые почему-то сочли долгомъ заявить въ названной газетѣ (№ 291-й): „de hoc lapide, multi-multa. Omnes aliquid: nemo satis“ - и только!.. А лучше

---

[1]) Какъ, напримѣръ, сдѣлалъ-то одинъ изъ постоянныхъ сотрудниковъ „Петер. Вѣдом.“ въ 1896 г. въ изданномъ имъ въ Брайловѣ обширномъ пасквилѣ на Русскую Церковную жизнь!..

[2]) Г. А. Полѣловъ вполнѣ согласенъ съ княземъ-редакторомъ „С. Петерб. Вѣд.“ въ томъ, что у св. Евангел. Іоанна подъ „Словомъ“ разумѣется „слово“ человѣческое!..

спросимъ ихъ: что-же „путнаго“ сказали *они*? Развѣ только то, что и себя не исключили изъ числа тѣхъ, которые не сказали ничего путнаго?!. Еще на школьной скамьѣ я слышалъ, что „дурной примѣръ—заразителенъ“ и это изреченіе житейской мудрости какъ нельзя лучше оправдалось на страницахъ „С. Петерб. Вѣдомостей“. Вслѣдъ за княземъ—редакторомъ, провозгласившимъ въ своей газетѣ „новое евангеліе“, послѣдовали и другіе корреспонденты той-же газеты. Такъ, въ № 291-мъ нѣкто А. Евреиновъ съ ревностью, достойной лучшей доли, подтверждаетъ необходимость свободы „слова“ такимъ соображеніемъ: безъ „слова“ и древніе пророки (по современному-мыслители) не могли-бы внести въ пониманіе народовъ понятія объ истинномъ Богѣ. Не даромъ первый христіанскій мыслитель Іоаннъ Богословъ отожествляетъ „слово“ съ Богомъ (и Богъ бѣ слово)“!..—Вотъ „новое евангеліе“ „С. Петерб. Вѣдомостей“: пророки и евангелисты—простые мыслители, а слѣдовательно и погрѣшимы въ своемъ ученіи какъ и каждый простой мыслитель. Отсюда и въ Писаніяхъ ихъ могутъ быть неточности и погрѣшности, которыя подлежатъ исправленію „С. Петерб. Вѣдомостей“. Къ числу такихъ неточностей эта газета отнесла отожествленіе у Ев. Іоанна „Слова со Христомъ и предлагаетъ подъ „Словомъ разумѣть „слово“, какъ „даръ“ человѣку, посредствомъ котораго онъ выражаетъ во-внѣ свои мысли!.. Къ числу такихъ-же погрѣшностей также газета отнесла и свидѣтельство Ап. Петра, что „мы имѣемъ *вѣрнѣйшее* пророческое слово... ибо никогда пророчество не было произносимо *по волѣ человѣческой*, но изрекали его *святые* Божіи человѣки, будучи движимы *Духомъ Святымъ*“ и предлагаетъ признать пророковъ и евангелистовъ простыми мыслителями, что будетъ „по современному“, т. е. въ духѣ той философіи, о которой св. Ап. Павелъ писалъ:

„смотрите, братія, чтобы кто не увлекъ васъ философіею и пустымъ обольщеніемъ, по преданію человѣческому, по стихіямъ міра, а не по Христу“!.. Далѣе, та-же газета устами А. Евреинова провозглашаетъ, что „идея Божества вовсе не прирождена человѣку, какъ о томъ ошибочно думали, тѣмъ умаляя самое понятіе и смыслъ Божества“?!. Какимъ образомъ прирожденность идеи Божества человѣку „умаляетъ понятіе и смыслъ Божества“ — мы отказываемся понять?!... Если Богъ не умалился тѣмъ, что создалъ человѣка по Своему „образу и подобію“, то какимъ образомъ одна изъ чертъ этого „образа и подобія“ — неотъемлемая отъ него идея Единства Бога — можетъ умалить Божество?!... Да и не объ этой ли врожденности человѣку идеи истиннаго Бога говорилъ Ап. Павелъ, раскрывая смыслъ язычества (Посл. къ Римл.)?!... Правда, при признаніи идеи Божества *врожденной* человѣческому духу, мы не сможемъ поставить реальность этой идеи, или самаго Божества въ зависимость отъ той или другой продуктивности человѣческой мысли, — но этого истинному христіанину и не нужно, ибо тогда самое Божество превратится въ фикцію!... Не говоримъ уже о томъ, какъ наивно и смѣшно поднимать и безапелляціонно рѣшать подобные вопросы на страницахъ газетъ!...—Тотъ же г. Евреиновъ, далѣе, признаетъ необходимымъ въ борьбѣ съ религіозными заблужденіями мечъ только духовный и не допускаетъ „преслѣдованій за религіозныя убѣжденія“. Впрочемъ, нѣсколько позже, онъ же пишетъ: „если мы гордо признаемъ себя цивилизованнымъ народомъ, (кто это „мы?!...), то мы должны значительно ослабить (значитъ не совершенно уничтожить —да?!...) всякое преслѣдованіе за религіозныя преступленія, какъ не совмѣстимое съ уваженіемъ къ личности (какъ видите, здѣсь критеріемъ является уже не „Слово Божіе“ или Св. Писаніе)

и ея убѣжденіямъ (шаткій критерій: мало ли такого, что „совмѣстимо“ съ убѣжденіемъ одного и противно убѣжденіямъ другого?!...), тѣмъ болѣе что практика 300 лѣтъ преслѣдованія свободы совѣсти дала совершенно обратные результаты и изъ одного раскола сдѣлала 118 расколовъ и сектъ!...“ Признаюсь, когда приводятъ послѣдній аргументъ, мнѣ всегда приходитъ на мысль мудрое изреченіе: „палка о двухъ концахъ“ и думается, что защитники системы „преслѣдованій“ могутъ на равномъ же основаніи сказать: „а если бы не было преслѣдованій за вѣру, то было бы не 118, а 1118 расколовъ и сектъ!... [1]). Очевидно, что христіанскія истины требуютъ себѣ оправданія не въ побрякушкахъ современной, „гордой цивилизаціи“, а въ словѣ Божіемъ, куда бы и слѣдовало обратиться г. Евреинову!... И православная церковь учила и учитъ, что она употребляетъ и должна употреблять для проповѣди о „распятомъ Христѣ“ мечъ только духовный; но не во имя требованій „современной — гордой цивилизаціи“, а во имя возвѣщеннаго Христомъ „Слова Божія“!—— Въ той же газетѣ (№ 287) не безъизвѣстный П. Дурново, въ статьѣ о „свободѣ совѣсти“, пишетъ: „русское государство, обязанное своимъ могуществомъ и силою православію, не можетъ и не должно желать паденія церкви и торжества въ Россіи разныхъ расколовъ и сектъ (святая истина!). Безъ свободы совѣсти [2]) (даже и „сожженной“?!...) немыслима жизнь человѣческая, такъ какъ вѣруютъ не по приказу, а по внутреннему убѣжденію (совершенно вѣрно!). По

[1]). Вѣдь прогрессивный ростъ сектъ въ Церкви Христовой можетъ найти для себя пророческія указанія и въ Св. Писаніи!... Посему Церковь и называется „воинствующею“.

[2]). Какъ будто понятіе „свобода совѣсти“ такъ опредѣленно, что не требуетъ поясненія?!... Между тѣмъ далѣе мы увидимъ, что г. Дурново существенно расходится въ пониманіи „свободы совѣсти“ съ г. Стаховичемъ etc!..

взгляду однихъ вѣрующихъ, свободная церковь, пользующаяся покровительствомъ государства (значитъ мож. б. церковь *господствующая?*), имѣетъ возможность настолько проявить жизненность и нравственную силу, что не нуждается ни въ государственной опекѣ (крайне неопредѣленно! необходимо прежде установить, какой стороны жизни касается эта опека: внутренней или внѣшней или обѣихъ вмѣстѣ!...), ни въ казенномъ содержаніи пастырей чиновниковъ (причемъ тутъ чиновники?!... Развѣ матеріальная помощь церкви не—одинъ изъ видовъ *покровительства*—и Вами допускаемаго—Церкви со стороны государства?!...), ни въ охранѣ православной церкви властями полицейскими, судебными и административными (ну, а какъ же оградить себя правосл. церковь отъ *Павловскихъ* и другихъ сектантовъ?!...). Другіе же, какъ г.г. Грингмутъ, проф. Ивановскій, Субботинъ, Скворцовъ и о.о. миссіонеры, ради матеріальныхъ средствъ, выступающіе не столько въ защиту церкви, сколько вѣдомства, полагаютъ, что государство должно измѣнить истинному ученію православной церкви, считать церковь не собраніемъ вѣрующихъ, не народъ хранителемъ благочестія и тѣломъ церкви, а исключительно духовенство, а съ нимъ и осужденную вселенскими соборами духовную касту; послѣдшую всесильное вѣдомство нынѣ выдвигаетъ стараясь поставить ее на мѣсто обездоленнаго (ужъ не возвратить ли дворянамъ крестьянъ?! .. стыдно, г. Дурново!...) дворянства!. ."— Сколько „грязныхъ словоизверженій выбрасываетъ" г. Н. Дурново, а князь Э. Ухтомскій „дѣлаетъ еще газету изъ этихъ словесныхъ помоевъ"?!... Гдѣ же и когда г.г. Грингмутъ, проф. Ивановскій, Субботинъ, Скворцовъ и др... учили, что „государство должно измѣнить истинному ученію православной церкви?!. ." Развѣ не излюбленная г. Н. Дурново газета „С.-Петерб. Вѣдом." предлагаетъ государ-

ству принять „Новое Евангеліе“, редактированное г. г. Э. Ухтомскимъ, Евреиновымъ etc?!! Развѣ не самъ г. Н. Дурново признаетъ исключительно „народъ“, пасомыхъ „хранителемъ благочестія и тѣломъ церкви“, совершенно игнорируя „пастырей“ народа, или духовенство?!... Между тѣмъ какъ, по ученію проф. Ивановскаго, Субботина, Скворцова и другихъ миссіонеровъ, подъ „символьной“ церковью разумѣется совокупность всѣхъ живущихъ на землѣ православныхъ христіанъ съ таинствами и священствомъ (см. „Критич. разб. учен. безпоповц. о церкви и таин.“ проф Н. И. Ивановскаго, изд 2-ое, стр. 101-я). Такое понятіе „церкви“, состоящей изъ „пастырей“ и „пасомыхъ“ далъ намъ Самъ Господь Іисусъ Христосъ и Его св. Апостолы. Ну, а кто же изъ Апостоловъ и св. отцовъ и учителей Церкви научилъ г. Н. Дурново выбросить изъ „тѣла Церкви“ пастырей? Не современные ли „Кореи и Авпроны“—настоящіе учители г. Дурново etc?!...[1])—Да и не кроится ли ключъ всѣхъ нападокъ г. Дурново на русскихъ пастырей въ томъ его признаніи, что „духовенство“ нынѣ „выдвигается на мѣсто обездоленнаго дворянства“?!... Да, скажемъ, только въ этой галлюцинаціи и кроется настоящая причина тѣхъ „словесныхъ помоевъ“, которыя г. Н. Дурново нѣсколько разъ въ годъ выливаетъ, при помощи „С.-Петерб. Вѣдом.“ на Русскую Церковь. Ну, а лѣчить отъ галлюцинацій мы не беремся,—на это есть другіе врачи—спеціалисты!

„Московскія Вѣдомости“, говоритъ далѣе Н. Дурново, возстающія противъ свободы совѣсти, никакъ не могутъ понять простой истины, что заставить человѣка вѣровать во что-нибудь насильственнымъ путемъ нельзя“!...

---

[1]) Ученіемъ г. Н. Дурново о „церкви“ пополняется „новое Евангеліе“ „С.-Петерб. Вѣдом.“!...

—Ну, а почему г. Н. Дурново никакъ не можетъ понять, что приписывать какому либо печатному органу, или-же автору мысль, никогда имъ не высказываемую есть также насиліе и самой низкой пробы?!... Неужели г. Н. Дурново расчитываетъ, что читатели „С.-Петерб. Вѣдом.“ не читаютъ въ то же время и „Москов. Вѣдом.“ и повѣрятъ г. Дурново на слово?!... Или-же г. Н. Дурново вѣритъ, что всякая ложь простительна, если только она высказана на столбцахъ газеты?!...—„Въ Россіи, пишетъ тотъ-же Н. Дурново, *господствующею* (слышите г. Стаховичъ etc?!...) вѣрою считается православная,—вѣры-же правительственной въ Россіи не существуетъ (святая истина! И только г. Стаховичу и прочимъ, ему подобнымъ, всячески хочется ввести на Руси „вѣру правительственную“ —это „вѣру въ безвѣріе“ или „религію безвѣрія“!...). Если-бы государство измыслило таковую, то оно не нашло бы послѣдователей. Такую религію пришлось-бы распространять огнемъ и мечемъ, и тѣмъ не менѣе, правительство не создало-бы вѣрующихъ, а создало-бы скорѣе невѣрующихъ ни во что атеистовъ и анархистовъ (прекрасно! это-же говорили и многіе изъ Орловскихъ дворянъ въ „Москов. Вѣдом.“, почему-же „Петерб. Вѣдом.“ скрежетали на нихъ зубами?!... Какъ видимъ, рецептъ г. Стаховича не по вкусу и г. Н. Дурново!...) Нѣтъ сомнѣнія, что государству,—будь оно православное, или протестантское,—нужны люди вѣрующіе, убѣжденные въ правотѣ истиннаго христіанскаго ученія. По этому ни одно государство не должно допускать открытой пропаганды невѣрія, ни другого ученія, чуждаго христіанству (слѣдовательно, запрещеніе „пропаганды“ не насилуетъ „свободы совѣсти“ и не „вытравляетъ изъ сердца вѣры“?!... Слѣдовательно и г. Стаховичъ неправъ, смѣшавъ „пропаганду“ и „совращеніе“ съ „исповѣдываніемъ“?!... Да, такъ именно и учитъ

т. Н. Дурново, согласно съ г. Гришмутомъ и вообще съ „Москов. Вѣдом.“!...)“. Для православной-же Церкви г. Н. Дурново требуетъ „полной свободы“, съ чѣмъ согласны съ нимъ и „Москов. Вѣд.“ и „Миссіонер. Обозр.“, да и каждый истинный ревнитель Церкви. Но едва касается дѣло духовенства, какъ г. Н. Дурново опять впадаетъ въ галлюцинацію: „народъ, пишетъ онъ, освобожденный отъ крѣпостной зависимости дворянъ, которыхъ духовенство въ душѣ всегда ненавидѣло (не всегда! А лишь когда вмѣстѣ съ крестьянами было въ кабалѣ у дворянъ!...), попалъ въ крѣпость духовенства, которому несетъ все, что оно потребуетъ за требы (такъ-ли?! ..), въ особенности за совершеніе брака“!... Вотъ и пойдите тутъ—разсудите: и государство не должно давать жалованья духовенству и паства не должна платить за требы?... Ну, а чѣмъ-же питаться: не перепелами-ли и манною съ неба?!... Но довольно!... - Одинъ изъ наиболѣе спокойныхъ князей, нѣкто кн. Волконскій въ „письмѣ въ редакцію“ (С.-Петерб. Вѣдом.“ № 301), между прочимъ, писалъ, что „и противники г. Стаховича говорили не по существу (вѣрно только *отчасти*), а пустились въ острыя, обидчивыя пререканія и защитники г. Стаховича тоже: „г. Стаховичъ —де православный, г. Стаховичъ крестится, садясь за столъ, г. Стаховичъ любитъ Дузе“ [1]) можно подумать, что рѣчь идетъ о какомъ нибудь изобрѣтателѣ, или иной „знаменитости“, интересующей публику: встаетъ, выпиваетъ чашку кофе, гуляетъ, садится за работу. Кому это нужно и что общаго съ вопросомъ?“ .. Вполнѣ соглашаемся съ кн. Волконскимъ!. Соглашаемся съ послѣднимъ и

[1]) Съ подобной дѣтски-наивной защитой г. Стаховича выступилъ редакторъ „Новаго времени“...

въ томъ, что „несправедливо *требовать* [1]) отъ человѣка, чтобы онъ вѣровалъ такъ, а не иначе и нельзя подвергать человѣка уголовной карѣ за то, что онъ *вѣритъ*, какъ ему вѣрится, [2]) а не какъ ему приказано"; что „нельзя путемъ *насильственныхъ* мѣръ *заставить* человѣка *увѣровать* и вообще нельзя приказать не заблуждаться и нельзя, получивъ такое приказаніе, исполнить"! [3]) Но замѣтимъ, какъ далеки эти разсужденія кн. Волконскаго отъ рѣчей г. Стаховича и какъ близки и даже тожественны они съ рѣчами г.г. миссіонеровъ! — Въ той-же газетѣ отозвались и два отставныхъ военныхъ: ген.-лейт. И. Филипенко и подполковн. П. Сергѣенко. Первый, бросивъ нѣсколько крайне дерзкихъ и неосновательныхъ обвиненій по адресу миссіонеровъ, въ существѣ дѣла подтвердилъ нѣсколько мыслей послѣднихъ, именно: что „Божественный Основатель христіанства не допускалъ гоненій на еретиковъ" за ихъ чисто-религіозныя заблужденія и даже „не порицалъ" ихъ „за незнаніе и заблужденіе", а только говорилъ:„ заблуждаетесь, не зная Писанія". Но когда нужно было, тотъ-же Христосъ „прибѣгалъ къ энергичнымъ порицаніямъ" лицемѣровъ: „порожденія ехидны, зміи, безумные"— говорилъ Онъ имъ. И вдругъ изъ этихъ несомнѣнно прекрасныхъ разсужденій г. Филипенко дѣлаетъ слѣдующій, довольно таки неожиданный и нелогичный выводъ: „истина заключается въ томъ, что Россія вступила въ періодъ религіозной эволюціи, какую въ пос-

---

[1]) Курсивъ нашъ.

[2]) Конечно, если только эта „вѣра" не приноситъ ущерба интересамъ государства, членомъ котораго состоитъ извѣстный „вѣрующій". Нельзя-же оставлять безнаказаннымъ изувѣрство скопцовъ и культъ хлыстовъ, неразрывно связанные съ догмой ихъ ученія!...

[3]) Очевидно, что и кн. Волконскій различаетъ „*исповѣданіе*" вѣры отъ „*пропаганды*" ея или „*совращенія*" въ нее другихъ.

лѣдній разъ пережила Европа въ XVI-мъ стол.“?!!... Остается намъ спросить г. Филиппенко, какую-же „форму“ религіи предлагаетъ онъ Россіи принять вмѣсто православія—ужъ не штунду-ли, за которую онъ такъ не прикровенно ратуетъ?!!... . [1])—Другой военный—подполк. Н. Сергѣенко заявляетъ, что „рѣчь г. Стаховича радостно отозвалась въ сердцахъ всѣхъ искренно вѣрующихъ русскихъ людей“—не слишкомъ-ли много сказано?!... Да и не о тѣхъ-ли „искренно вѣрующихъ“ говоритъ Н. Сергѣенко, по мнѣнію которыхъ, говоря словами г. Стаховича: „можетъ спасать и спасаться вѣра *неистинная*“?... Одно изъ двухъ: или г.г. Филиппенко и Сергѣенко сказали не то и не такъ, что и какъ хотѣли высказать, или-же не хватило у нихъ „гражданскаго мужества“ полнѣе и главное яснѣе заявить о своихъ желаніяхъ?!...—Въ № 286 той-же газеты помѣщена была довольно „таки большая статья священника Т. Черкасскаго, подъ заглавіемъ: „къ вопросу о свободѣ совѣсти“. Высказавъ удивленіе и даже упрекъ миссіонерамъ въ томъ, что они не похожи на „Стефана Пермскаго, Трифона, просвѣтителя лопарей Иннокентія Сибирскаго (въ свою очередь мы удивляемся почему священникъ, а слѣдовательно и миссіонеръ о. Черкасскій не похожъ на указанныхъ лицъ?!...), жизнь и дѣятельность которыхъ окружена ореоломъ чего-то неземного, чуднаго и свѣтлаго“, о. Черкасскій въ то-же время какъбы скорбитъ, что извѣстное предложеніе г. Стаховича съѣзду „не нашло сочувствія среди участниковъ миссіонерскаго съѣзда“ и что „миссіонеры сочли за лучшее держаться стараго порядка“ и по сему поводу восклицаетъ: „вотъ онъ и XX-й вѣкъ!“ Да, замѣтимъ мы; въ XX-мъ вѣкѣ болѣе, чѣмъ въ „старое“ время стараются смотрѣть

---

[1]) См. „Русск. Вѣдом.“ № 305 и „С.-Петерб. Вѣдом.“ № 251.

на сучекъ въ глазѣ брата своего, а бревна въ своемъ глазѣ не чувствовать!... Что миссіонерскій съѣздъ отклонилъ возбужденіе ходатайства по рецепту г. Стаховича—это вѣрно; но отклонилъ во 1-хъ потому, что означенное ходатайство превышало компетенцію (въ правовомъ смыслѣ) съѣзда, а во 2-хъ потому, что обсуждалъ предложеніе г. Стаховича присвѣтѣ *всего* доклада послѣдняго, а не одного какого-либо *отрывка* изъ него!.. Далѣе о. Черкасскій требуетъ „безусловной свободы въ области духовной и вѣроисповѣдной“ и въ доказательство истины своего требованія ссылается на „основной принципъ христіанства: „идѣ-же духъ ту и свобода“. Но почему о. Черкасскій не выяснилъ, что онъ разумѣетъ подъ „безусловной свободой“ и что такое „свобода“ по Ап. Павлу —мы отказываемся понять!.. Вѣдь привести голый и отрывочно взятый текстъ еще не значитъ доказать имъ извѣстную свою мысль—очень можетъ быть, что сходство окажется чисто-внѣшнее, такъ сказать вербальное!.. А если притомъ еще и самый текстъ извратить (у Ап. Павла читаемъ: „Господь есть Духъ; а гдѣ Духъ Господень, тамъ свобода“!..), то и рѣчи не можетъ быть о *Библейскомъ* доказательствѣ! . „Если человѣкъ есть свободно-разумное существо, пишетъ о. Черкасскій, то дайте-же ему возможность свободно избрать вѣру и исповѣдывать ее. Не преслѣдуйте его, если онъ совсѣмъ отказывается отъ внѣшняго исповѣданія вѣры (почему-же только отъ „внѣшняго“, не логичнѣе-ли и отъ *внутренняго*?!.—тогда и принципъ Вашъ будетъ доведенъ до конца!..), или перемѣнилъ ее на другую, если эта другая вызвала въ немъ болѣе теплыя чувства, если она болѣе отвѣчаетъ его духовному складу, умственному развитію, мѣстнымъ условіямъ—климатическимъ, бытовымъ, правовымъ... (что это: банкротство христіанства и проповѣдь религіозной эволюціи?!.—да, XX-й вѣкъ!..)... Точно также не должно преслѣдовать

и тѣхъ, которые „совращаютъ“ другихъ изъ православной вѣры въ другую. Всякому человѣку дана своя голова и свой разсудокъ (совершенно вѣрно! Но всегда-ли человѣкъ живетъ и дѣйствуетъ по *своему* разсудку — вотъ это-то и требуется доказать при рѣшеніи вопроса о „свободѣ совращеній“!.), чтобы рѣшить какая вѣра лучше (по всякій-ли человѣкъ имѣетъ всѣ средства для такого рѣшенія? Вѣдь сравнительный методъ при оцѣнкѣ достоинства религій требуетъ знанія всѣхъ религій, ибо „кто знаетъ одну, не знаетъ ни одной“ (изреченіе, которое Максъ Мюллеръ распространилъ и на религіи)! [1]).. Да и „разсудокъ“ человѣка въ данномъ случаѣ безгрѣшный-ли Судія?!. Не лучше-ли пастырю Церкви опираться не на „разсудокъ“ человѣка, а на свидѣтельства Іисуса Христа и Его Апостоловъ?!!.)“. Въ виду того, что дальнѣйшія разсужденія о. Черкасскаго тожественны съ мыслями доклада г. Стаховича, мы остановимся на нихъ при разборѣ этого доклада. А сейчасъ обратимъ вниманіе на слѣдующую тираду о. Черкасскаго: „замѣчательное явленіе! – пишетъ онъ. Вопросъ о „свободѣ совѣсти“ возбужденъ г. Стаховичемъ — міряниномъ, а не духовнымъ лицомъ – представителемъ Церкви... Объясняется это тѣмъ, что такіе „наболѣвшіе“ вопросы, вродѣ вопросовъ о „свободѣ совѣсти“ мало или совсѣмъ даже не интересуютъ духовенство (а по нашему – подобныя изреченія о. Черкасскаго объясняются тѣмъ, что онъ совершенно незнакомъ ни съ дѣяніями съѣзда, ни съ сочиненіями лучшихъ представителей современнаго духовенства, хотя и черпаетъ лучшія изъ своихъ разсужденій изъ сочиненій Епископа Уфимскаго — Антонія?!!.)“. „Міряне, говоритъ онъ, какъ люди болѣе образованные

---

[1]) см. „Исторія религіи“ Шантепи- де-ля Соссея 1899 г. стр. 6-я.

(такъ-ли на самомъ дѣлѣ?..), въ лучшемъ смыслѣ этого слова, и болѣе сознающіе важность и значеніе свободы совѣсти въ жизни человѣка (и это не шутя?!.), не могутъ относиться къ этому иначе и какъ люди болѣе независимые громко и смѣло заявляютъ объ этомъ, ратуя за благо жизни „мірской“ (вполнѣ согласны и благодаримъ за откровенность!..) вообще и церковной въ частности (да?!).... Наша же церковь, не принявъ въ себя ничего новаго и жизненнаго (отъ кого? отъ ратующихъ за благо жизни „мірской“?!), продолжала и продолжаетъ цѣпенѣть въ неподвижности, опираясь всецѣло (не слишкомъ-ли много сказано?!) на гражданскую, правительственную власть“. Отсюда, по мнѣнію о. Черкасскаго „секты“ въ средѣ простонародной, какъ „броженіе народнаго духа... А интеллигентная среда не прочь совершенно упразднить церковь (слишкомъ узкій взглядъ на происхожденіе сектъ!..)... А иное было-бы при „свободѣ совѣсти“ (смотря, что разумѣть подъ „своб. совѣсти“?!). Тогда представители церкви были-бы *только* люди истинно вѣдующіе. А вѣдь вѣра двигаетъ горами (но почему-же Ап. Павелъ допускаетъ присутствіе въ церкви и немощныхъ по вѣрѣ и согрѣшающихъ пресвитеровъ? Вѣдь, по вашему, онъ не отрицался возвѣщаемой вами „свободы“ въ жизни церкви?!.)... Что-же сказать теперь о большинствѣ изъ насъ (какъ много и самоувѣренно говоритъ о. Черкасскій?!!), для которыхъ ровно ничего нѣтъ святого?.. (ergo и для васъ? скорбимъ, но и предлагаемъ вамъ воспользоваться „свободой совѣсти“ а не насиловать ее пребываніемъ въ рясѣ священника, о которой вы далѣе скорбите, что нельзя сбросить ее, не принявъ участи „разстриги“?!. Пустой страхъ для „гражданскаго мужа“ и несравненно тяжелѣе его угрызенія „совѣсти“!)“.... Въ заключеніе о. Черкасскій, спрашиваетъ: „не этою-ли страшною подавленностью и гнетомъ

въ области духа и отсутствіемъ свободы совѣсти, свободы мнѣнія, объясняется у насъ, вообще русскихъ людей (да „вообще“ —ли?!), недостатокъ національной гордости, (да, скажемъ, не этимъ, а тѣмъ, что самой природѣ русскаго человѣка врождено *смиреніе*, а не гордость, что подмѣчено лучшимъ психологомъ незабвеннымъ Ѳ. М. Достоевскимъ), сознанія своего достоинства. Не этимъ-ли объясняется у насъ не-любовь ко всему родному; это вышучиваніе всего своего, отечественнаго, насмѣшка и даже болѣе того—презрѣніе ко всему родному и слѣпое благоговѣніе передъ чужимъ, не русскимъ?“ Но спросимъ о. Черкасскаго: почему-же это „презрѣніе ко всему родному“, „это вышучиваніе всего отечественнаго“ царили и царятъ въ „интеллигентныхъ“ слояхъ русскаго общества, кои отнюдь не могутъ печаловаться на какую-то „страшную подавленность въ области духа“, но вполнѣ свободно мѣняли и мѣняютъ свои идеалы съ поспѣшностью цыгана на конной ярмаркѣ?!. Почему того-же „презрѣнія“ и „вышучиванія“ мы не видимъ въ массѣ народной, наименѣе „свободной“, и, однако, изъ устъ которой раздается: „Русь—*святая*“?!. Прочтите Сумарокова, Фонъ-Визина etc... и ларчикъ откроется. Вы увидите, что не призрачная „страшная подавленность духа“ на Руси является причиной указанныхъ вами явленій, а „властная Мода“, безаппелляціонно признающая либеральныя выходки признакомъ хорошаго тона и цивилизаціи... А кто въ наше время не стремится прослыть человѣкомъ „цивилизованнымъ“? Рѣдкія, рѣдкія —исключенія!.. Или Фонъ-Визиновскіе два унтеръ-офицера отъ „подавленности на Руси духа“ спорили о томъ, что Бога нѣтъ?!. Или отъ „страшнаго на Руси гнета духа“ Фонъ-Визиновскій Иванъ толковалъ своему отцу, что вовсе не обязанъ его респектовать, потому-что ни одно животное не имѣетъ такого правила

и щенокъ не респектуетъ того пса, который былъ его отцемъ и даже готовъ былъ вызвать своего отца на дуэль?!. Нѣтъ и нѣтъ!!. Все это по той причинѣ, что „такой-де случай былъ разъ *въ Парижѣ*; ну, а онъ развѣ скотъ, что не послѣдуетъ тому, что хоть разъ случилось *въ Парижѣ*“*?!!*. „Философія здраваго смысла“—вотъ въ чемъ корень вещей!..—Непріятное впечатлѣніе производитъ на насъ рѣчь г. Ѳ. Плевако („С.-Петерб. Вѣдом.“ № 311-й). Задавшись исключительною цѣлью защитить г. Стаховича отъ взведенныхъ на него обвиненій критиками его доклада, г. Ѳ. Плевако счелъ за лучшее обойти тотъ „камень преткновенія“, какимъ являлось для него *содержаніе* доклада г. Стаховича. Посему и вся защита г. Плевако направлена не на содержаніе доклада, а на личность г. Стаховича, какъ ранѣе то сдѣлалъ г. А. Суворинъ и что въ свое время вызвало совершенно справедливое замѣчаніе кн. Волконскаго: „кому это нужно и что общаго съ вопросомъ“?!. Впрочемъ, не будучи въ силахъ *совершенно* игнорировать докладъ г. Стаховича, Ѳ. Плевако прибѣгнулъ къ прекрасно извѣстному ему искусству софистики и логомахіи, посредствомъ котораго можно орудовать словомъ во всякую сторону. Вслѣдствіе этого докладъ г. Стаховича въ перифразѣ Ѳ. Плевако получилъ до того безобидную, съ православной точки зрѣнія, форму и содержаніе, что поистинѣ удивишься, какъ это г.г. обличители М. А. Стаховича были настолько слѣпы, что: „своя своихъ не познаша“?!. [1]) Да! „вы, обличители, и не уразумѣли“ того, что г. Стаховичъ сказалъ въ своемъ докладѣ не то, что сказалъ и что еще хотѣлъ сказать, а то, что спустя полутора мѣсяца сказалъ за него его комментаторъ г. Ѳ. Плевако!.. И вспоминается мнѣ древ-

[1]) Такъ озаглавилъ свою рѣчь г. Ѳ. Плевако.

ній авгуръ, втиши смѣющійся и надъ собой и надъ публикой!...—Не знаю, какими судьбами появилось на страницахъ „С.-Петерб. Вѣдом.“ (№ 292) письмо миссіонера М. А. Новоселова, который съ искренней болью въ сердцѣ прокричалъ о попраніи правды г.г. обличителями и хулителями участниковъ съѣзда въ Орлѣ и воочію доказалъ, что брошенный г. Стаховичемъ упрекъ миссіонерамъ въ забвеніи ими „краеугольнаго камня“ несправедливъ и мотивы такого упрека загадочны!.. Но этотъ голосъ остался „гласомъ вопіющаго въ пустынѣ“, а „Новое Время“ [1]) даже и изъ этого письма постаралось кое-что повернуть въ упрекъ миссіонерамъ и въ защиту г. Стаховича?!!. — . — . — . — . — . — Въ духѣ „С.-Петерб. Вѣдом.“ высказалась и Московская газета: „*Русскія Вѣдомости*“ (№№ 289 и 305). По мнѣнію „Русскихъ Вѣдом.“ — „принципъ „свободы совѣсти“ давно уже не только утвердился въ сознаніи лучшихъ мыслителей и всего культурнаго общества Запада, но и проведенъ въ жизнь во всей „Зап. Европѣ и Америкѣ“. Вполнѣ соглашаясь въ опредѣленіи „свободы совѣсти“ съ г. Стаховичемъ, названная газета желаетъ разрѣшенія и у насъ этого вопроса „въ духѣ современной цивилизаціи“ Запада, гдѣ „*свобода совѣсти* такъ и понимается,“ какъ выяснилъ ее г. Стаховичъ. — Такимъ образомъ и по мнѣнію „Русскихъ Вѣдом.“ г. Стаховичъ напрасно заявляетъ, что „до цивилизаціи и прогресса ему и дѣла нѣтъ,“ такъ какъ вопросъ о „свободѣ совѣсти“ онъ разрѣшаетъ именно въ духѣ современныхъ либеральныхъ требованій цивилизаціи прогресса и пр., а не въ духѣ „идеала, преподставленнаго человѣчеству Христомъ“?!.. Отсюда понятно, почему либеральная печать „поспѣшила, говорю словами Ѳ. Плевако, внести г. Стаховича въ свои

[1]) см. № 9212, за 26 окт.

списки, и засвидѣтельствовать ему свое сочувствіе, какъ человѣку, отстаивающему одинъ изъ членовъ символа современной культуры.“ Насколько же данный „членъ символа современной культуры“ согласенъ съ „идеаломъ, препоставленнымъ человѣчеству Христомъ“ и съ воззрѣніями лучшихъ нашихъ свѣтскихъ толкователей этого идеала, мы покажемъ при разборѣ доклада г. Стаховича.

А въ данномъ случаѣ замѣтимъ, что принципъ „свободы совѣсти,“ [1]) вопреки голословному заявленію „Русск. Вѣдом,“ не только не проведенъ полностью въ жизнь Западно-Европейскихъ государствъ и Сѣв. Америки, но и въ самомъ законодательствѣ означенныхъ странъ мы найдемъ много данныхъ въ пользу признанія *государственнаго* значенія за извѣстной религіей; такой государственной религіей, напр. въ классической странѣ „свободы совѣсти“ С. А. Штатахъ является религія т. н. общаго *христіанства.* [2]) Необходимо также не забывать, что та система отношеній между церковью и государствомъ, которая предлагается намъ г. Стаховичемъ и К°, въ своемъ происхожденіи въ Америкѣ и на западѣ носитъ характеръ мѣстнаго явленія: въ Америкѣ она произошла не изъ теоретическихъ соображеній, а изъ практической надобности, изъ стеченія политическихъ обстоятельствъ; въ западной-же Европѣ она есть результатъ многовѣковой борьбы между католическою церковью и государствомъ на почвѣ государственнаго права. Какъ явленіе мѣстнаго характера, стоящее въ полной зависимости отъ наличности извѣстныхъ мѣстныхъ условій, такая система отдѣленія государ-

---

1) „Свобода совѣсти“ здѣсь разумѣется въ томъ ея видѣ, какъ понимаютъ ее г. Стаховичъ и „Русск. Вѣдом.“

2) См. статью г. Триго: „религіозныя секты въ Америкѣ“—жур. „Дѣло“ 1876 г. кн. 2, 3 и 5-я. А особенно см. „Новое государство въ его отнош. къ религіи—проф. И. Бердникова, Казань, 1888 г.

ства отъ церкви отнюдь не можетъ имѣть притязанія на *безусловное* значеніе, какъ говорятъ о томъ-же и ученые истолкователи началъ „новаго государства," выдающіеся мыслители и изслѣдователи въ области права и политики (Гнеиіусъ, Блюнчли). [1]) Вводить-же эту систему на Руси только потому, что ее стараются провести въ жизнь „*во Парижѣ*" значило-бы очутиться въ положеніи Фонъ-Визиновскаго Ивана!... Въ № 305. „Русскія Вѣдомости" заявляютъ, что „сектантство не можетъ болѣе разсматриваться единственно съ точки зрѣнія злой воли совратителей и невѣжества массъ (ну, а расколъ- -неужели сплошная „тьма и суевѣріе," какъ то высказалъ г. Стаховичъ!? „Орлов. Вѣстн." № 249-й); вопросъ о немъ по необходимости вызываетъ болѣе глубокія изслѣдованія, не односторонніе, какъ они производятся обыкновенно миссіонерами и книжными богословами, а многосторонніе, съ проникновеніемъ въ психологію и въ бытовыя особенности народныхъ массъ, съ выясненіемъ недостатковъ и темныхъ сторонъ въ условіяхъ физическаго, матеріальнаго и духовнаго существованія народа, съ изученіемъ различныхъ на народъ вліяній" и т д...—Но гдѣ-же основанія для подобныхъ упрековъ миссіонерамъ и книжнымъ богословамъ со стороны „Русск. Вѣдомостей"? Не по прекрасному-ли рецепту, предлагаемому и названной газетой написаны такія блестящія изслѣдованія, какъ: „о духоборцахъ"—проф. Кіев. Дух. Акад. и Универс. Ор. Новицкаго, "южно-русс. штундизмъ"—о А. Рождественскаго, «секты хлыстовъ и скопцовъ о. К. Кутепова и о А. Рождественскаго и др.?!.. Не по словамъ-ли очевидца—г. Стаховича миссіонеры на съѣздѣ: „научно и практично неколебимо и гуманно, такъ умѣло и просто раскрывали далекіе корни этихъ острыхъ

---

[1]) Тамъ-же—„Новое госуд." И. Бердникова.

болѣзней (различныхъ расколовъ и сектъ), этихъ ужасныхъ страданій множества русскихъ людей и, поставивъ убѣдительный діагнозъ, всѣ сообща, старательно, внимательно перебирали методы лѣченія и лѣкарства. Причины историческія, этнографическія, соціальныя и сословныя поочередно проходили, всегда старательно обдуманныя и блестяще изложенныя... Громко свидѣтельствую, говоритъ тотъ-же г. Стаховичъ, что слушая васъ (миссіонеровъ), я былъ пораженъ тѣмъ, какъ вы много знаете; какъ много добросовѣстнаго труда, старательныхъ исканій и обдумываній было вами положено на это, очевидно, дорогое вамъ дѣло какъ трудолюбиво и тщательно строите вы свое огромное зданіе, гдѣ все обдумано и предусмотрѣно!.“ [1]) Въ отсутствіи только одного вопроса обвинилъ г. Стаховичъ миссіонеровъ, да и то рѣшеніе этого вопроса, какъ оказалось, [2]) просмотрѣлъ г. Стаховичъ, не посѣтившій *всѣхъ* засѣданій съѣзда!.. Къ чему-же *голословно* обвинять „миссіонеровъ и книжныхъ богослововъ“ въ томъ, въ чемъ они неповинны?!.. Если ихъ работы въ этой области—несовершенны, то за это должно не укорять, не клеймить, а помочь совѣтомъ и дѣлами,—а что-же сдѣлали на „миссіонерской нивѣ“ „Русскія Вѣдомости“? Развѣ только то, что заливаютъ ее „словесными помоями“!...

Иного, сравнительно съ приведенными газетами, взгляда на поднятый г. Стаховичемъ вопросъ держится *„Новое Время.“* Послѣ нѣсколькихъ писемъ въ защиту личности г. Стаховича, въ которыхъ А. Суворинъ старательно доказывалъ, что „г. Стаховичъ—православный,“

---

[1]) Или см. „Мисс. Обозр.“ Ноябрь, 901 г. стр. 513—514 свидѣтельство о характерѣ дѣяній съѣзда частнаго человѣка, бывшаго на всѣхъ засѣданіяхъ съѣзда Кандидата Университета В. Тернавцева

[2]) См. № 292-й „С.-Петер. Вѣдом.“—„письмо въ редакцію М. А. Новоселова.

что „г. Стаховичъ крестится, садясь за столъ, что „г. Стаховичъ любитъ Дузе“ (кому это нужно и что общаго съ вопросомъ „о свободѣ совѣсти?!.“), въ той-же газетѣ (№ 9190), появилась редакціонная статья, подъ заглавіемъ: „Государство и Церковь.“ посвященная существу поднятаго въ докладѣ г. Стаховича вопроса. По словамъ этой статьи: „исходной точкой доклада г. Стаховича является доказательство необходимости признанія принципа свободы совѣсти.“ „Но вѣдь этотъ принципъ, замѣчаетъ А. Суворинъ, всѣми давно уже признанъ и никакихъ доказательствъ не требуетъ. Свобода совѣсти, свобода убѣжденій, свобода слова—все это величайшіе идеалы“...—Неужли за „величайшіе идеалы“ признаетъ г. А. Суворинъ и „свободу“ проявленій „совѣсти сожженной, и „свободу“ проведенія въ жизнь самыхъ низменныхъ „убѣжденій“ и „свободу устъ“, отверзаемыхъ „для хулы и лукавыхъ рѣчей“?!. Развѣ не Апостолы, призывая хрістіанъ „къ свободѣ“, въ то-же время замѣчали: „только-бы *свобода* ваша не была поводомъ къ *угожденію* плоти“ (Гал. 5,13), и на семъ основаніи повелѣвали „имѣть *добрую* совѣсть и „*удерживать* языкъ свой отъ зла и уста свои отъ лукавыхъ рѣчей,“ а также и „*заграждать* уста невѣжеству безумныхъ людей,“ которые „развращаютъ цѣлые дома, уча, чему не должно, изъ постыдной корысти!“ словомъ, поступать какъ истинно-свободные; какъ рабы Божіи, а не „какъ употребляющіе свободу для прикрытія зла“ (ср. 1 Петр. 2,13—16; 3,10—16; Титу 1,11)?!—Отсюда, нельзя говорить, что „свобода совѣсти, свобода убѣжденій, свобода слова—величайшіе идеалы,“ прежде чѣмъ ясно и съ надлежащей подробностью не выяснено: что разумѣть подъ „свободой совѣсти, свободой слова и пр...“ и прежде чѣмъ не оцѣнено достоинство содержанія сихъ понятій съ *христіанской* точки зрѣнія, единственно обязательной для

христіанъ. „Задача практическихъ дѣятелей, говоритъ далѣе въ той-же статьѣ А. Суворинъ, заключается вовсе не въ томъ, чтобы доказывать величіе извѣстнаго идеала (конечно, если идеалъ—извѣстенъ и въ пониманіи его всѣ солидарны?),—въ этомъ нѣтъ надобности,—а въ томъ, чтобы указать путь, какъ приблизиться къ этому идеалу, не причиняя народу какого-либо зла (къ сожалѣнію, г. Стаховичъ не хочетъ понять справедливости требованія А. Суворина и др. „непричинять православному народу какого-либо зла!..“). Легко сказать: государство не должно вмѣшиваться въ дѣла церкви, церковь не должна вліять на государство, словомъ, легко сказать—отдѣлить церковь отъ государства (такъ смотритъ на докладъ г. Стаховича даже защитникъ *личности* послѣдняго!..). Но какъ это осуществить, когда всѣ государства развивались на почвѣ тѣхъ или иныхъ религіозныхъ вѣрованій, когда религія является однимъ изъ самыхъ сильныхъ элементовъ жизни государства (значитъ, г. Суворинъ не прочь „отдѣлить церковь отъ государства,“ да не видитъ пока возможности къ тому?!.). Едва-ли даже есть бо́льшая сила, которая такъ сплачивала-бы во едино весь народъ, какъ сплачиваетъ его религія! И развѣ мы не видимъ, что государства, которыя стоятъ на болѣе высокой ступени развитія, чѣмъ Россія, держатся каждое за свою религію и придаютъ ей государственное значеніе (слышите „Русск. Вѣдом.“?!.). Германія всѣми силами старается расшатать католицизмъ въ средѣ австрійскихъ нѣмцевъ, ибо понимаетъ, что на почвѣ протестантизма легче всего перетянуть на свою сторону всѣ нѣмецкія провинціи. Всѣ западно-европейскія государства поддерживаютъ во всемъ мірѣ своихъ миссіонеровъ, сознавая, что чужеземные единовѣрцы будутъ тяготѣть къ нимъ больше, чѣмъ къ своимъ государствамъ. На Китаѣ мы видимъ наглядный

примѣръ усилій Европы и разрушительнаго вліянія отпаденія китайцевъ отъ своей государственной религіи. Европа въ погонѣ за единовѣрцами дошла до того, что пушками поддерживаетъ распространеніе, но не христіанства въ обширномъ смыслѣ, а своихъ господствующихъ религій: англиканской, протестанской, католической и др... Китайцы-же въ распрѣ Китая съ Европой готовы были ей служить, а не своему государству,—настолько повліяла на нихъ перемѣна религіи. Если достиженіе идеала не дается Зап. Европѣ (даже „Парижу“!..), гдѣ общій уровень образованія выше, чѣмъ у насъ [1]), то какъ-же трудно намъ осуществить отдѣленіе церкви отъ государства (не только „трудно“, но и вообще практически осуществимо-ли гдѣлибо? И не есть ли это одна изъ *вѣчныхъ* человѣческихъ проблемъ?), когда на почвѣ православія создалось Россійское государство и когда ни народъ, ни наше духовенство не подготовлены выдержать напоръ болѣе культурныхъ народовъ. Неужели-же мы можемъ предоставить право германцамъ заполонять Россію своими колонистами и равнодушно взирать, какъ православный людъ будетъ присоединяться къ штундѣ?!. Вѣдь это своего рода мирное завоеваніе русской территоріи. Положимъ, въ настоящее время завоеваніе кажется не такъ ужаснымъ, какъ варварскіе вѣка. оно не угрожаетъ порабощеніемъ личности побѣжденныхъ (ну, ужъ это зависитъ отъ того, каковъ побѣдитель!..), но для каждой нашей провинціи завоеваніе хотя-бы и самое мирное, въ родѣ нашествія нѣмецкой штунды, является едва-ли не худшимъ еще бичемъ. Те-

---

[1]) „Если, добавимъ изъ другой статьи „Новаго Врем.“, Германія не допускаетъ возвращенія іезуитовъ, если Франція провела недавно законъ о религіозныхъ конгрегаціяхъ, то можетъ-ли Россія отказаться отъ мѣръ противъ религіознаго совращенія“?..

перь личной свободы не лишаютъ побѣжденныхъ, но за то начинается порабощеніе экономическое, которое не слаще прежняго (а мы скажемъ болѣе: хуже прежняго!..). И такъ какъ славянскіе народы въ культурномъ отношеніи не достигли еще до степени развитія западныхъ сосѣдей, то намъ еще болѣе надлежитъ дорожить всякимъ связующимъ началомъ и превыше всего- общей религіей, т. е. православіемъ. Россійское государство не можетъ отказаться отъ церкви, ибо мы менѣе будемъ способны противостоять натиску противниковъ Россіи Религія, какъ самый сильный жизненный цементъ, насъ сплачиваетъ и этимъ мы должны дорожить". -Такимъ образомъ, мы видимъ, что г. А. Суворинъ стоитъ на точкѣ зрѣнія системы *государственной церковности*, въ которой государственной власти приписывалось право руководить и въ извѣстной степени управлять мѣстною церковью, —короче господство надъ церковью. Здѣсь церковь является лишь одною изъ функцій сложной государственной машины и въ тоже время мощнымъ орудіемъ въ рукахъ государства для борьбы съ врагами внѣшними, и „самымъ сильнымъ жизненнымъ цементомъ" для внутренней его сплоченности!.. Такое *служебное* положеніе церкви въ Русскомъ Государствѣ имѣетъ, по взгляду А. Суворина, значеніе условное, именно оно стоитъ въ зависимости отъ степени культурности Россіи. Когда-же „Россійское государство въ культурномъ отношеніи достигнетъ до степени развитія западныхъ сосѣдей, тогда ему не зачѣмъ будетъ дорожить православіемъ, какъ связующимъ звеномъ и оно безъ всякаго ущерба для себя сможетъ отказаться отъ православной Церкви, такъ какъ будетъ въ силахъ противостоять натиску своихъ противниковъ посредствомъ новаго, болѣе мощнаго орудія - *культуры*; тогда и легко будетъ осуществить отдѣленіе церкви отъ государства"—таковъ чисто-

государственный, или политическій символъ г. А. Суворина!.. Излишнимъ считаемъ распространяться о томъ, что „идеалъ“ взаимныхъ отношеній между Церковью и Государствомъ, предлагаемый г. А. Суворинымъ не имѣетъ ничего общаго и даже совершенно чуждъ ученію Христа, Его святой Православной Церкви и лучшихъ православныхъ мыслителей изъ свѣтскихъ лицъ, какъ-то: Славянофиловъ и В. С. Соловьева! Впрочемъ, объ этомъ мы еще будемъ говорить въ разборѣ доклада г. Стаховича. — Исходя изъ такихъ чисто-политическихъ взглядовъ на Церковь, г. А. Суворинъ высказываетъ далѣе мысли, большею частію совершенно справедливыя и съ христіанской точки зрѣнія на христіанское государство: „нельзя упускать изъ виду, говоритъ онъ, тѣ обстоятельства, которыя породили въ умахъ западныхъ народовъ мысль объ отдѣленіи Церкви отъ государства. Тамъ церковь была слишкомъ властолюбива и мстительна. Тамъ для поддержанія религіи сооружались костры. Россія-же всегда отличалась несравненно большей вѣротерпимостью. У насъ не было ни іезуитовъ, ни инквизиціи съ кострами. Если разобрать наши законы, то, не смотря на всю ихъ суровость относительно совратителей, они относятся довольно снисходительно къ отпавшимъ отъ церкви. Конечно, мы должны приближаться къ идеалу свободы совѣсти (если подъ „мы“ разумѣть: *христіанъ*, то идеалъ „свободы совѣсти“ долженъ быть съ *христіанскимъ* содержаніемъ), но нѣсколько инымъ путемъ, чѣмъ предлагаетъ г. Стаховичъ (но, какъ увидимъ далѣе, не „нѣсколько“, а совершенно инымъ путемъ и по А. Суворину). На первомъ планѣ должно стоять поднятіе духовенства, какъ въ смыслѣ образованія (особенно, замѣтимъ, въ соотвѣтствіи этого образованія духовнымъ запросамъ времени), такъ и въ нравственномъ отношеніи (конечно: вѣдь область нравст-

веннаго совершенства—безконечна!...). И государство должно этимъ озаботиться (если, конечно, оно *христіанское* и ставитъ Христа выше Кесаря, т. е. выше себя?!.). Духовенство должно проявлять несравненно большее нравственное вліяніе (а почему-же и не умственное!?.) на народъ, а для этого оно должно имѣть средства не внѣшнія, а силу слова и проповѣди (ну, а для „слова и проповѣди“ развѣ нѣтъ нужды во „внѣшнихъ средствахъ“? Напр.: въ типографіяхъ, журналахъ и пр..., а особенно въ школахъ, какъ самомъ лучшемъ орудіи вліянія на народъ!...). Рядомъ съ тѣмъ надлежитъ, конечно, смягчить суровость законовъ по отношенію сектантовъ, особенно по отношенію тѣхъ сектъ, которыя не прибѣгаютъ ни къ какимъ изувѣрствамъ и не враждебны русскому государству... Что касается совращенія, яко-бы религіознаго *), а по существу чисто-враждебнаго русской народности, то государство не можетъ этого допустить, пока русскій народъ не достигнетъ извѣстной степени развитія (а мы думаемъ: пока государство будетъ оставаться строго-православнымъ). Какъ въ промышленномъ отношеніи нужно защищаться таможнями отъ наплыва иностранныхъ товаровъ, пока мы не догонимъ другихъ странъ въ техникѣ, такъ точно отъ всякихъ іезуитовъ, талмудистовъ или штундистовъ мы должны охранять себя, пока не доростемъ въ умственномъ развитіи“ (а по нашему: пока дорога́ намъ вѣра православная).

—Въ той-же газетѣ (№ 9204-й) проф. М Красноженъ пишетъ: „всякое принужденіе въ дѣлѣ вѣры недопустимо, оружіе борьбы съ заблужденіями д. б. духовнымъ, а не матеріальнымъ—эта истина не новая, давно уже высказанная выдающимися отцами и учителями церкви“. Подтвер-

*) Но вѣдь бываютъ совращенія и по чисто-религіознымъ мотивамъ!..

дивъ эту несомнѣнно чисто-христіанскую истину ссылками на Тертулліана, св. Ирпея Ліонскаго, св. Іоанна Златоустаго и IV-й Вселен. Соборъ, тотъ-же профессоръ далѣе пишетъ: „оружіе борьбы съ заблужденіями д. б. духовнымъ, а не матеріальнымъ; единственный мечъ, которымъ церковь можетъ пользоваться, есть слово, это оружіе—любовь, соединенная съ кротостью и терпѣніемъ, любовь, желающая всѣмъ спастися и въ разумъ истины прійти (1 Тим. 2,4). О свободѣ вѣры позаботился самъ Господь, говоритъ Блунчли, «такъ-какъ Онъ облекъ внутреннюю жизнь духа защищающимъ покровомъ тѣла. Люди не видятъ насквозь внутренняго святилища мысли и чувства другъ друга, а потому нѣтъ у нихъ силы властвовать надъ вѣрой отдѣльныхъ лицъ». [1]) Евангеліе, которому собственно принадлежитъ ученіе о вѣротерпимости, предписываетъ христіанамъ одинъ способъ дѣйствованія по отношенію къ людямъ принадлежащимъ къ ложнымъ религіямъ, или неправымъ христіанскимъ исповѣданіямъ: долготерпѣніе, любовное обращеніе, убѣжденіе, просвѣщеніе Ап. Павелъ тоже (конечно!..) не допускаетъ нетерпимости въ христіанствѣ, религіозной вражды между разномыслящими, презрительнаго или злобнаго отчужденія отъ иномыслящихъ, а внушаетъ сохранять къ нимъ братскія чувства (2 Сол. 3,5). Чувство любви обязаны вѣрующіе питать и ко всѣмъ находящимся внѣ Церкви Христовой, говоритъ епископъ Сильвестръ (ученіе о Церкви стр. 134—137;—слышите голосъ „предстоятеля“ церкви, г.г. Дурново, о. Черкасскій, ген. Филипенко etc ?!.). И дѣйствительно, православная

[1]) Не то-ли же самое говорили и миссіонеры на съѣздѣ, различая „совѣсть“, какъ внутреннее святилище мысли и чувства, недоступное никакимъ насиліямъ и внѣшнимъ некультурнымъ воздѣйствіямъ, отъ *внѣшняго* проявленія, или *исповѣданія* совѣсти?!.

церковь не только не питаетъ никакой ненависти или презрѣнія къ разномыслящимъ съ нею въ вѣрѣ, но любитъ ихъ, любитъ не только въ человѣчествѣ, но и во Христѣ, какъ призванныхъ ко спасенію и могущихъ при нѣкоторыхъ условіяхъ получить божественную благодать, а также молится о соединеніи всѣхъ разномыслящихъ въ Единое стадо Единаго Пастыря (ну, а о. Черкасскій развѣ отъ себя, а не отъ лица *той Церкви* произноситъ данное моленіе, которую онъ безъ всякой боли въ сердцѣ клеймитъ!?.). Согласно съ православною церковью была въ этомъ отношеніи и власть государственная (конечно не потому, что она еще не запаслась „культурой“ А. Суворина, а потому что признавала себя *христіанской?* .), когда она торжественно заявляла, что „совѣсть человѣческая Единому Богу токмо подлежитъ и никакому государю не позволено оную силою въ другую вѣру принуживать“ (грамота Петра Велик. польскому королю Августу II-му, 9 марта 1718 г.). И дѣйствительно, всякое *христіанское* государство обязано уважать основанную на сущности вѣры (и только *одной вѣры христіанской*— добавимъ мы!) свободу совѣсти и религіи своихъ подданныхъ. Однако принципъ христіанской терпимости отнюдь не требуетъ и *равнаго* отношенія государства ко всѣмъ признаннымъ и терпимымъ имъ религіознымъ обществамъ (чего, однако, требуетъ г. Стаховичъ?...). Справедливость требуетъ, чтобы каждый получалъ свое, насколько это соединимо съ представляемой государствомъ истиной (совершенно вѣрно!); принципъ справедливости не есть принципъ абсолютнаго равенства (да и „самое абсолютное равенство“ не есть ли фикція?!..). [1]). Христіанская терпимость не есть равнодушіе къ своей

---

[1]). Такъ учитъ и выдающійся нѣмец. юристъ Г. Блюнчли, см. Н. Бердниковъ „Новое Государ.“ Казань, 88 г. стр. 58—60.

истинѣ и къ своимъ религіознымъ заблужденіямъ (какъ ошибочно учитъ г. Стаховичъ?!..). Въ области личнаго религіознаго убѣжденія государство должно гарантировать полную свободу совѣсти (т. е. пока убѣжденіе не перешло въ исповѣданіе? думаемъ, что да!), и не можетъ дѣйствовать въ этой области ни мечемъ, ни тюрьмою, ни лишеніемъ гражданскихъ правъ (но вѣдь эта область и не доступна государству, какъ о томъ сказано ранѣе словами Блунчли?!...). Но отъ свободы личнаго исповѣданія (а развѣ „личное исповѣданіе“ – тоже, что „личное убѣжденіе“? Нѣтъ! Первое--актъ внѣшній, доступный регламентаціи, а второе—актъ внутренній, вѣдомый только Богу! Посему нельзя требовать безусловной свободы и для личнаго *исповѣданія*, если только послѣднее сопряжено съ изувѣрствомъ и пр.!...), должно отличать свободу религіознаго соединенія, публичнаго культа, образованія религіозныхъ обществъ; безграничная и безусловная свобода подобныхъ соединеній уже переходитъ границы требованія христіанской вѣротерпимости; такихъ публичныхъ религіозныхъ обществъ государство не можетъ оставлять безъ своего надзора и регламентаціи. [1]). Въ свою очередь и церковь, признавая принадлежность къ ней необходимою для спасенія, не можетъ относиться къ другимъ религіознымъ обществамъ равнодушно и допускать безразличіе (индифферентизмъ) въ дѣлахъ вѣры, а также не можетъ допускать свободнаго выхода изъ своего состава (но, конечно, г. профессоръ разумѣетъ здѣсь удержаніе въ лонѣ церкви не угрозою внѣшнихъ, физическихъ каръ, а обѣщаніемъ за отступничество отъ церкви грознаго суда Божія?—думаемъ. что да!) и перехода въ другое религіозное об-

---

[1]). Тоже у Блюнчли см. „Государств. положен. религіи во Франціи“ Кв. Темниковскаго, Казань, 1898 г. стр. 74.

щество. Такой переходъ и даже совершенный выходъ изъ церкви безъ присоединенія къ другому религіозному обществу, даже право «ни во что не вѣрить» (словомъ, чего требуетъ г. Стаховичъ? – да!) признаетъ на западѣ государство, но никогда не признавала ни одна христіанская церковь (совершенно вѣрно!). Справедливо замѣчаютъ даже поклонники новаго государства, что религіозная терпимость, проистекающая изъ безразличія къ дѣлу религіи, находится въ близкомъ родствѣ съ преслѣдованіемъ, что *индифферентизмъ есть самая опасная форма враждебности къ религіи* (П. Бердниковъ, Казань 88 г. стр. 69-ая „Новое Государ.“)“. Съ высказанными мыслями проф. М. Красножена, къ которымъ мы попутно прпсоединили свои замѣчанія, нельзя не согласиться, если смотрѣть на поднятый г. Стаховичемъ вопросъ съ христіанской точки зрѣнія, единственно обязательной для христіанъ.“ — “ Въ той же газетѣ („Новое Время“) г. В. Розановъ заявляетъ что, прочитавъ рѣчь г. Стаховича, онъ испыталъ „недоумѣніе и болѣзненное чувство... Въ ней есть своя (точнѣе— *часть?*) правда“ и эту правду сознаютъ и многіе миссіонеры, но она „забрасываетъ сѣмена нравственной подозрительности на дѣятелей миссіи (вполнѣ согласны съ г. Розановымъ) и не считается съ условіями реализаціи идеала“. „Мы не боимся, цитуетъ г. Розановъ слова одного виднаго миссіонера, и для насъ не составляетъ тревогъ старообрядчество. Это--сила консервативная и какъ они стояли— такъ и стоятъ. Но хлыстовщина—вотъ чего мы боимся... Въ этой сектѣ есть какая то дьявольская поэзія, намъ еще неизвѣстныя чары; она внушаетъ мечтательность, рисуетъ надежды, манитъ загробными обѣщаніями (да и земныхъ то не мало!...). Что мы тутъ подѣлаемъ (особенно при скрытности хлыстовъ!...)? А дѣлать что нибудь нужно. Можете ли представить себѣ хлыстовскою Россію? А от-

кройте вы свободу пропаганды и обряда, — и черезъ сорокъ лѣтъ Россія покроется огромными пятнами хлыстовщины, какъ кожа больного человѣка лишаемъ"... „Еще немного минутъ (слишкомъ скоро для „реализаціи идеала"!..), говоритъ г. Розановъ, историческаго самосознанія и лучшія (а не всѣ?!.) пожеланія г. Стаховича исполнятся, но исполнятся въ созидательныхъ цѣляхъ, въ цѣляхъ религіознаго строительства, роста кверху, а не въ томъ смыслѣ и направленіи, чтобы разобрать старые камни древней постройки". А г. Стаховичъ „поставилъ скорѣе камень препятствія на пути къ тѣмъ идеаламъ, которые слишкомъ *по европейски* воспринялъ, не считаясь съ русской дѣйствительностью... Нужепъ не конецъ религіи, не щебень церкви, а религія— свѣтлая, неземная, церковь, до небесъ поднимающаяся". — Мы вполнѣ согласны съ тѣмъ, что въ данномъ случаѣ г. Розановъ правъ,—а послѣднее съ нимъ бываетъ рѣдко,— и въ своихъ утвержденіяхъ и въ своихъ взглядахъ на докладъ г. Стаховича и считаемъ не лишнимъ обратить на мнѣніе г. Розанова особенное вниманіе автора „маленькихъ писемъ" (кажется, такъ озаглавлены были письма А. Суворина) въ защиту личности г. Стаховича въ „Нов. Врем."!..

Одновременно съ „С.-Петерб. Вѣдом." на рѣчь г. Стаховича отозвались и *„Московскія Вѣдомости"*, помѣстившія въ тотъ же день (29 сент. № 268) статью о „любопытномъ инцидентѣ", въ которой охарактеризовали названную рѣчь „печально-знаменательной и безтактной". Исходя изъ той мысли, что „г. Стаховичъ былъ на съѣздѣ въ качествѣ губернскаго предводителя дворянства" и что „его рѣчь есть рѣчь предводителя дворянъ", та же газета усмотрѣла въ этой рѣчи „печально-знаменательный образчикъ постепенной дезорганизаціи, овладѣвающей Россіей". Г. Стаховичъ, по справедливому мнѣнію „Москов. Вѣдом.",

выступилъ „съ обвинительнымъ актомъ противъ государства, противъ цѣлыхъ столѣтій русскаго государственнаго отношенія къ церкви и побуждаетъ церковный миссіонерскій съѣздъ къ ходатайству о томъ, что составило бы фактически отдѣленіе церкви отъ государства“... Еслибы, пишетъ та же газета, г. Стаховичъ. вмѣсто Гизо и Аксакова, поучился нѣсколько у церковныхъ учителей (а мы думаемъ: еслибы онъ повнимательнѣй проштудировалъ и Аксакова), то увидѣлъ-бы, что *его* понятіе о „свободѣ совѣсти“ отнюдь не есть понятіе православное [1]). Но дѣло не въ томъ. Если русскій предводитель дворянства, и даже русское дворянство, и даже само Русское Государство отрѣшатся отъ принциповъ Православной Вѣры,—отъ этого, конечно, ни Православная Вѣра, ни Православная Церковь ничего не потеряютъ и даже естественно выпграютъ (конечно, *желать* этого съ точки зрѣнія Православной Церкви, хотящей *всѣмъ* спастися и въ разумъ истины прійти,—нельзя; но и желать пребыванія въ лонѣ Православной Церкви лицемѣрныхъ членовъ также нельзя!..). Само собой разумѣется, что избавленные отъ союза съ десятками милліоновъ людей, мало религіозныхъ, мало нравственныхъ, вообще людей со слабою духовною развитостью, тѣ православные, которые пожелаютъ остаться въ церкви и послѣ исполненія Русскимъ Государствомъ ходатайства г. предводителя Орловскихъ дворянъ,—эта избранная часть, конечно, будетъ очень счастливо жить въ церкви, сіяющей святостью и красотою духовной – (но непростительно этой „избранной части“ *самой* чуждаться союза съ „немощными“ по вѣрѣ, ибо и Христосъ пришелъ не

[1]) Нѣкоторые органы прессы усмотрѣли въ данномъ выраженіи „Моск. Вѣд.“ отрицаніе „свободы совѣсти“ не г. Стаховича, а вообще?!.

для праведниковъ, а взыскать и спасти погибающее!.. Другъ друга тяготы носите!..)... Всякому православному прекрасно извѣстно, что въ союзѣ съ государствомъ церковь возлагаетъ на себя весьма тяжкія и непріятныя бремена, и лично для себя каждому православному было-бы гораздо пріятнѣе жить въ церкви, находящейся внѣ государства (интересно было бы знать, гдѣ это на землѣ есть церковь „находящаяся *внѣ* государства“?!.). Если всѣ наши церковные учители стояли за союзъ съ государствомъ, то ихъ приводила къ этому забота не о меньшинствѣ избранныхъ, а о всемъ мірѣ (но и для „меньшинства избранныхъ“ всегда требовалось установить тотъ или иной modus vivendi съ государствомъ, ибо церковь *историческая* никогда не стояла *внѣ* дѣйствительной жизни!..) Наши Государи и государственные люди, создавая законы, которыми старались возможно большее число людей держать подъ вліяніемъ Церкви (въ этомъ задача *христіанскаго* государства и по В. С. Соловьеву), точно также понимали свои обязанности предъ Россіей гораздо глубже, нежели современный предводитель Орловскихъ дворянъ, и дѣйствовали не по какому-либо „коварству“ въ отношеніи церкви, а по очень искреннему и вѣрному убѣжденію (въ самомъ дѣлѣ, вѣдь не вредъ-же они причиняли церкви, когда, открывали ей широкій доступъ къ сердцамъ народа?!.). Они также хорошо знали, что церковь, сокращенная въ своемъ составѣ до числа избранныхъ, была-бы въ гораздо лучшемъ положеніи. Но что будетъ при этомъ съ остальнымъ народомъ, съ огромнымъ большинствомъ? Отказавшись отъ вліянія церкви (скорѣе—*оттолкнутые* отъ вліянія церкви, какъ того требуетъ современная „свобода совѣсти“!...), по своей духовной неразвитости, по дѣйствію грѣховныхъ страстей (не только природныхъ, но и искусственно прививаемыхъ совре-

менными „пророками“ брака, вродѣ г. В. Розанова!..), подъ усиліями разныхъ развратителей,—во что̀ превратится вся эта масса? (въ зарядный матеріалъ для пушекъ разныхъ грюндеровъ и авантюристовъ!..)... Г. предводитель орловскихъ дворянъ указываетъ отцамъ миссіонерамъ на примѣръ Европы (и въ то-же время предъ тѣми-же отцами миссіонерами произноситъ отреченіе отъ „цивилизаціи, прогресса“ и прочихъ злаковъ Европы?!!..). Но наши государи и государственные люди, создавая законодательство, гораздо лучше понимали природу человѣка и государства и предвидѣли то, чего г. Стаховичъ не знаетъ (да не знаетъ-ли?!..) даже и тогда, когда зло уже наступило. Неужели въ Орлѣ не знаютъ и не видятъ (ну, а въ Европѣ развѣ тоже: „не знаютъ и не видятъ“?!.. Очевидно, нѣтъ!.. А причина въ томъ, что *сознательно* идутъ и другихъ влекутъ „на распутія“,—поставивъ „философію по стихіямъ міра“ выше Христа!..), что нравственность въ Европѣ, какъ и у насъ въ сферахъ, оторвавшихся отъ церкви, падаетъ съ каждымъ десятилѣтіемъ? (т. е. приближается къ нравственности „либеральной“ или натуралистической? Да! Но вѣдь „современная мудрость“ видитъ въ этомъ заслугу—спросите, напр., г. В. Розанова!..). Общая демонализація принимаетъ уже характеръ прямого безумія. Неслыханные прежде виды тонкаго порока, чисто-сумасшедшихъ убійствъ и самоубійствъ, паденіе семейныхъ отношеній, анархическое презрѣніе ко всякому авторитету (кромѣ, конечно, своего „я“!..), а отсюда постепенное разрушеніе всѣхъ общественныхъ и политическихъ устоевъ: вѣдь все это уже приводитъ въ ужасъ серіозныхъ общественныхъ мыслителей Европы (но за то торжествуетъ принципъ „современной“ абсолютной „свободы“, проведенія котораго въ жизнь во имя самого принципа требуетъ „демократическая партія европейскаго общества, живущая

крайними общественными идеалами!..). А г. Стаховичъ рекомендуетъ намъ (а почему-же и не рекомендовать, если то было и есть *„въ Парижѣ“?!*.) окончательно и принципіально стать на тотъ-же роковой путь!.. Наши государи и государственные люди, создавшіе наше законодательство, хорошо понимали, что свобода (конечно, не *вообще свободы*, а свобода, оторванная отъ *христіанскихъ* основъ?!.) не есть организующій принципъ. Они знали, что людямъ, не только при ихъ воспитаніи, но и въ теченіи всей ихъ жизни нужны извѣстныя твердыя рамки, которыя-бы ихъ поддерживали и направляли въ тѣхъ безчисленныхъ случаяхъ, когда человѣка влекутъ къ заблужденію и гибели—своей и другихъ—тѣ или иныя вредныя, злыя и легкомысленныя вліянія (какъ внѣшнія, добавимъ мы, такъ и въ немъ живущія, т. е. въ плоти его, когда онъ, по словамъ Апостола, „не еже-бо хощетъ доброе, творитъ, но еже не хощетъ злое, сіе содѣваетъ“!..). Эти рамки твердаго соціально-политическаго строя (да и западная юриспруденція не знаетъ *абсолютной свободы!*..) создатели Россіи устанавливали на *союзѣ съ церковью*, они старались пропитать всѣ соціальныя и политическія отношенія религіознымъ воздѣйствіямъ церкви (такъ д. б. и по ученію славянофиловъ и В. С. Соловьева). Если церковь отъ этого страдала, то весь народъ выигрывалъ, [1])

---

[1]) Мы не видимъ въ этихъ словахъ того, что̀ представилось нервно-возбужденному взору „С.-Петерб. Вѣдом.“—именно: разумѣнія подъ „церковью“ *только* „духовенства“ или пастырей и совершеннаго выдѣленія изъ нея „народа вѣрующаго“?!. Такое толкованіе было-бы умѣстно лишь при совпаденіи понятій: „*подданные* русскаго государства“ и „подданные-православные“; но на самомъ дѣлѣ первое понятіе шире и изъ него свободно можно выдѣлить *второе* и назвать иначе „православнымъ народомъ“ въ неразрывной совокупности „пастырей“ и „паствы“ или-же „правосл. церковью“ на Руси. Подъ „страданіемъ“-же Церкви здѣсь, очевидно, разумѣется то, что В. С. Соловьевъ выразилъ

все государство выигрывало. Государственное-же законодательство должно думать о благѣ народа и государства. Если Церковь соглашалась принимать на себя ту задачу, въ которой Государство столь разумно искало ея помощи, то она жертвовала собой для блага міра. И пока этотъ союзъ, созданный мудростью нашихъ государственныхъ строителей былъ *фактомъ*, Россія дѣйствительно была духовно здорова и могуча. Когда же законъ сталъ мертвѣть, и дѣйствительныя соціально-политическія отношенія слагаться фактически по идеямъ, столь восхищающимъ г. Стаховича, у насъ и пошло духовное разложеніе, предсказанное уже Достоевскимъ, а нынѣ все болѣе, какъ духовная моровая язва, охватывающее Россію"...—Раскрывъ мысль о необходимости союза между Церковью и Государствомъ для духовнаго, соціальнаго и политическаго здоровья Россіи, та-же газета въ слѣдующихъ статьяхъ (№№ 274-й, 275 и 278--„союзъ государства и церкви" и „государство въ роли Пилата") старается доказать необходимость этого союза отдѣльно: для Церкви и затѣмъ для государства и очень рельефно передаетъ сущность рѣчи г. Стаховича.

„Древнѣйшія христіанскія сказанія, говорятъ „Моск. Вѣдом.", гласятъ, что христіане не сомнѣвались обращаться къ мірской, государственной власти съ исканіемъ отъ нея правды, той Божьей правды, для исполненія которой Богъ создаетъ земную, человѣческую власть [1]).

словами: „Церковь *нисходитъ* до мірской дѣйствительности по тѣмъ-же ступенямъ, по которымъ Государство восходитъ до церковнаго идеала", или что̀ Преосвящ. Уфим. Антоній называетъ „идеею пастырскаго снисхожденія до настроенія пасомыхъ" (см. „Дух. Осн. Жизни" В. Сол. стр. 164 и „Письма къ пастырямъ" Еп. Антонія, стр. 47-я) и что такъ прекрасно и свято изобразилъ св. Ап. Павелъ (1 Кор. 9,19-22; 10,33; 2 Кор. 11,29)!..

[1]) Не лишнее здѣсь вспомнить 104 пр. Карѳаг. соб., которое, повелѣвая противъ неистовства еретиковъ просить помощи у *царей*, ссылается на

Когда Константинъ Равноапостальный создалъ *государство христіанское*, вся Церковь, въ лицѣ народа, іерархіи и всѣхъ учителей своихъ [1]), привѣтствовала съ радостью и торжествомъ возникшій съ тѣхъ поръ *союзъ* государства и Церкви... Если у насъ являются какія-либо неправильности въ государственно-церковныхъ отношеніяхъ (что зависитъ, конечно, и отъ *особенной трудности* практическаго регулированія сихъ отношеній, какъ сознавали это и славянофилы: И. С. Аксаковъ и др...), то ихъ исправленіе и улучшеніе должно идти, какъ шло, путемъ правильнаго разграниченія сферъ непосредственнаго вѣдѣнія, а никакъ не путемъ разрыва вѣковаго союза (и, замѣтимъ, не путемъ искусственнаго разогрѣванія вражды между церковью и государствомъ, когда отыскивается „коварство“ тамъ, гдѣ вѣетъ духъ единенія [2]). Наша Церковь такъ и смотрѣла... И союзъ съ государствомъ *сей* и теперь нуженъ (да думаемъ, что и всегда нуженъ будетъ, если только само государство не отринетъ его!..) для ея *внѣшней* жизни, для того, чтобы ея слово, ученіе, вліяніе могли проникать *повсюду* и чтобы ничья совѣсть ничьимъ насиліемъ не была отторжена отъ возможности видѣть и слышать христіанскую истину (вотъ этого-то и не хочется *западной* „свободѣ совѣсти!)... Для *государства*-же такой

примѣръ св. Ап. Павла, который „соумышленіе людей безчинныхъ преподѣлалъ *воинскою* помощью“ (см. „Дѣян. Апост.“ 23 гл.) Не лишнее также вспомнить, какъ тотъ-же св. Ап. Павелъ воспользовался и правомъ „*римскаго* гражданина“, дабы избѣжать бичеванія (Дѣян. 22 гл.)! Лишь „не по правдѣ“ никто „не долженъ досаждать царю“! –Апост. прав. 84-е.

[1]) Откуда-же г. И. Дурново (см. „Петерб. Вѣдом.“ № 287) и „С.-Петерб. Вѣдом.“ взяли, что г. Григмутъ считаетъ „церковью“ *только* „духовенство“, или „іерархію“? Жалкая инсинуація!!

[2]) Необходимо помнить, что „какъ сбиваніе молока производитъ масло, толчекъ въ носъ производитъ кровь, такъ и возбужденіе гнѣва производитъ ссору“ (Прит. Сол., 30,33)!!..

союзъ еще гораздо болѣе нуженъ, и важенъ и именно для Русскаго государства“ Однимъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ для всякаго государства, по мнѣнію „Моск. Вѣд.“, является „твердая нравственная выдержка народа“, при которой „нравственная дисциплина живетъ въ народѣ самостоятельно, не „за страхъ только, не за выгоду, а за совѣсть“, а это „доступно выработать только религіи, связывающей нашу совѣсть съ высшимъ Божественнымъ авторитетомъ. Только церковь, *не уничтожая* свободы совѣсти [1]), властна къ ней обращаться *во имя Божіе* и, на основаніи самой *свободы* человѣческаго духа, давать ему нравственную (конечно, согласную съ словомъ Божіимъ?) дисциплину. Церковь дѣлаетъ это и внѣ союза съ Государствомъ (но *нехристіанское* государство можетъ поставить церкви рядъ „препонъ“ и даже запретить извѣстную дѣятельность церкви, какъ въ жизни своего народа, такъ и въ своихъ школахъ, что мы видимъ въ наши дни на Западѣ, гдѣ государство все болѣе и болѣе приближается къ языческой теоріи или идеѣ государства!..). Но государству (разумѣется *христіанскому*) важно, чтобы она совершала это какъ можно успѣшнѣе и шире...; важно и для себя имѣть тѣ-же благія указанія Церкви, чтобы не совершить какихъ-либо въ нравственномъ отношеніи ошибокъ при установленіи своихъ мѣропріятій и выработкѣ законодательства (наприм., хотя-бы по вопросу брачному!..). А особенности нашей націи, исторіи и государственнаго строя дѣлаютъ безусловно такой союзъ съ церковью необходимымъ. Русское государство держится русскимъ народомъ, съ которымъ вмѣстѣ выросло на однѣхъ идеяхъ,

---

[1]) Слѣдовательно, и „Москов. Вѣдом.“, вопреки ложному утвержденію „С.-Петерб. Вѣд.“, *признаютъ* „свободу совѣсти“, но только не отрываютъ ее отъ божественныхъ основъ!

одинхъ вѣрованіяхъ. И если-бы русскій народъ почувствовалъ, что государство *не его духа*, то нечего и говорить о роковыхъ послѣдствіяхъ... А народъ этотъ созданъ *православіемъ*... И государство, въ которомъ русскій народъ чувствуетъ себя *дома*, у себя, спокойнымъ — есть государство — Церковь, или тѣсный *союзъ* государства съ Церковью (конечно, при сохраненіи самостоятельности обоихъ союзниковъ!..). Русскій народъ вѣритъ государству, поскольку оно осуществляетъ *нравственную идею*, которой учитъ Церковь... Православный повинуется власти не по страху одному, а п. ч. чтитъ въ ней волю Божію. Но разорвется связь съ Церковью и государство потеряетъ эту силу..., а *человѣческаго* авторитета русскіе люди не очень-то слушаютъ... Такимъ образомъ, заключаютъ „Моск. Вѣд.“, для Государства союзъ нуженъ не по однѣмъ религіознымъ, но и по чисто-политическимъ причинамъ (конечно, замѣтимъ мы, для *христіанскаго* государства на первомъ мѣстѣ должны стоять причины религіозно-христіанскія, а „чисто-политическія“ уже сами собой „приложатся“! Лишь по мнѣнію г. А. Суворина не только наоборотъ, но и религіозныя причины нужны лишь до времени воцаренія на Руси „культуры“!..)“. Въ статьѣ: „государство въ роли Пилата“ (№ 278) та-же газета сравниваетъ рѣчь г. Стаховича съ словами Пилата: „что есть истина“? и передаетъ ея сущность слѣдующими словами: „ты тамъ все споришь съ разными расколами и сектами (такъ говорить должно, по г. Стаховичу, государство церкви)... Ну и отлично, спорь... Мое дѣло сторона. Можетъ быть ты права, а мож. б. они... Кто васъ тамъ разберетъ?! А ты старайся, но знай, что если они одолѣютъ тебя и если общественное мнѣніе будетъ противъ тебя, то я отдамъ тебя на пропятіе этому общественному мнѣнію и со спокойной свободной совѣстью умою себѣ ру-

ки"!..—„—Внѣ всякаго сомнѣнія, что высказанныя „Москов. Вѣдом." мысли, къ которымъ мы попутно дѣлали свои добавленія, въ качествѣ разъясненій, намѣчаютъ истино-христіанскій взглядъ на взаимное отношеніе между христіанской церковью и христіанскимъ государствомъ и устанавливаютъ правильный взглядъ на сущность доклада г. М. А. Стаховича.

Въ духѣ „Москов. Вѣдом." высказалась и Петербургская газета „*Свѣтъ*" (№ 260). „Подъ громкими словами о „свободѣ совѣсти", пишетъ „Свѣтъ", скрывается у г. Стаховича полное пренебреженіе къ православію. Вѣротерпимость существуетъ въ Россіи задолго до рожденія г. Стаховича. Ст. 45 Основ. гос. зак. говоритъ: „*свобода вѣры* присвояется не токмо христіанамъ иностранныхъ исповѣданій, но и евреямъ, магометанамъ и язычникамъ"... Но по ст. 40-й и въ сознаніи народа русскаго православная церковь есть первенствующая и господствующая въ Россіи. А потому право каждаго славить Бога по своему не есть еще право совращать изъ православія. Если отмѣнить всѣ карательные законы за совращеніе изъ православія, то прійдется допустить и свободу проповѣди такихъ лжеученій, какъ ученіе Л. Толстого. Придется спокойно взирать какъ, при смѣшанныхъ бракахъ православныхъ русскихъ подданныхъ съ инославными, дѣти будутъ крещены въ римско-католичество и лютеранство (замѣтимъ, что этого не допускалъ и И. С. Аксаковъ). Придется терпѣть изувѣрное вѣроученіе скопцовъ [1]),

[1]) Многіе и въ томъ числѣ И. С. Аксаковъ полагаютъ, что возможно допустить *проповѣдь* скопчества и карать лишь самый *фактъ оскопленія*! Но стоитъ-ли доказывать логическую нелѣпость подобныхъ заявленій?!. Вѣдь это равносильно тому, какъ еслибы допустить *проповѣдь* самаго гнуснаго (хлыстовскаго) разврата, а *фактъ* разврата преслѣдовать!.. Или, дать полную свободу развращенія духовнаго и преслѣдовать

противоправственную секту хлыстовъ, противогосударственную секту штундистовъ"... — »— »- -» —» -»— -

На докладъ г. Стаховича откликнулась и юридическая газета „*Право*". Въ послѣдней пѣкто г. Вл. Набоковъ напоминаетъ, между прочимъ, что „мысль о необходимости отказаться отъ насилія въ дѣлахъ вѣры, о возможности лишь духовной борьбы—проповѣдью" [1]) высказывалась и въ Государственномъ Совѣтѣ. Вотъ что читаемъ въ журналѣ Высочайше учрежденнаго особаго совѣщанія при Государственномъ Совѣтѣ для предварительнаго разсмотрѣнія проекта уголовнаго уложенія: „стремленіе къ обращенію въ вѣру, исповѣдуемую виновнымъ (т. е. совратителемъ), является столь естественнымъ проявленіемъ религіознаго чувства, что тамъ, гдѣ совращеніе не сопровождалось насиліемъ, *самая наказуемость его можетъ возбуждать серьезныя сомнѣнія*, а обложеніе его наказаніемъ строгимъ представлялось-бы несправедливымъ [2]). Борьба

тѣлесное!.. Но не будетъ-ли логическимъ концомъ такой свободолюбивой системы то, что настанетъ время, когда число развращенныхъ духовно настолько возрастетъ, что почувствуетъ себя въ силахъ одолѣть своихъ запретителей пролить имъ избытки или сокровища сердца своего во вѣкъ и создать подходящіе для себя законы?!. Кому-же это желательно?!!.

[1]) Но кто-же проповѣдуетъ насиліе въ дѣлахъ вѣры и борьбу съ заблужденіями гражданскимъ мечемъ?!. Если противъ „*лжестовства* еретиковъ" въ его многоразличныхъ видахъ просятъ помощи у свѣтской власти, потому что въ такихъ случаяхъ слово - проповѣдь безсильна преодолѣть *насиліе*, совершаемое надъ православными со стороны разныхъ расколокъ и сектъ, то неужели и такая помощь церкви со стороны гражданской власти есть также „насиліе въ дѣлахъ вѣры"?!. Удивляемся хаосу понятій въ головахъ по-видимому и не сторонниковъ „непротивленія злу"!..

[2]) Нельзя не замѣтить, что нашъ уголовный законъ караетъ за *совращеніе* не во имя самаго принципа совращенія, а въ зависимости отъ того, въ какую вѣру или секту произошло совращеніе: въ признанную, терпимую или недозволенную. Посему здѣсь имѣется въ виду не самый голый фактъ совращенія, а качество совращенія; въ зависимости отъ

съ распространеніемъ вѣрованій, сектъ и ученій путемъ жестокихъ уголовныхъ каръ, какъ указываетъ непререкаемый опытъ исторіи (мы уже не разъ замѣчали, что ссылка на „опытъ исторіи“ — обоюдоострый мечъ и посему несравненно лучше брать критеріемъ законъ сердцевѣдца Христа!), имѣла всегда обратное вліяніе, содѣйствуя развитію сектъ, создавая религіозное мученичество. *Главнымъ* способомъ борьбы должно являться орудіе духовное (а мы

послѣдняго стоитъ и степень наказанія. Ясно, что вопросъ о совращеніи отнюдь не можетъ быть поставленъ въ такой формѣ, какъ онъ приведенъ въ журналѣ Государ. Совѣта, именно въ принципіальной, или абстрактной. Совращеніе есть жизненный, бытовой фактъ и обсуждать его отдѣльно отъ теченія жизни нельзя. Если отвергнуть наказуемость совращенія, то прежде необходимо отвергнуть то различіе достоинства вѣръ и сектъ, которымъ обусловленъ въ государственномъ законодательствѣ самый фактъ совращенія. Лишь когда государство усвоитъ систему полнаго безразличія къ вѣрѣ, т. е. будетъ безрелигіознымъ (каковымъ оно даже по мнѣнію Блюнчли никогда не мож. б.), тогда для него не будетъ существовать и факта „совращенія“! А пока оно держится извѣстной религіи, оно должно считаться и съ фактомъ совращенія и оцѣнивать его съ точки зрѣнія пользы или вреда для содержимой имъ религіи, или, какъ говоритъ Блюнчли, религіи привиллегированной, т. е. господствующей, а также и съ точки зрѣнія на другія, существующія въ государствѣ религіи и секты, которыя и по Блюнчли могутъ быть признанными, терпимыми и запретными. Такого, вполнѣ естественнаго, съ точки зрѣнія не теоріи, а жизни, взгляда и держится нашъ уголовный законъ. Если мы далѣе взглянемъ на фактъ совращенія и съ абстрактной точки зрѣнія, т. е. съ точки зрѣнія психологіи религіи, то и здѣсь увидимъ, что хотя прозелитизмъ и присущъ каждой религіи, но степень или сила его зависитъ отъ содержанія религіи и посему нерѣдко принимаетъ такія формы, которыя будучи „естественнымъ проявленіемъ религіознаго чувства“ извѣстной секты въ то-же время являются насиліемъ естества или „естественнаго проявленія религіознаго чувства“ лицъ, не принадлежащихъ къ этой сектѣ. Не говорю уже о томъ, что понятіе „естественный“ въ подобныхъ разсужденіяхъ, какъ и въ журналѣ Госуд. Совѣта является крайне неопредѣленнымъ и оцѣнивать достоинство извѣстныхъ проявленій религіознаго чувства отдѣльныхъ лицъ соотвѣтствіемъ природѣ или естеству сихъ лицъ крайне рискованно, п. ч. „естество“ бываетъ и есть грѣховно; отсюда происходятъ изувѣрства и развратъ сектъ, какъ „естественныя проявленія религіознаго чувства“ такихъ сектантовъ!..

думаемъ, что для Христовой Церкви орудіе распространенія свѣта ученія Христа есть не только „*главное*“, а *единственное!*..): сила нравственнаго убѣжденія, соотвѣтствіе внутренняго достоинства проповѣдниковъ вѣры проповѣдуемымъ ими идеямъ, а не тюрьма и ссылка (безъ сомнѣнія!)“. [1]) — » — » — » —

Откликнулись на рѣчь г. Стаховича и наши толстые журналы, какъ-то: „Вѣстникъ Европы“ и „Русская Мысль“.

„*Вѣстникъ Европы*“ заявляетъ („Ноябрь“ стр. 459), что „г. Стаховичъ, высказавшись открыто и прямо за свободу совѣсти, собственно вступилъ только на путь, давно уже проложенный такими вѣрными сынами православной церкви, какъ Хомяковъ, Ю. Самаринъ, Ив. Аксаковъ и Вл. Соловьевъ“!..—Думаемъ, что еслибы „Вѣстникъ Европы“ серьезнѣе вдумался въ рѣчь г. Стаховича, то онъ ясно-бы увидѣлъ, что пути г. Стаховича съ одной стороны и славянофиловъ и Вл. Соловьева съ другой въ рѣшеніи вопроса о свободѣ совѣсти не только не совпадаютъ, но и другъ друга исключаютъ, такъ что остается избрать лишь одинъ изъ двухъ, а не оба пути [2])!.. Далѣе, тотъ-же журналъ пишетъ: „реакціонная печать, убѣжденная въ томъ, что на ея улицѣ праздникъ, испол-

---

[1]) По словамъ г. Набокова приведенное извлеченіе изъ журнала Государ. Совѣта есть соображеніе меньшинства членовъ совѣщанія, которые признавали наказуемымъ совращеніе лишь „посредствомъ обольщенія обманомъ, или обѣщаніемъ выгодъ, или-же посредствомъ злоупотребленія властью, или иного способа принужденія“. Между тѣмъ большинство высказалось за наказуемость совращенія „чрезъ подговоръ, обольщеніе, злоупотребленіе властью или иными средствами“.—Нѣтъ сомнѣнія, что меньшинство въ приведенномъ мнѣніи стояло за принципы „новаго государства“, а большинство отстаивало исторически—сложившуюся на Руси систему отношеній между Государствомъ и Церковью.

[2]) Да и почему „Вѣсти. Евр.“ ограничился *голословнымъ* заявленіемъ?!.

ина нетерпимости ко всему напоминающему о гуманности о свободѣ (но такъ-ли на самомъ дѣлѣ?.. Почему-же „Вѣсти. Евр.“ въ 1881 г. причислилъ къ этого рода печати и газету И. С. Аксакова „Русь“?!. А нынѣ самъ-же свидѣтельствуетъ, что тотъ-же И. С. Аксаковъ сторонникъ „Свободы“, гуманности?!. Если-же судъ „Вѣстн Евр.“ справедливъ лишь надъ мертвыми, то ясно, что считаться съ его взглядами на живыхъ—преждевременно!..)... Она читаетъ въ мысляхъ противника чрезъ особые очки, извращающіе то, что есть и показывающіе то, чего нѣтъ вовсе. И въ данномъ случаѣ результатомъ такого чтенія явилось обвиненіе г. Стаховича въ намѣреніи отдѣлить Церковь отъ государства, чего, по мнѣнію журнала, въ докладѣ г. Стаховича нѣтъ“.—Есть-ли въ докладѣ г. Стаховича мысль объ отдѣленіи церкви отъ государства—мы увидимъ изъ разбора этого доклада, а сейчасъ замѣтимъ, что *вся* пресса, даже и не „реакціонная“ и высказавшаяся въ защиту г. Стаховича, разсматривала его рѣчь именно въ связи съ вопросомъ объ отдѣленіи Церкви отъ Государства, такъ-какъ этотъ вопросъ лежитъ въ основѣ всѣхъ частныхъ положеній доклада г. Стаховича и не разъ принималъ въ томъ-же докладѣ точную формулировку, которую „Вѣстникъ Европы“ почему то обошелъ молчаніемъ?!.. Да, наконецъ, и самъ „Вѣстникъ Европы“ въ 1876 году рѣшалъ вопросъ о „свободѣ совѣсти“, по поводу возникшихъ о семъ въ „Обществѣ любителей духовн. просвѣщенія“ въ СПБ. преній, именно въ связи съ основнымъ вопросомъ о взаимномъ отношеніи между Церковью и Государствомъ?!. Не говоримъ уже о томъ, что въ лучшихъ изслѣдованіяхъ по Церковному праву и вообще въ области права и политики вопросъ о „свободѣ совѣсти“ трактуется какъ исходной пунктъ отношеній новаго государства къ религіи (И. Бердниковъ: „Новое Государство“; Ев. Темниковскій: госуд. полож. религ. во Франціи“; Блюнчли, Гнишіусъ

и др ..)! Мы считаемъ лишнимъ останавливаться на той „травлѣ“ на миссіонеровъ, которую „Вѣсти. Европы“ почему-то счелъ нужной пропечатать и на своихъ страницахъ словами свящ. о Т. Черкасскаго, и о которой мы уже говорили при разборѣ мнѣній „С. Петерб. Вѣдом.“ Замѣтимъ только словами глубокочтимаго историка М. О. Кояловича, который, изучивъ виды западнической критики, пришелъ къ тому, безспорно вѣрному заключенію, что „наши русскіе западники, на весь міръ шумящіе о научности, гуманности, сами не показываютъ ни той, ни другой“ („Исторія Русск. самосознанія“ 901 г. 552 стр. — по поводу критики этого сочиненія „Вѣстникомъ Европы“, Русск. Мыслью“ и др...)!

„*Русская Мысль*“ помѣстила статью нѣкоего г. Веталиса, подъ заглавіемъ: „Со стороны“ (Ноябрь, стр. 212-я). Выругавшись, хотя и Библейскимъ языкомъ, по адресу „Москов. Вѣдом.“ и ихъ „единосочинителей“, назвавъ таковыхъ „лицемѣрами пера и фарисеями печати“ (какой обоюдоострый мечъ борьбы?!. Христосъ былъ сердцевѣдцемъ; ну, а г. Веталисъ гдѣ научился проникать туда, о чемъ сказано: „кто-бо вѣсть отъ человѣкъ, яже въ человѣцѣхъ“?!. И не служитъ-ли такая брань прямою безсильной злобы?!.), г. Веталисъ ограничился лишь тѣмъ, что приведетъ *отрывокъ* изъ сочиненій И. С. Аксакова и чисто—по дѣтски спроситъ: „что имѣете возразить г. Грингмутъ“ или: „господинъ Грингмутъ: что вы можете возразить противъ И. Аксакова и, стало быть, противъ М. А. Стаховича“?..—Мы не знаемъ, что возразилъ, да и счелъ-ли нужнымъ возражать г. Веталису г. Грингмутъ?!. Но думаемъ, что отвѣтъ возможенъ одинъ: не хорошо брать отрывокъ у какого-либо писателя и по отрывку судить о его цѣломъ міровоззрѣніи; не хорошо отыскивать сходство въ путяхъ, изъ коихъ одинъ ведетъ къ свѣту, а другой—

къ тьмѣ -- не хорошо отожествлять И. С. Аксакова съ г. М. А. Стаховичемъ. а еще хуже не видѣть бревна въ своемъ глазѣ и всячески искать сучка въ глазѣ ближняго своего!..

Перейдемъ теперь къ краткому обзору мнѣній *духовной прессы* по вопросу, поднятому г. Стаховичемъ.

Въ № 41-мъ „*Церковнаго Вѣстника*“ читаемъ: «основная мысль доклада г. Стаховича- это требованіе *безусловной* свободы совѣсти, состоящей не только въ свободѣ вѣрованія, но и въ свободѣ исповѣданія, т. е. совращенія другихъ (отожествленіе свободы исповѣданія съ совращеніемъ допускаетъ г. Стаховичъ, о чемъ и говоритъ „Церк. Вѣсти“).. , такъ что нужно уничтожить всѣ наказанія за проповѣдь передъ взрослыми и за совращеніе сознательныхъ людей. Нужно совершенно устранить вмѣшательство государства въ дѣла вѣры. Идеалъ г. Стаховича --отсутствіе всякаго религіознаго законодательства, совершенное игнорированіе государствомъ дѣлъ вѣры“. .. „Но, замѣчаетъ „Церк. Вѣстн.“, Франція и сію минуту принимаетъ репрессаліи относительно религіозныхъ конгрегацій, Австрія всячески содѣйствуетъ Іезуитамъ давить православіе на Востокѣ и въ славянскихъ странахъ; Германія при помощи протестантизма стремится расшатать католицизмъ австрійскихъ нѣмцевъ и тѣмъ подготовить почву для сліянія; Америка гонитъ мормоновъ, хотя послѣдніе и доказываютъ ей пользу отъ полигаміи“.... „Капитальное заблужденіе въ докладѣ Стаховича, по мнѣнію „Ц. В“, скрывается въ смѣшеніи свободы вѣры съ свободой пропаганды“.—Въ той-же газетѣ появились еще двѣ статьи по данному вопросу (за 8 Нояб. и №№ 47 и 48), причемъ въ первой (о. К. Попова) подробно развита мысль, что именно раскольники и сектанты и знать не хотятъ „свободы совѣсти“ и крайне неразборчивы въ средствахъ пропаганды, а во второй

прекрасно изображены практическія послѣдствія предлагаемой г. Стаховичемъ «свободы совѣсти», послѣдствія, конечно, самыя нежелательныя съ христіанской точки зрѣнія.

Въ другой духовной газетѣ — „Церковныя Вѣдомости“ (№ 41-й), — послѣ краткаго изложенія содержанія рѣчи г. Стаховича и мнѣній свѣтской прессы, говорится: „путь къ истинной свободѣ лежитъ въ послушаніи волѣ и закону Божію. Въ согласіи съ закономъ Божіимъ, въ духовномъ единеніи съ Господомъ люди *обезпечиваютъ себѣ свободу*... Для нихъ нестѣснителенъ никакой *гражданскій законъ*, непротиворѣчащій волѣ Божіей.[1]) Всегда дѣйствуя въ духѣ закона, они становятся выше буквальныхъ предписаній его и наилучшимъ образомъ его исполняютъ. Здѣсь хранится и свобода совѣсти, какъ духовное право поступать по высшему разумѣнію нравственнаго закона, не стѣсняясь его буквою; между тѣмъ какъ люди съ отупѣвшею и искаженною совѣстію полагаютъ эту свободу въ правѣ для всякаго беззаконника дѣйствовать по своему произволу (т. е., замѣтимъ, ставятъ свое „я“ для себя абсолютнымъ закономъ!..) съ пренебреженіемъ ко всѣмъ законамъ“....А что гражданскій законъ не противорѣчитъ на Руси волѣ Божіей — это, по мнѣнію „Церк. Вѣдом.“, видно изъ того, что „у насъ Церковь и государство не стремятся разойтись и дѣйствовать отдѣльно, какъ въ другихъ христіанскихъ странахъ, а составляютъ одно цѣлое, какъ тѣло, одушевляемое живою душею. Въ области духа независимо дѣйствуетъ Церковь, въ области государственной жизни нераздѣльно владычествуетъ Царь“....

Большое вниманіе удѣлилъ докладу г. Стаховича и

---

[1]) „Если вы исполняете законъ царскій по Писанію: возлюби ближняго твоего, какъ себя самаго,—хорошо дѣлаете (Іак. 2,8“).

спеціальный миссіонерскій журналъ „*Миссіонерское Обозрѣніе*“, особенно въ Ноябрьской книжкѣ.[1]) Помѣстивъ полностью докладъ г. Стаховича и разборъ его членами съѣзда,[2]) журналъ предпослалъ данному докладу большую статью В. А. Тернавцева, озаглавленную: «вопросъ о свободѣ совѣсти на Орлов. мисс. съѣздѣ» и посвященную критикѣ доклада г. Стаховича. Авторъ этой статьи вполнѣ справедливо смотритъ на рѣчь г. Стаховича, какъ на проповѣдь «совершеннаго отдѣленія Церкви отъ Государства» и, признавая за ней „собственно политическое значеніе», отводитъ ей мѣсто „въ какомъ-либо собраніи государственныхъ чиновъ“ Россіи. „Вся рѣчь г. Стаховича, по мнѣнію В. Т., отъ начала до конца проникнута двойственностью, которая на каждомъ шагу умерщвляетъ убѣждающую силу той правды, которую *хотѣлось-бы* видѣть въ его словахъ, - и это не случайно“!... Далѣе авторъ признаетъ „свободу“ у г. Стаховича не Христовой, а революціонной. Христова свобода – это „побѣда надъ грѣхомъ и смертью— во Христѣ; ея содержаніе—вѣчное блаженство; пророчественная пѣснь ея—всеобщее воскресеніе“...„Другая—ложная свобода, которую восхищаетъ человѣкъ себѣ самъ. Гордая самодостаточность человѣка по отношенію къ Богу возводится въ истину. Смерть естественна и неизбѣжна. Вѣчность только въ наслѣдіяхъ среди потомства. Конечный выводъ –сверхчеловѣчество'. Эти двѣ свободы прямо противоположны.... Доказавъ присутствіе въ православіи „Свободы Христовой“ и „свободы“ у мучениковъ—христіанъ среди самыхъ мученій“, авторъ снова еще яснѣе

[1]) Обозрѣніе журналовъ мы кончаемъ Ноябремъ и сожалѣемъ, что не можемъ сдѣлать обзоръ тѣхъ статей, которыя *имѣютъ* появиться въ Декабр. кн. „Мисс. Обозр.“, какъ то видно изъ вышедшей уже книги Ноябрьской.

[2]) Мы уже привели этотъ разборъ во 2-ой главѣ.

раскрываетъ совпаденіе понятія „свободы“ у г. Стаховича съ „свободой мірской“, а не Христовой, причемъ первая является съ „безбожнымъ и богохульнымъ обликомъ“.... „Если рѣчь г. Стаховича, заключаетъ В. Т. свою статью, не слова́, не кимвалъ, бряцающій безъ любви, то Стаховичъ долженъ былъ-бы самъ бросить все, порвать съ ветхимъ человѣкомъ, и самъ, ставъ въ ряды проповѣдниковъ, явить себя борющимся за дѣло Христово!“... Пожелаемъ того-же и другимъ ярымъ обличителямъ г.г. миссіонеровъ!...

Глава IV-я.

„Гортань отличаетъ пищу изъ дичи, такъ разумное сердце - слова ложныя“... (Прем. Сир. 36,21).

Присутствуя на съѣздѣ въ качествѣ члена онаго, я имѣлъ возможность тогда же высказать нѣсколько словъ по существу содержимаго въ докладѣ г. Стаховича. Но такъ какъ вопросъ о „свободѣ совѣсти“ никакимъ образомъ не можетъ быть отнесенъ къ числу тѣхъ, кои рѣшаются ex abrupto, то я искренно скорблю, что, при полномъ желаніи „отплатить“ съ своей стороны г. Стаховичу за его просвѣщенное и „братское“ участіе въ занятіяхъ съѣзда, не могъ хотя бы съ мало-мальски достаточной полнотою и ясностью *въ одинъ моментъ* [1]) разрѣшить „мучившій его все время недоумѣнный вопросъ“, притомъ еще—„единый на потребу... краевый угольный камень“?.. Съ другой стороны, полная невозможнось уловить теченіе

---

[1]) Право же вопросъ о *свободѣ* совѣсти не можетъ быть поставленъ на ряду съ вопросомъ о *монополіи* на мѣста сборщиковъ денегъ по казеннымъ винным лавкамъ, хотя бы и при тожествѣ лица, ратующаго то за „*свободу*“ въ теоріи, то за „*монополію*“ въ жизни!.. и даже, что всего удивительнѣй, претендующаго на монополію... „*честности*“... См. «Недѣля» 1900 г. №№ 42, 43.

мыслей искуснаго оратора, пестрота и обиліе въ докладѣ цитатъ, которыя громко и неоспоримо свидѣтельствуютъ о неисчерпаемой эрудиціи лектора, поразительное умѣнье послѣдняго проникать въ самый корень вещей и отъ своихъ щедротъ дарить слушателей богатствомъ посылокъ, удивительнымъ сочетаньемъ мыслей и фактовъ и еще болѣе неожиданными выводами изъ нихъ: все это ошеломляло меня, и невольно приходило мнѣ на мысль, что для почтеннаго лектора поставленный имъ вопросъ *давно рѣшенъ*!... Но всежке, сказавъ нѣсколько словъ въ засѣданіи съѣзда, я считаю долгомъ дополнить наскоро данный отвѣтъ.

Докладъ г. Стаховича, за исключеніемъ обычнаго салоннаго пустоцвѣта—вступленія, представляетъ собой: во 1-хъ, дословную—почти $^2/_3$ текста—выдержку изъ IV т. сочиненій И. С. Аксакова, откуда почерпнуты ссылки и на другихъ писателей, какъ-то: Гизо, Геттэ, Овербека etc...; во 2 хъ, крайне неудачную и поразительно скудную перефразировку, не болѣе двухъ-трехъ выводныхъ сужденій И. Аксакова; въ 3-хъ, вольный пересказъ съ комментаріями текста „Миссіонер. Памятки“ и словъ о. Переверзева и, въ 4-хъ, далеко не оригинальный заключительный пафосъ [1]) —Бросивъ глубоко несправедливый упрекъ миссіонерамъ въ томъ, что ими якобы забыто было „единое на потребу“, вѣковое слово: „*свобода совѣсти*“ (г. Стаховичъ не посѣтилъ *всѣхъ* засѣданій съѣзда!...), ораторъ говоритъ: „Идѣ же Духъ Господень—ту свобода“, такъ начиная рядъ доказательствъ въ пользу „свободы совѣсти“ и далѣе спрашиваетъ: „Значитъ ли это, что гдѣ духъ не Господень, тамъ не должно быть и свободы? Или

[1]) Очевидно, немного требуется, чтобы попасть въ число «*замѣчательныхъ*» на страницахъ «Петербург. Вѣдомостей» (№ 267)!..

можетъ быть это значитъ, что гдѣ нѣтъ свободы, тамъ нѣтъ и Духа Господня?"

Отвѣчаемъ: цѣлью доклада поставлено рѣшеніе вопроса не о „свободѣ" вообще, а о „свободѣ совѣсти", посему оратору необходимо было привести библейскія доказательства въ пользу именно „свободы совѣсти", чего онъ, къ сожалѣнію, не сдѣлалъ .. Приведенный-же имъ изъ посланія ап. Павла текстъ говоритъ не о „свободѣ совѣсти", и даже не о „свободѣ" вообще, а. какъ видно изъ контекста рѣчи, о свободѣ отъ рабства Моисееву закону[1]..

Быть можетъ, г. докладчикъ возразитъ: „безъ рѣшенія проблемы свободы нельзя говорить о свободѣ совѣсти, потому что прежде необходимо опредѣлить и согласиться въ томъ, что разумѣть подъ свободой?" Вполнѣ соглашаемся съ такимъ существеннымъ возраженіемъ. Но тогда спросимъ, почему же ораторъ не выяснилъ понятія *свободы*, я не говорю съ чисто философской [1]), но съ богословски-православной точки зрѣнія?[1]. Онъ взялъ слово „свобода", какъ нѣчто весьма опредѣленное, неоспоримое и общеизвѣстное, и въ поискахъ за библейскимъ авторитетомъ пристегнулъ къ нему отрывочно взятый изъ апостола текстъ, нисколько не заботясь о томъ, что могло выйти и дѣйствительно вышло не лучше того, какъ „Петербургскія Вѣдомости" (№ 267) требовали признанія свободы слова на основаніи евангельскаго текста: „въ началѣ бѣ Слово и Слово бѣ къ Богу и Богъ бѣ Слово"!.. Между тѣмъ, по выраженію Ю. Ѳ. Самарина: „слово *свобода – самое неопредѣленное*"...

---

[1]) Проблема «свободы» не можетъ считаться аксіомой философіи. Нерѣдко даже одинъ и тотъ же философъ, помимо своей воли, впадалъ въ противорѣчивыя сужденія о „свободѣ",—см. нашу статью „проблема свободы воли въ философіи Канта"- -„Вѣра и Разумъ" 1898 г. № 20.

И дѣйствительно, понятіе свободы, какъ чисто формальное, само по себѣ пусто и безсодержательно; отсюда въ требованіи свободы могутъ сойтись и дѣйствительно сходятся люди самыхъ различныхъ вѣрованій, направленій и убѣжденій, не исключая и отставного ген.-лейтен. И. Филиппенко („Петерб. Вѣдом.“ № 284). Посему, нельзя употреблять слово *свобода* въ постановленныхъ докладчикомъ вопросахъ, прежде чѣмъ не выяснено, съ какой точки зрѣнія смотрѣть на свободу и что подъ ней разумѣть? Если, напримѣръ, отвѣчать на приведенные нами вопросы оратора съ христіанской точки зрѣнія, то необходимо признать, что „гдѣ Духъ не Господень, тамъ нѣтъ истины, нѣтъ и свободы, а царитъ рабство лжи и грѣха; или, гдѣ нѣтъ свободы отъ рабства лжи и грѣху, тамъ нѣтъ и Духа Господня“ (сравн. Іоан. 8, 32—33; 1 Іоан. 2, 21). Совмѣстность свободы съ Духомъ Господнимъ обязательна лишь при христіанскомъ пониманіи свободы, ибо „какое согласіе между Христомъ и Веліаромъ“? Или какая совмѣстность Духа Господня съ свободой атеистовъ, революціонеровъ и пр.? — Ясно, что о положительномъ значеніи требованія свободы можно говорить лишь тогда, когда установлена точка зрѣнія на самую свободу, опредѣлена ея цѣль и содержаніе и, смотря потому, какова эта цѣль или содержаніе, самая свобода получаетъ съ извѣстной точки зрѣнія далеко не одинаковое достоинство. Но, къ сожалѣнію, ораторъ предпочелъ болѣе легкій и скорый, хотя и болѣе скользкій путь. Въ попыткахъ оправдать себя библейскимъ текстомъ онъ къ словамъ апостола: „ту свобода“ произвольно подставилъ всего лишь нѣсколько своихъ словъ и, повидимому, достигъ искомой цѣли—получилось, что „гдѣ нѣтъ свободы для слова, свободы для мнѣнія, свободы для сомнѣнія, свободы для исповѣданія,— тамъ нѣтъ и мѣста для вѣры, тамъ не повѣетъ Духъ Гос-

подень"! Очевидно, пылкій ораторъ забылъ, что „Слово Божіе острѣе всякаго меча обоюдоостраго", и что, слѣдуя примѣру, или, точнѣе, произволу, г. Стаховича мормонъ вправѣ сказать: „ту свобода" не слова, не мнѣнія, не сомнѣнія, а полигаміи, хлыстъ—свальнаго грѣха, скопецъ—оскопленія, ген. И. Филипенко—„религіозной эволюціи" („Петерб. Вѣд." № 284), а пылкій французъ давно уже воскликнулъ: „ту свобода" революціи и начерталъ ее на знамени послѣдней и возвелъ ее въ девизъ террора, анархіи, тиранніи... А, какъ-то водится, не такъ ужъ изстари, вслѣдъ за французомъ и „наши антиподы западнаго либерализма" провѣщали: „ту свобода" всего, свобода ради свободы и изъ-за послѣдней, чуждой и тѣни религіозныхъ принциповъ, приняли подъ свое особенное покровительство разные расколы и секты, забывъ, что въ концѣ концовъ и сами придутъ къ той же западной тиранніи, которой, по словамъ И. С. Аксакова, кончается „всякій либерализмъ". Впрочемъ, „либерализмъ"—либералъ на чужое и строгій консерваторъ на свое!..

Не только не выяснивъ, но даже исказивъ идею свободы у ап. Павла, г. Стаховичъ спѣшитъ заявить, что эта идея „нуждается въ бренномъ воплощеніи и, какъ тѣло въ одеждѣ, нуждается въ мотивировкѣ". Думаю что почтенный ораторъ крайне неудачно сравниваетъ потребность идеи въ мотивировкѣ съ потребностью тѣла въ одеждѣ, такъ какъ между отношеніемъ тѣла къ одеждѣ и идеи къ мотивировкѣ самая пылкая фантазія можетъ открыть сходство лишь въ томъ, что оба они, т. е. тѣло и идея *нуждаются*"... Но всеже согласенъ, что для бренныхъ цѣлей несравненно лучше искать воплощенія въ бренніи, чѣмъ въ текстѣ св. Писанія!. Такое „воплощеніе" идеи свободы г. Стаховичъ находитъ, прежде всего, въ двухъ выдержкахъ изъ сочиненія Гизо: „méditations sur l'essence de la reli-

gion chrètienne", процитированныхъ имъ по И. С. Аксакову (т. IV, стр. 28—32). Сущность первой выдержки такова: „христіанская религія, претерпѣвъ мученичество и гоненіе подъ скипетромъ языческихъ императоровъ, въ свою очередь жила подъ стражею гражданскаго закона, защищаемая оружіемъ свѣтской власти. Но нынѣ, вслѣдствіе великой умственной и соціальной революціи, существенныя черты которой: духъ науки, преобладаніе демократическаго начала и политическая свобода, ей приходится имѣть дѣло съ свободной мыслью, свободнымъ сужденіемъ и защищаться уже самой, самой охранять себя и свидѣтельствовать неустанно и противъ всякаго встрѣчнаго свою истину, нравственную и историческую, свое право на разумъ и душу человѣческую. Католики, протестанты, жиды, христіане и философы, — всѣ теперь, по крайней мѣрѣ, во Франціи, ограждены отъ всякаго преслѣдованія; наружное выраженіе вѣрованія равно свободно для каждаго. Правда, свобода религіозная, т. е. свобода вѣрить, вѣрить различно, или вовсе не вѣрить, еще не вполнѣ принята и обезпечена въ разныхъ государствахъ, но, очевидно, что она болѣе и болѣе становится всеобщимъ фактомъ и станетъ отнынѣ обычнымъ правомъ просвѣщеннаго міра. Всѣ политическія учрежденія должны будутъ прилаживаться къ этимъ фактамъ и всѣ нравственныя власти жить съ послѣдними въ мирѣ. Христіанская религія также не избавлена отъ этого испытанія, но она преодолѣетъ его, какъ преодолѣла множество другихъ".

Казалось, ораторъ долженъ былъ показать и доказать, что пророчество Гизо исполнилось, что дѣйствительно во Франціи и другихъ просвѣщенныхъ странахъ de facto существуетъ такая „религіозная свобода" [1])... Между тѣмъ онъ

[1]) Особеннаго труда для этого не требовалось. Въ томъ-же IV т. Акса-

беретъ мнѣніе и даже проектъ доктринера Гизо на полную вѣру и приводитъ ихъ въ докладѣ за жизненную аксіому!.. Далѣе, процитировавъ Гизо по Аксакову, г. Стаховичъ долженъ былъ оговориться, что Аксаковъ не вполнѣ согласенъ съ мнѣніемъ Гизо. Но почему-то и этого г. Стаховичъ не сдѣлалъ, и, опустивъ возраженія Аксакова, тотчасъ цитируетъ вторую выдержку изъ Гизо и затѣмъ мнѣніе Аксакова о послѣдней приводитъ, какъ якобы относящееся къ первой и второй!.. Между тѣмъ, въ виду поразительно-сильнаго авторитета, какимъ пользуется не только мнѣніе, но и буквальный текстъ Аксакова въ докладѣ г. Стаховича, тамъ же необходимо было выяснить, что, вопреки Гизо, Аксаковъ не только не противополагаетъ христіанской религіи приведенные факты умственной и соціальной революціи, какъ что-то отъ нея совершенно отдѣльное, независимое, что-то ей чуждое, съ чѣмъ ей, какъ-бы *волей–неволей*, приходится считаться, но производитъ ихъ отъ напора христіанской идеи, которая нерѣдко прорывалась въ людяхъ къ жизни путемъ извращеннымъ, не христіанскимъ, путемъ отрицанія, насилія и революціи. Не разъ Аксаковъ вспоминаетъ о выставленномъ на знамени первой французской революціи девизѣ: „свобода, равенство, братство“, который данъ міру Евангеліемъ и сожалѣетъ, что смыслъ этого девиза исказили революціонеры, вложивъ въ него свое сужденіе и безумно непстовствуя противъ Евангелія!.. Если бы ораторъ привелъ это мнѣніе Аксакова, то стало бы яснымъ, что, вопреки Гизо, по Аксакову, христіанской религіи не только не нужно „преодолѣвать“ различныя

ковъ говоритъ: „теперь въ нѣкоторыхъ западныхъ государствахъ, особенно во Франціи, вовсе *не безразлично* относятся къ вѣрѣ и Церкви; ихъ безвѣріе воинственное; они—въ состояніи непрерывнаго бунта, ведутъ постоянную брань и постоянную проповѣдь проповѣдь вѣры въ безвѣріе!“

проявленія свободы, или же дѣлать имъ какія уступки, чтобы „жить съ ними въ мирѣ", но что „свобода есть самая стихія жизни Церкви Христовой", которой посему необходимо отстаивать лишь *христіанское* пониманіе свободы, чтобы подъ видомъ послѣдней не было предложено христіанамъ что-либо *открыто* враждебное Христу, или же искусно скрытое подъ христіанскимъ *обличьемъ*, но также противное свободѣ возвѣщенной Христомъ. Еще рельефнѣе станетъ различіе между взглядомъ на „свободу" у Гизо и Аксакова, если обратимся къ другимъ сочиненіямъ Гизо. Такъ, въ „Исторіи цивилизаціи въ Европѣ" читаемъ: „страсть къ личной независимости есть само по себѣ благородное чувство, почерпающее свою силу изъ нравственной природы человѣка: это — удовольствіе сознавать себя человѣкомъ, это чувство личности, самостоятельности человѣческой въ свободномъ ея развитіи... Но это чувство личности, чувство *свободы* (индивидуума) было внесено въ европейскую цивилизацію *варварами*; оно не было извѣстно ни римскому міру, ни христіанской Церкви, ни большей части древнихъ цивилизацій Если вы и находите въ древнихъ цивилизаціяхъ свободу, то свободу политическую, свободу гражданина. Тамъ человѣкъ заботится не о личной, но о гражданской своей свободѣ, онъ принадлежитъ къ извѣстному обществу, посвятилъ себя ему, готовъ пожертвовать ему собой. Тоже самое было и въ *христіанской* Церкви: и тамъ господствовало чрезвычайно сильно развитое чувство привязанности къ христіанской *общинѣ*, преданности *ея* законамъ, живая потребность расширить *ея* владычество; или же религіозное чувство вызывало сильную реакцію человѣка противъ самаго себя, своей души, внутреннее стремленіе *ограничить свою свободу* и подчиниться требованіямъ вѣры; по повторяю,—чувство личной независимости, стремленіе къ свободѣ не было

знакомо ни римскому, ни христіанскому обществу. Оно было внесено и положено въ колыбель европейской цивилизаціи варварами". Между тѣмъ, по ученію славянофиловъ и въ частности И. С. Аксакова (въ данномъ случаѣ согласнаго съ западниками, напр., съ Кавелинымъ), принципъ свободы личности впервые возвѣщенъ былъ и установленъ христіанствомъ и въ этомъ заключается главное значеніе послѣдняго. При такомъ взглядѣ И. С. Аксакова на „свободу личности" у ней не остается ничего общаго, кромѣ названія, съ „свободой личности" у Гизо. Въ то время какъ первый считаетъ „свободу личности" и по названію и по содержанію главнымъ элементомъ христіанства, второй признаетъ ее вкладомъ въ европейскую цивилизацію отъ варваровъ и посему чуждой христіанской санкціи. Но „человѣческая личность говоритъ Аксаковъ, какъ скоро познала и вкусила однажды даннаго ей христіанствомъ значенія и свободы и затѣмъ совлекла съ себя христіанское освященіе (какова свобода варваровъ), притворяется всегда не во что иное, какъ въ самый дикій, разнузданный эгоизмъ"!.. Такимъ образомъ, подкрѣплять въ докладѣ требованіе „свободы" двумя діаметрально-противоположными взглядами на „свободу" равносильно уничтоженію самаго требованія, а санкціонировать мнѣніе Гизо о свободѣ согласіемъ Аксакова отнюдь нельзя.

Если теперь обратимся ко второй выдержкѣ изъ Гизо, то опять увидимъ, что, подтверждая смыслъ ея мнѣніемъ Аксакова, г. Стаховичъ долженъ былъ сдѣлать весьма существенныя оговорки, чтобы не ввести слушателей въ заблужденіе относительно полной солидарности Аксакова съ мнѣніемъ Гизо. Сущность 2-ой цитаты изъ Гизо такова: сказавъ, что христіанская религія преодолѣетъ уже извѣстныя намъ испытанія, Гизо продолжаетъ: «дѣло крайней важности и необходимости, чтобы христіане не обольщались

на счетъ предстоящей имъ борьбы, на счетъ ея опасностей и тѣхъ орудій, которыя имъ возможно будетъ употребить въ дѣло. Нападеніе, направленное теперь на христіанскую религію — нападеніе пламенное и совершаемое то съ грубымъ фанатизмомъ, то съ хитрымъ искусствомъ.—то во имя самыхъ низкихъ страстей, то во имя самыхъ искреннихъ убѣжденій: иные (на Западѣ) оспариваютъ ее, какъ лживую, другіе отвергаютъ ее, какъ слишкомъ требовательную и стѣснительную,—большая часть страшится ея, какъ тиранiи. Христіане, съ своей стороны, съ трудомъ допускаютъ новое соціальное положеніе и съ трудомъ приглядываются къ нему. Не легко перейти отъ привиллегiи къ общности права и отъ господства къ свободѣ. И однакоже они къ тому вынуждены обстоятельствами,—они уже нигдѣ, какъ только въ свободѣ сужденія и воспользовавшись всею полнотою своей собственной свободы, могутъ обрѣсти нужную имъ силу, чтобы возвыситься надъ опасностями и сдѣлать тщетными нападенія своихъ яростныхъ противниковъ»... И. С. Аксаковъ согласенъ, что Гизо «съ паразительной вѣрностью опредѣлилъ настоящее положеніе дѣла, настоящія опасности, грозящія торжеству христіанской истины... и что побѣда можетъ остаться за христіанской истиной только тогда, когда защитники этой истины будутъ вполнѣ ей вѣрны и будутъ защищать ее единымъ соотвѣтственнымъ ея достоинству орудіемъ, когда они убѣдятся, что только въ свободѣ сужденія, въ свободѣ совѣсти, и воспользовавшись всею полнотою собственной свободы, они могутъ обрѣсти необходимую имъ силу для побѣды надъ могуществомъ лжи и мрака, для одолѣнія своихъ многочисленныхъ и искусныхъ враговъ». Но и сейчасъ Аксаковъ, вопреки Гизо, вѣритъ, что „свобода сужденія“, „свобода совѣсти“ и вообще «полнота свободы» — единое *соотвѣтственное* достоинству христіанской религіи

орудіе въ борьбѣ съ врагами, а не *противное* ей, къ которому она лишь волей-неволей должна прибѣгнуть, вслѣдствіе измѣнившагося соціальнаго строя. Ей необходимо заботиться лишь о томъ, чтобы это орудіе было *христіанскимъ* не по названію только, а главное по цѣли его употребленія и содержанію. Всѣ приведенныя нами оговорки считаемъ существенно необходимыми, чтобы не отожествить, (какъ сдѣлать то г. докладчикъ), два противоположныхъ взгляда на «свободу»: Гизо и Аксакова и не пользоваться ими, какъ солидарными, для подтвержденія своихъ требованій свободы. Нельзя не замѣтить, что Гизо принадлежалъ къ протестантскому семейству, сильно пострадавшему отъ религіозныхъ гоненій прежняго режима и отъ ужасовъ революціи. Все это вмѣстѣ съ современной ему религіозно-политической жизнью Запада и отразилась на его ученіи о свободѣ. Онъ видѣлъ, что «католики слишкомъ трусятъ свободы, протестанты слишкомъ трусятъ авторитета», что въ политической жизни также идетъ сильная борьба между началами свободы и началами строгаго порядка и вотъ вмѣстѣ съ Ройе Коллара создаетъ во франціи школу доктринеровъ, которая доказывала возможность совмѣщенія полной свободы съ строгимъ общественнымъ порядкомъ. Но что легко было начертить въ кабинетномъ докладѣ, то оказалось невозможнымъ провести въ жизнь, и школа Гизо падаетъ, просуществовавъ не болѣе 30 лѣтъ. Думаемъ, что совершенно иного взгляда держался-бы Гизо и на христіанство и на свободу, еслибы знакомъ былъ съ религіозной жизнью Востока. По крайней мѣрѣ, другой протестантъ, современникъ Гизо, профессоръ и докторъ богословія и философіи Овербекъ, въ своей брошюрѣ, изданной въ 1865 г.: «Ex oriente lux!» говоритъ: «еслибы Лютеръ принадлежалъ къ Церкви Восточной, то онъ не имѣлъ-бы причины оставлять ее, потому что первоначальныя

обвиненія, справедливо возведенныя имъ на Римскую Церковь, не нашли-бы себѣ мѣста по отношенію къ Восточной Церкви Духъ православнаго каѳоличества - есть вѣра, любовь, убѣжденіе, *свобода*, благочестіе, движеніе впередъ»!.. Если теперь обратимся къ свидѣтельству современной исторической науки, то и съ точки зрѣнія послѣдней, Гизо не достаетъ строгой объективности, всюду проглядываютъ его предвзятыя идеи и принципы, навѣянные духомъ того бурнаго времени, которое переживала Франція въ 30-хъ и 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія.

Невольно приходитъ на мысль, что если апостольская идея свободы и „нуждается въ бренномъ воплощеніи и мотивировкѣ", взятыхъ у Гизо, то лишь для того, чтобы «апостольское» исказить или предать забвенію, а подъ видомъ «апостольскаго» «бренное» провести въ жизнь!..

Но пойдемъ далѣе. Почтенный ораторъ буквальными словами И. С. Аксакова задаетъ отъ себя цѣлый рядъ вопросовъ. „Что выражается требованіемъ свободы совѣсти"? — спрашиваетъ онъ. Отвѣчаемъ: у кого? Если у васъ, то къ сожалѣнію, еще не знаемъ, такъ какъ доселѣ вы привели и слили во-едино лишь два діаметрально-противоположныхъ чужихъ взгляда на „свободу"!..—„Для кого и для чего оно нужно? Для торжества-ли лживыхъ и суевѣрныхъ ученій? Выражается-ли этимъ требованіемъ сострадание къ расколу или простое увлеченіе современными либеральными требованіями цивилизаціи, прогресса и проч? Ничуть не бывало"...—отвѣчаетъ ораторъ. Но позвольте: все это одни слова, одни изліянія чувства, а гдѣ-же доказательства? Вы говорите: „ничуть не бывало", а я скажу: нѣтъ, бывало и теперь бываетъ. Вспомните слова хотя-бы И. С. Аксакова: „весь христіанскій міръ на Западѣ охваченъ теперь борьбою съ врагомъ, которому ходячее имя: современный прогрессъ; это бой на жизнь и смерть съ Церковью, бой

во имя культуры, цивилизаціи, всяческой свободы и общественныхъ благъ. Этотъ бой зачинается и у насъ [1]), каждый день умножая противниковъ Церкви, каждый день увлекая подъ знамя „прогресса“ множество молодыхъ... Ибо это знамя „равенства и братства“, „*свободы* знанія, мысли и *совѣсти*“, и т. д. и т. д... Всѣ эти либеральные принципы, сдвинутые съ основы христіанскаго міросозерцанія, логически приводятъ къ абсурду: *прогрессъ*, въ концѣ концовъ становится *регрессомъ*; цивилизація завершается *одичаніемъ; свобода* — деспотизмомъ и рабствомъ“... Но этимъ-то „либеральнымъ“ принципамъ чуждымъ христіанской основы, и наши поборники либерализма, въ лицѣ извѣстной части прессы и вообще всѣхъ поклонниковъ европейскаго прогресса, приняли подъ свое особенное покровительство и ратуютъ за всяческіе расколы и секты... Мы говорили, что конецъ этого „либерализма“ — тиранія, и видимъ это, напримѣръ, во Франціи, гдѣ государство, подъ предлогомъ „свободы совѣсти“ принудительною властью создаетъ въ христіанской странѣ, для массъ христіанскаго народа, новую *обязательную* школу безъ всякой идеи о Богѣ, замѣняя въ учебникахъ самое слово *Богъ* словомъ *натура*, т. е. *навязываетъ* насильно, согласно съ „послѣднимъ словомъ прогресса“, своего рода *сектантство*. Не похожее ли на это стремились провести въ жизнь и наши „либералы“ въ министерство Головнина и позже бар. Николаи, когда и министерство и „либеральная“ пресса предприняли крестовый походъ противъ духовенства и „церковщины“ и когда, съ помощью казенныхъ, т. е. народныхъ денегъ, цѣлый легіонъ передовыхъ педагоговъ сочинялъ народныя азбуки, въ которыхъ вмѣсто стариннаго:

---

[1]) Конечно, двоякимъ путемъ: или открыто, что честнѣе, или-же подъ обличьемъ христіанства.

Азъ Ангелъ, ставили: А—Арбузъ; вмѣсто: Буки—Б Богъ, ставили: Б Баранъ!.. И всѣ ликовали, что нанесли ударъ „клерикализму“, [1]) а „Страна“ гудѣла хвалебнымъ басомъ, ожидая себѣ благодарности отъ отечества!.. [2])

„До цивилизаціи и прогресса намъ и дѣла нѣтъ, говорите вы, ибо превыше всякой цивилизаціи и прогресса — идеалъ преподставленный человѣчеству Христомъ и требованіе свободы совѣсти опирается лишь на самомъ Словѣ Божіемъ“ .. Но позвольте, опять: слова, слова и слова.. Почему-же вы свое требованіе „свободы совѣсти“ не основали на фундаментѣ изъ словъ Христовыхъ и апостольскихъ? Почему не раскрыли *истинно-христіанскій* смыслъ понятія: „свобода совѣсти“? Вы привели всего лишь одинъ, да и то отрывочно взятый и къ данному вопросу не относящійся, библейскій текстъ!.. Вы говорите, что идеалъ Христа „*превыше* всякой цивилизаціи и прогресса“, но превосходная степень: „превыше“ здѣсь неумѣстна, ибо идеалъ Христа и „современная цивилизація и прогрессъ“ двѣ величины не сравнимыя, а діаметрально-противоположныя: первая влечетъ человѣка въ міръ горній, отъ земли, а вторая приковываетъ его къ землѣ! .

Не стану останавливаться на вашемъ утвержденіи, что схизматики и еретики Франціи, Англіи, Германіи, Австріи смѣлѣе и справедливѣе относятся къ инославнымъ христіанамъ, нежели православіе, потому что утвержденіе это ско-

---

[1]) Интересно, какъ та же „либеральная пресса“ нынѣ нѣтъ—нѣтъ, да и выскажется, что обвинять православное духовенство въ „клерикализмѣ“ смѣшно!..

[2]) Лишь г. Дорошевичу почему-то захотѣлось превратить этотъ походъ „*либеральной*“-же прессы противъ духовенства и „церковщины“ въ балаганный фарсъ („Россія“ за 18-е окт.)! Видно, нечѣмъ стало потѣшать публику ну, а бумага, особенно газетная, все стерпитъ!..

рѣе наивно. чѣмъ серьезно, ибо обосновано лишь на томъ, что заграницей издаются два православныхъ журнала, да выпущена лѣтъ 35 тому назадъ брошюрка: „ex oriente lux“!.. Нѣтъ. для подобныхъ утвержденій мало процитировать только IV т. Аксакова, да и въ послѣднемъ найдете много данныхъ противъ себя!..

„У насъ увѣряютъ, говорите вы, что есть свобода вѣрованія, только нѣтъ свободы исповѣданія“. Между тѣмъ „безъ послѣдней не можетъ быть первой. Вѣра въ сердцѣ зарождается и въ немъ обитаетъ. И „отъ избытка сердца уста глаголютъ“. Можно ли запечатать ихъ на живомъ образѣ человѣческомъ, не превративъ вѣры въ изувѣрство или не вытравивъ ея совсѣмъ изъ сердца? Думаю, —отвѣчаете вы,—что нельзя“.

Между тѣмъ въ слѣдующихъ за симъ строкахъ вы сами признаете за государствомъ право требовать отъ своихъ подданныхъ, чтобы послѣдніе отнюдь „не смѣли признаваться въ своей вѣрѣ ни ему, ни другимъ“?! Но вѣдь „признаніе“ въ вѣрѣ есть тоже, что внѣшнее проявленіе ея, или исповѣданіе: словомъ—устами, дѣломъ и пр.?!. Значитъ и вы допускаете возможность „вѣры“ и „вѣры свободной“, безъ открытаго или свободнаго исповѣданія ея!? Значитъ и по вашему „запечатаніе“ исповѣданія вѣры не есть еще превращеніе вѣры въ изувѣрство или вытравленіе ея“?!. Тогда съ кѣмъ же вы спорите и кого поучаете,если волей неволей и сами впадаете въ ту же „ошибку“, которую якобы враги Церкви „выдаютъ за прямой обманъ“?!.

Но остановимся на вашемъ заявленіи „законодательство вправѣ говорить любому подданному: «ты можешь вѣрить во что хочешь и какъ хочешь, или совсѣмъ не вѣрить, — мнѣ все равно. Только не смѣй въ этомъ признаваться ни мнѣ, ни другимъ». Но Церковь не можетъ повторять за

имъ тѣхъ же словъ. Больше: она не можетъ не сказать государству: Нѣтъ! Предоставь мнѣ, мнѣ единой на то уполномоченной, вѣдать дѣла совѣсти"...

Итакъ, значитъ, по новымъ законамъ, проектируемымъ вами, государство и Церковь двѣ совершенно отдѣльныя области, не имѣющія между собой ничего общаго и даже первое преслѣдуетъ вторую. Церковь вѣдаетъ только совѣсть человѣка и притомъ совѣсть внутреннюю, а государство — внѣшнія проявленія мысли, сердца и воли человѣка. Въ своей жизни первая руководится чисто-божескими законами, а второе - чисто человѣческими, или, такъ сказать, чисто-юридическими, не только чуждыми какого-либо вліянія религіи, до которой имъ нѣтъ никакого дѣла, но и преслѣдующими ее, какъ скоро она изъ сердца человѣка переходитъ въ область государственную, или чисто-внѣшнюю.

Ничего подобнаго не только не говорили, но и думать не могли излюбленные нами авторитеты и, въ частности, И. С. Аксаковъ. Напротивъ, въ біографическомъ очеркѣ Ф. И. Тютчева, Аксаковъ вполнѣ соглашается съ мнѣніемъ послѣдняго, что „образъ государства, совершенно отвергающаго всякое высшее освященіе, всякое отношеніе къ какому-либо *сверхчеловѣческому* нравственному началу, государства, объявлявшаго себя бездушнымъ, а если и съ душею, такъ не знающею никакой вѣры, впервые предложенъ революціей [1]). Но это притязаніе на *нейтральность* не есть дѣло серьезное и искреннее со стороны революціи. Она слишкомъ хорошо знаетъ, что, въ отношеніи къ ея противнику, такая нейтральность невозможна: „кто не со Мною, тотъ противъ Меня". Уже для того, чтобы обратиться къ христіанству съ предложеніемъ нейтральности, надобно

---

[1]). Въ данномъ случаѣ революція пыталась снова воцарить въ христіанскомъ мірѣ языческое представленіе о государствѣ.

было перестать быть христіанниомъ. Для того, чтобы такое *безразличное* отношеніе было не ложью или западней, нужно бы, чтобы государство согласилось отнять у себя всякое значеніе *нравственнаго авторитета*, низвело себя на степень простого полицейскаго учрежденія, простого матеріальнаго факта, неспособнаго по самой своей природѣ выражать какую бы то ни было нравственную идею. Но, впрочемъ, революція и не думаетъ вовсе довольствоваться для государства, ею созданнаго по своему образу и подобію, такимъ смиреннымъ положеніемъ, ни осуждать его на бездушіе. Она изгоняетъ изъ государствъ признанныя господствующія религіи только потому, что замѣняетъ ихъ своею революціею, т. е. религіею безвѣрія" (La question Romaine et la papauté— Ѳ. Тютчева). Къ этимъ словамъ Тютчева Аксаковъ, между прочимъ, добавляетъ: „христіанское *общество*, для котораго государство служитъ внѣшнимъ покровомъ, средствомъ и формою общежитія, не можетъ допустить со стороны этой формы такого отношенія къ высшимъ нравственнымъ цѣлямъ своего общественнаго существованія, которое не хотѣло-бы съ ними считаться; не можетъ въ своемъ общественномъ организмѣ, облеченномъ въ государственную форму, признать другой души, другого *нравственнаго* идеала, кромѣ той души и того идеала, которые оно само влагаетъ, не можетъ дозволить, что бы эта форма, это государство творило бы само себя кумиромъ [1]). Начало государственное должно *въ общественномъ сознаніи* состоять въ отношеніи нравственнаго подчиненія къ духовному, высшему для человѣка началу"... Въ приведенныхъ словахъ И. С. Аксакова нельзя видѣть смѣшенія „Божескаго" или церковнаго съ „мірскимъ", или государствен-

[1]) Какъ то было въ языческомъ мірѣ.

нымъ. Необходимо помнить, что Аксаковъ признаетъ какъ бы двѣ Церкви, или, точнѣе, двѣ стороны одной и той Церкви: во 1-хъ, Церковь внѣшнюю, или историческую, взятую и понимаемую со стороны обращенной къ исторіи человѣческой и, во 2-хъ, Церковь внутреннюю, *не опознаваемую внѣшними признаками*, но пребывающую въ церкви исторической и самому о себѣ, какъ истина, свидѣтельствующую, вѣчную Церковь Христову, сохраняющую для міра, для всѣхъ вѣковъ и народовъ и возносящую *имъ имъ* идеалъ христіанскій во всей его чистотѣ и неумолимой строгости. Послѣдняя-то Церковь и стоитъ внѣ дѣйствительной жизни; но Церковь историческая никогда не стояла внѣ дѣйствительной жизни. Съ воцареніемъ христіанъ на тронѣ кесарей ей потребовалось установить modus vivendi съ государствомъ, а „это такая задача, которую даже теоретически разрѣшить *не могло* человѣчество и до сихъ поръ". И. С. Аксаковъ согласенъ съ мнѣніемъ о. Иванцова-Платонова, что „Церковь въ государствѣ есть *самостоятельный духовный* организмъ", но также согласенъ съ о. Ив.-Платоновымъ и въ томъ, что „изъ этого не слѣдуетъ, чтобы между государствомъ и Церковью не было никакой связи, никакого взаимообщенія, какъ то пытаются установить на Западѣ". . „*Фактически никакъ нельзя* провести рѣшительнаго разобщенія между Церковью и государствомъ, когда Церковь и государство имѣютъ своими членами *однихъ и тѣхъ же живыхъ людей*. Напротивъ, *желательно*, чтобы между Церковью и государствомъ существовало возможно близкое взаимообщеніе, чтобы Церковь и государство помогали другъ другу въ осуществленіи задачъ и въ достиженіи цѣлей того и другого". „Русское государство, говоритъ тотъ же Аксаковъ, лучшими сторонами своего бытія, своимъ *внутреннимъ* единствомъ, цѣлостью и крѣпостью *духовной*

обязано именно Церковь и іерархи православные были въ то же время и главными зиждителями нашего *государственнаго* строя и величія, но имъ противно было *политическое* властолюбіе". И такой порядокъ И. С. Аксаковъ не только не осуждаетъ, но, напротивъ, считаетъ его согласнымъ съ духомъ Церкви Христовой и залогомъ дальнѣйшаго преуспѣянія Россіи. „Наши цивилизованные „націоналы",—говоритъ онъ, стыдятся эпитета „Русь *святая*" и всячески „стараются доказать, что этого эпитета не существуетъ!!!" Но вотъ что пишетъ германскій профессоръ Овербекъ: „упрекъ, дѣлаемый Россіи въ томъ, что у русскихъ *народность* и *церковь* сливаются вмѣстѣ—утвержденіе довольно правильное; но это вовсе не можетъ быть поставлено ей въ упрекъ, а въ *преимущество*. Что именно безотрадно для насъ, бѣдныхъ германцевъ, это то, что наше народное чувство пристегнуто къ какому-то отвлеченному, безжизненному понятію: „Германія". И этотъ конгломератъ раздѣльныхъ частей еще *раздвоенъ сердцемъ—въ религіи*! Первое условіе для единства Германіи—есть *единство вѣры*... Мы охотно готовы допустить, что въ Россіи много недостатковъ, что она нуждается еще во многихъ преобразованіяхъ,—но она—*съ религіей тѣсно связанное государство* и это ея *превосходство*. Государство чтитъ религію, религія чтитъ государство и *ихъ интересы взаимно сливаются*. Франція обладаетъ сильнымъ чувствомъ національности. Но она зиждется на на религіи, а на gloire (славѣ!). Англія обладаетъ сильнымъ чувствомъ національности, но и она зиждется *не на религіи*, а на *идеѣ свободы*! Россія же зиждется на вѣрѣ,—оттого и великою будетъ ея будущность"... „И это говоритъ, —добавляетъ И. С. Аксаковъ,—нѣмецъ, профессоръ, протестантъ и напечатано это по-нѣмецки, въ Галлэ! Не то-ли же это самое, что высказывается во всѣхъ сочиненіяхъ Хомякова,

К. Аксакова. Кирѣевскаго, какъ голосъ народнаго самосознанія и что подавало и еще подаетъ такой обильный поводъ къ глумленію въ нашей цивилизованной публикѣ?“ Эта связь Церкви съ государствомъ въ Россіи настолько велика, что „православная вѣра въ ней есть *общественное* и *бытовое начало* и проникаетъ собою *историческое* бытіе русскаго народа; безъ разумѣнія духовно-историческаго элемента Россіи невозможно ясное разумѣніе самой Россіи и ея, повидимому, чисто внѣшнихъ, даже политическихъ обстоятельствъ“. Такимъ образомъ И. С. Аксаковъ, вмѣстѣ съ другими славянофилами, *ратуетъ* за *тѣсную связь* Церкви съ государствомъ, безъ нарушенія самостоятельности той и другого, и видитъ въ этомъ залогъ будущаго процвѣтанія Россіи и русской Церкви. При такомъ взаимоотношеніи Церкви и государства между послѣднимъ и его подданными существуетъ единеніе не только внѣшнее, чисто-юридическое, такъ сказать, „за страхъ“, каково единеніе государства съ иновѣрными подданными, но и внутреннее духовное—„за совѣсть“! И, думается, нѣтъ необходимости доказывать важность и преимущества именно послѣдняго единенія и его полное согласіе съ ученіемъ Христа. Не то-ли же самое говорилъ и почившій В. С. Соловьевъ: „чтобы возродить все человѣчество христіанство должно проникнуть не только его личныя, но и *общественныя* стихіи. Богочеловѣческая связь должна быть возстановлена не только индивидуально, но и *собирательно*. Какъ божественная стихія имѣетъ свое собирательное выраженіе въ Церкви, такъ чисто-человѣческая стихія имѣетъ подобное же выраженіе въ государствѣ и, слѣдовательно, богочеловѣческая связь выражается собирательно *въ свободномъ сочетаніи* Церкви и государства, причемъ это послѣднее является уже какъ *христіанское государство*“ [1]).

(1) См. „Духовныя основы жизни“, изд. 3-е, 158—159.

Ну, а какъ же г. Стаховичъ назоветъ то государство, которое его же словами скажетъ своимъ подданнымъ: „ты можешь вѣрить во что хочешь и какъ хочешь, или совсѣмъ не вѣрить, мнѣ все равно. Только не смѣй въ этомъ признаваться ни мнѣ, ни другимъ?!“ Я думаю, что отнюдь не „христіанскимъ“ и даже вообще не „вѣрующимъ“, а „безвѣрнымъ“, и трудно понять, какимъ образомъ г. Стаховичъ въ своихъ сужденіяхъ опирался на авторитеты славянофиловъ и В. С. Соловьева!... Невольно приходитъ на память г. Григорій Градовскій въ связи съ славянофильской статьей, напечатанной въ № 57 „Руси“ за 1881 г.!

Но если государство г. Стаховича не „*христіанское*“, то какое же? Отвѣтъ найдемъ въ словахъ того же Н. С. Аксакова: „извѣстно, пишетъ онъ, что по новѣйшимъ западнымъ теоріямъ [1]), затверженнымъ и повторяемымъ слово въ слово и нашими антиподами западнаго либерализма, „религія есть только личное, субъективное чувство“, до котораго не только государству, но и обществу никакого нѣтъ дѣла, такъ какъ государство по существу своему безвѣрно, а общество-де, какъ общество, не должно имѣть никакого вѣроисповѣданія: религіозные интересы касаются лишь отдѣльныхъ лицъ, которыя, пожалуй, могутъ, ради ихъ слагаться въ нѣкоторыя группы,—но все

(1) Замѣчательно, что и всѣ защитники г. Стаховича въ прессѣ указывали именно *на Западъ*, на его цивилизацію, прогрессъ и пр., какъ на достойный подражанія примѣръ. Такъ высказались „Русскія Вѣдомости“ (№ 289), „Петерб. Вѣд.“ и другія; за исключеніемъ вѣроятно, статьи П. Дурново: „О свободѣ совѣсти“ („Пет. Вѣд.“ № 287), въ которой послѣдній сдѣлалъ очень важное и для нелюбимыхъ имъ миссіонеровъ ограниченіе „свободы совѣсти“ – именно „свободы пропаганды“... Такія указанія прессы, пожалуй, и неумѣстны, потому что г. Стаховичъ въ докладѣ отказался отъ цивилизаціи и пр.?!!

же эти интересы принадлежатъ къ категоріи частныхъ, а не государственныхъ, и не общественныхъ интересовъ". . Не то же ли самое говоритъ г. Стаховичъ? Да, отвѣчаемъ, тоже и даже еще строже: западныя теоріи допускаютъ („пожалуй могутъ"...), а онъ говоритъ: ..*не смѣй* признаваться"!... Къ чему же играть въ прятки и растачать фальшивую словоспость: на словахъ кричать: ..до цивилизаціи и прогресса (разумѣю *западныхъ*) намъ дѣла нѣтъ, а въ сущности доводить требованія этого „прогресса" до логическаго конца! Или это также въ духѣ западной „свободы совѣсти"? Не лучше ли говорить прямо, чего хотите? Вотъ г. П Дуриово откровенно сознается, что ненавидитъ онъ духовенство за то, что государство якобы стремится смѣнить упавшее дворянство духовенствомъ и, отнявъ у дворянства власть надъ крестьянами, отдало послѣднихъ якобы въ матеріальную кабалу духовенству?!.. При такой откровенности ясны и вылазки г. Новикова противъ церковныхъ школъ [1]), да и вообще противъ Русской Церкви!...

Но продолжимъ логическій выводъ изъ теоріи „государства", предлагаемой г. Стаховичемъ. На столь любимомъ имъ Западѣ „государство, по словамъ Аксакова же, далеко *не безвредно*. Какъ ни бьется оно, — все же оно не въ силахъ вполнѣ освободить себя отъ стихіи религіозной, хотя бы въ *отрицательномъ* смыслѣ. Оно—вѣроисповѣдное государство, но исповѣдуетъ вѣру *въ атеизмъ*, но творитъ себѣ кумиромъ *себя самого и себѣ* поклоняется. Въ языческомъ мірѣ не существовало, *вить государства*, высшаго идеала общежитія; государство было для него выраженіемъ высшей истины. Само въ себѣ имѣющее цѣль, само для себя существующее, само олицетворенное божество, такое

(1) Въ послѣднихъ №№ „Россіи".

государство (каковымъ былъ Римъ) стало уже немыслимо въ мірѣ христіанскомъ. Христіанство, открывъ человѣку и человѣчеству высшее призваніе *внѣ* государства и высшій идеалъ вселенскаго единства въ Церкви, отвело государству настоящее, подобающее ему мѣсто, ограничило его значеніе значеніемъ „царства отъ міра", указало предѣлъ «Кесарю», однимъ словомъ, поставило надъ кесаремъ Бога и провозгласило то высшее, божественное начало, которому подчинена личная совѣсть и правящихъ и управляемыхъ, а слѣдовательно *подчинено нравственно и государство* и всякій иной видъ человѣческаго общежитія. Въ наши дни, именно на Западѣ, мы видимъ попытку „Кесаря" (этотъ образъ лишь олицетвореніе идеи государства) раздвинуть предѣлы того, что ему отведено и захватить то, что принадлежитъ „Богови". Онъ не мирится съ мыслью, что надъ нимъ есть Богъ-Царь Царствующихъ; онъ не терпитъ надъ собою никакого высшаго начала и стремится поэтому вытѣснить Бога, Церковь, а съ ними и душу и совѣсть, замѣнить ихъ исключительно «правовымъ порядкомъ» [2])... внести правовое, юридическое, государственное начало повсюду".

Такое же государство въ его отношеніи къ Церкви рекомендуетъ намъ и г. Стаховичъ, волей или неволей подражая и другимъ «нашимъ легкомысленнымъ либераламъ». Послѣдніе очень часто и не отдаютъ себѣ полнаго отчета

---

[2]) Такой *чисто-юридической* точки зрѣнія при рѣшеніи вопроса о «свободѣ совѣсти» и взаимномъ отношеніи между Церковью и государствомъ держался, между прочимъ, и „Вѣстникъ Европы", когда, по поводу возникшихъ о семъ въ 1876 г. въ „Обществѣ любителей духовн. просвѣщенія" въ СПБ. преній, высказался: „развѣ можно рѣшать подобные вопросы, ссылаясь на апостольскія посланія?!". Очевидно, болѣе тонкіе господа считаютъ еще пока невозможнымъ игнорировать эти „посланія", но зато безцеремонно извращаютъ ихъ!

въ значеніи этого явленія на Западѣ. Имъ кажется даже, что почва у насъ для такой проповѣди вполнѣ благопріятная!.. И вспоминаются здѣсь слова въ Бозѣ почившаго В. С. Соловьева: «народъ самъ по себѣ всегда относился правильно и къ Церкви и къ государству и къ другимъ классамъ; онъ всегда исполнялъ свое назначеніе, воздѣлывалъ землю для общей пользы, сохраняя вполнѣ свою солидарность съ высшими религіозными и гражданскими интересами, а лучшіе люди—общественные дѣятели и вожди народа, показатели пути - вмѣсто того, чтобы быть свободными служителями государства и Церкви, слишкомъ часто хотѣли быть господами во всемъ и надъ всѣмъ»!..

Но пойдемъ далѣе. «Меня спросятъ, говоритъ ораторъ: что же вы хотите? Разрѣшенія не только безнаказаннаго отпаденія отъ православія, но и права безнаказаннаго исповѣданія своей вѣры, т.-е. совращенія другихъ»? [1]) И я (т.-е. ораторъ) отвѣчу: *„да. Только это называется свободою совѣсти“* [2]).

[1]) Мы ни въ какомъ случаѣ не можемъ согласиться съ ораторомъ и, по его примѣру, отожествить *„исповѣданіе“* вѣры съ *„совращеніемъ“* въ нее другихъ! Въ этомъ отношеніи кроется глубокая ошибка, дающая самый сильный поводъ къ несправедливымъ нареканіямъ на правосл. Церковь. И что всего удивительнѣе, когда г.г. обвинители стараются усилить впечатлѣніе отъ своихъ филиппикъ, то они, какъ бы нарочно, сливаютъ оба понятія, и доказательства приводятъ въ пользу именно *„исповѣданія“*, а не *„совращенія“*, такъ какъ первое несравненно легче доказать имъ, а второе какъ-то не вмѣщается *имъ* въ сердцемъ!.. На самомъ же дѣлѣ *„исповѣданіе“* вѣры не только не есть *„совращеніе“* въ нее *другихъ*, но и существуетъ вполнѣ самостоятельно и есть не актъ направленный на другихъ, а *личное* общеніе человѣка съ Богомъ. Напр., у насъ магометане и евреи пользуются свободой „исповѣданія“ но не „совращенія“, что недопустимо при тожествѣ этихъ понятій!

[2]) Нѣсколько далѣе ораторъ, исходя изъ такого понятія „свободы совѣсти“, предлагаетъ Орлов. миссіонер. съѣзду присоединиться къ его мнѣнію и „возбудить приличнымъ порядкомъ ходатайство объ отмѣнѣ всякой уголовной кары за отпаденіе отъ православія и за принятіе и исповѣданіе иной вѣры“, а слѣдовательно и за „совращеніе“ изъ православія въ иныя вѣры!..

Какъ, однако, г. Стаховичъ почти на каждомъ шагу противорѣчитъ себѣ?!.. Только что онъ говорилъ, что государству нѣтъ никакого дѣла до внутренней вѣры своихъ подданныхъ и что послѣдніе даже „не смѣютъ признаваться въ своей вѣрѣ ни государству, ни другимъ", а теперь требуетъ отъ того же государства: во 1-хъ, *разрѣшенія* всѣмъ подданнымъ безнаказанно *исповѣдывать* свою вѣру; во 2-хъ, безнаказанно „*совращать*" *другихъ*, не исключая и тѣхъ, кои объединены съ своимъ государствомъ внутренне, духовно—т. е. одной вѣрой и, въ 3-хъ, безнаказанно *переходить* изъ одной вѣры въ другую, не исключая и перехода изъ православія въ иныя вѣры!.. Но опустимъ эти частности, хотя и немаловажныя. Въ общемъ, государство г. Стаховича сохраняетъ свой прежній типъ: это—государство *нейтральное*, т. е. *одинаково*, или *безразлично* относящееся къ вѣрѣ своихъ подданныхъ. Мы уже говорили, что такой типъ стараются принять, хотя и безуспѣшно, западно-европейскія государства и указывали послѣдствія такихъ стремленій. Теперь же добавимъ, что тамъ—на Западѣ—такія стремленія вытекаютъ изъ *чисто юридическаго* взгляда на государство, какъ на институтъ исключительно внѣшне-правовой, который въ своемъ законодательствѣ преслѣдуетъ правду только формальную—чисто человѣческую, чуждую какихъ-либо религіозныхъ элементовъ. Но такъ какъ ни одинъ юридическій вопросъ, или отношеніе нельзя себѣ представить безъ лежащихъ въ его основѣ *нравственныхъ* элементовъ, то и государство, будучи юридическимъ институтомъ, въ то же время есть и *нравственный* институтъ. А если далѣе такое государство чуждо религіи, то и нравственность его опирается не на религіи, а на основаніяхъ чисто натуралистическихъ, каковой и является нравствен-

ность, предлагаемая „либералами“ и г. Стаховичемъ! [1]) Но можно-ли рекомендовать *христіанскому* государству обосновывать свои отношенія къ подданнымъ на требованіяхъ натуралистической нравственности? Да и можно-ли требовать отъ подданныхъ—христіанъ подчиненія такой нравственности? Отвѣтъ на это можно найти въ уже приведенныхъ нами словахъ И. С. Аксакова, по которымъ не государство, а „христіанское *общество*, для котораго государство служитъ внѣшнимъ покровомъ, средствомъ и формою общежитія“, вправѣ требовать отъ своего государства признанія именно *его* души, *его* нравственнаго идеала, а не другого»... „Христіанство,—говоритъ В. С. Соловьевъ,—прійдя въ міръ, чтобы спасти міръ, спасло и высшее проявленіе міра—государство, открывъ ему истинную цѣль и смыслъ его существованія это добровольное служеніе высшей цѣли—т. е. царству Божію. Оно призываетъ государство къ борьбѣ съ злыми силами міра *подъ знаменемъ Церкви* и требуетъ, чтобы оно проводило въ *политическую* и *международную жизнь* нравственныя начала, постепенно поднимало мірское общество до высоты церковнаго идеала, пересоздавало его по образу и подобію Церкви Христовой. Представитель власти въ христіанскомъ государствѣ не есть только обладатель *всѣхъ правъ*, какъ языческій Кесарь, - онъ, главнымъ образомъ, есть носитель всѣхъ обязанностей христіанскаго общества по отношенію къ Церкви, т. е. къ дѣлу Божію на землѣ. А

[1]) Практическій выводъ отсюда, столь желаемый «нашими либералами» --изгнаніе, по принципу ихъ „свободы совѣсти“, закона Божія изъ народной казенной школы, а, слѣдовательно, и отнятіе такой школы изъ рукъ духовенства... Завѣты Писарева хранятся крѣпко!.. Посему мы и видимъ, какъ разныя партіи идутъ *разными* путями къ общей цѣли, пока *общій врагъ* не сбитъ; ну, а послѣ будетъ борьба, уже между ними...

Церковь должна освящать и *чрезъ посредство христіанскаго государства* преобразовывать всю *естественную, земную* жизнь *народа и общества*». Если же *христіанское* государство немыслимо безъ *христіанскихъ*—нравственнаго элемента, проникающаго его законы, то само собой понятно, что оно не можетъ быть «*безразличнымъ*» и къ источнику христіанской нравственности - христіанской вѣрѣ и къ хранительницѣ вѣры - св. православной Церкви. Напротивъ, эта Церковь должна пользоваться *полною свободой* въ своей дѣятельности и самымъ широкимъ покровительствомъ православнаго государства и вправѣ требовать отъ послѣдняго, чтобы ея интересы отнюдь не были чуждыми и посторонними для него. Отсюда уже ясно, какъ *христіанское* государство должно относиться къ тѣмъ, которые всячески стараются „*совратить*“ въ иныя вѣры его подданныхъ, объединенныхъ съ нимъ одною вѣрою и тѣмъ причинить ущербъ ему [1]), Церкви и даже совращаемому, ясно и то, какъ то же государство должно относиться и къ тѣмъ, кои *лицемѣрно* и къ тѣмъ, кои *искренно* пребываютъ въ *духовномъ* общеніи съ нимъ—отрицаться *такого* общенія съ первыми и укрѣплять его съ послѣднимъ, ясно, наконецъ и то, какъ *христіанское* государство должно относиться и къ тѣмъ своимъ подданнымъ, которые *исповѣдываютъ* иныя вѣры—предоставить имъ *свободу исповѣданія*, но безъ всякаго ущерба своимъ христіанскимъ и государственнымъ интересамъ и безъ всякаго содѣйствія ихъ собственно религіознымъ нуждамъ, какъ, напр., содержаніе на государственный счетъ католическаго высшаго и низшаго и протестантскаго высшаго

---

[1]) Нужно разумѣть здѣсь вредъ двойной: во 1-хъ, вредъ чистодуховный, или общій съ Церковью, и во 2-хъ, вредъ собственно государственный, когда, за прекращеніемъ духовной связи съ государствомъ, ослабляется связь подданныхъ съ нимъ.

духовенства, служителей Магомета, еврейскихъ раввиновъ и проч...

Но пойдемъ далѣе. „Только при разрѣшеніи безнаказаннаго отпаденія и безнаказаннаго совращенія другихъ", не исключая и православныхъ, можетъ „жить и дѣйствовать, спасать и спасаться, вѣра истинная и неистинная, обращаемая и обращающая" — говоритъ г. докладчикъ.

Какимъ образомъ можетъ спасать и спасаться вѣра „*неистинная*", въ чемъ тогда отличіе вѣры истинной отъ неистинной, въ чемъ самое спасеніе и, наконецъ, нужна-ли тогда и самая вѣра?!! — вотъ вопросы невольно и и строголически вытекающіе изъ приведенныхъ словъ оратора! . Мы знаемъ, что „нѣтъ-бо иного имене подъ небесемъ, даннаго въ человѣцѣхъ, о немъ-же подобаетъ спастися намъ", кромѣ имени Іисуса Христа и что „спасенъ будетъ" лишь тотъ, кто „вѣру имѣетъ въ Него и крестися" —такъ учитъ насъ Слово Божіе!.... Знаемъ и то, что не такъ учитъ „современный прогрессъ" или „либерализмъ". Послѣдній не допускаетъ въ государствѣ какой-либо *господствующей* религіи и вытекающей изъ нея нравственности, потому что считаетъ совершенно излишнимъ для государства сохраненіе тѣхъ воззрѣній, чувствъ и нравовъ, которые образовались и поддерживаются въ его подданныхъ этою религіею. Онъ не признаетъ эти воззрѣнія *истинными* и эти нравы *добрыми*. А такъ какъ онъ далѣе требуетъ отъ того-же государства *одинаковаго* отношенія ко *всѣмъ* религіямъ, то, слѣдовательно, и всѣ религіи онъ не признаетъ истинными. Всякая религіозная вѣра, съ точки зрѣнія „либерализма", есть суевѣріе, обманъ, заблужденіе и потому нужно стремиться къ тому, чтобы всякая религія утратила, наконецъ, свою власть и господство надъ умами Лично-же для „либерализма" нѣтъ никакой вѣры, а, слѣдовательно, нѣтъ и спасенія въ религіозномъ смыслѣ!

Такимъ образомъ мы видимъ, что г. оратеръ остался вѣренъ все тому-же „либерализму" и во взглядѣ на отношеніе Церкви къ государству и во взглядѣ на религію. Казалось-бы, что если „вѣра *истинная* можетъ жить и дѣйствовать" лишь при „разрѣшеніи ей *совращенія* другихъ", то ревнителю „вѣры истинной" остается логически признать необходимость *запрещенія* такого „совращенія" Но не такъ разсуждаютъ „*либеральные*" ревнители „вѣры истинной" и ссылаются, въ свое оправданіе на „*либеральный*" принципъ „свободы совѣсти", и съ той-же цѣлью отожествляютъ: „исповѣдываніе" вѣры съ „совращеніемъ" въ нее другихъ!.. Sapienti sat!..

Далѣе, г. Стаховичъ предлагаетъ уголовному закону „карать преступки", совершенные по мотивамъ „вѣроисповѣднымъ" или религіознымъ, не обращая вниманія на религіозную психику преступника!.. Но вѣдь это было-бы равносильно возврату ко временамъ варварства, когда внутреннія мотивы преступленія не были извѣстны языческому міру и законъ каралъ лишь голый фактъ преступленія!.. Не въ томъ-ли достоинство христіанской юриспруденціи, что послѣдняя, при оцѣнкѣ преступленія, открыла новый источникъ его, цѣлый міръ—міръ внутренняго человѣка?!. Не объ этомъ-ли мірѣ чувствъ, мірѣ сердца, мірѣ вѣрованій говорятъ лучшіе юристы на судахъ, когда предъ лицомъ судей стоитъ загадочный преступникъ?!. Развѣ справедливо будетъ, когда уголовный законъ станетъ равно наказывать и того, кто оскорбилъ другого по чувству мести, и того. кто сдѣлалъ тоже, но по чувству религіознаго фанатизма?!. Прочтите г. Стаховичъ внимательнѣй В. С. Соловьева и вы увидите, что его замогильный голосъ вопитъ о томъ-же!..

Вамъ не нравится ст. 1006-я XVI-го т.: вы видите въ ней „коварство" гражданской власти по отношенію къ ду-

ховной и съ цѣлью оправдать себя привели лишь *отрывокъ* изъ этой статьи! А на самомъ дѣлѣ здѣсь не „коварство“ и не „власти суетной земной“, а искреннее братство и власти Божьей и Руси святой!.. Изъ *полнаго* текста означенной статьи усматривается, что „*преслѣдовать* за сектаторство“, равно и *производить предварительное уголовное слѣдствіе* по этимъ дѣламъ и должно одно только *судебное вѣдомство*. Если-же „*начатіе*“ слѣдствія судебнымъ вѣдомствомъ зависитъ отъ требованія духовнаго начальства, то это потому, что „не можетъ быть рѣчи о *начатіи* уголовнаго слѣдствія, когда даже приблизительно не рѣшенъ вопросъ, преступно ли самое событіе, о которомъ идетъ рѣчь“, т. е., есть-ли въ извѣстномъ случаѣ сектантство“. Отсюда, духовное начальство является здѣсь лишь *экспертомъ*, къ содѣйствію котораго прибѣгаетъ гражданская власть, и отнюдь не считаетъ себя въ положеніи „коварно“ обманутой послѣдней, тѣмъ болѣе что и „кары по дѣламъ вѣры“ налагаетъ не она, а судебное вѣдомство и по своему усмотрѣнію! Такой *экспертный* характеръ права, предоставленнаго духовному начальству 1006 ст., подтверждается и слѣдующей 1007 ст., по которой и „*начатіе*“, предварительнаго уголовнаго слѣдствія по указаннымъ въ 1006 ст. дѣламъ, по носящимъ въ себѣ *явные слѣды преступленія*, какъ, напр., скопчество, зависитъ отъ судебнаго вѣдомства.

Я не буду останавливаться на разборѣ непростительно извращенныхъ въ докладѣ г. Стаховича словъ о. Переверзева и выдержекъ изъ „Миссіонерской Памятки“. То, что было въ 80-мъ году, г. Стаховичъ приписалъ современному миссіонерству и притомъ тамъ, гдѣ о миссіонерахъ не было еще и слуху, да и фактъ самый исказилъ!... Далѣе § 18 изъ „Миссіонерской Памятки“ имѣлъ цѣлью *устранить* священниковъ отъ сношеній съ полицейскими

властями по судебнымъ дѣламъ противъ раскольниковъ и поставить ихъ въ непосредственное сношеніе по симъ дѣламъ съ епархіальнымъ начальствомъ, почему въ томъ-же §-фѣ и постановлено курсивомъ „*только чрезъ епархіальное начальство*“,—а г. Стаховичъ намѣренно перенесъ центръ тяжести на другія слова и получилось у него, что „Миссіонерская Памятка“ „предписываетъ *возбуждать* судебныя дѣла противъ раскольниковъ“?!! По Sapienti sat!..

Глава V-я

„Къ *свободѣ* призваны вы, братія, только-бы „свобода ваша не была поводомъ къ *угожденію* „плоти... Стойте въ свободѣ, которую даровалъ „намъ *Христосъ*“... (Галат. 5, 1,13).

Когда люди хотятъ о чемъ-либо разсуждать, то они прежде всего начинаютъ спорить и каждый старается увѣрить другого; что именно его „я“—родникъ истины, а „я“ другого- лишь мутная водица!... Всматриваешься пристальнѣй въ эти споры и недоумѣваешь: изъ-за чего собственно люди спорятъ?!.. Вѣдь всѣ они правы--каждый *съ своей точки зрѣнія* и мутная водица имѣетъ *свое* оправданіе въ мутномъ источникѣ!.. И невольно приходишь къ мысли: не лучше-ли прежде всякихъ споровъ о самомъ предметѣ выяснить ту точку зрѣнія, съ которой намѣреваются обсуждать спорный вопросъ? Я не допускаю разсужденій „вообще“, т. е. ни съ какой точки зрѣнія!.. Мнѣ думается, когда съ надлежащею полнотою и ясностью будутъ установлены точки зрѣнія разныхъ лицъ на извѣстный вопросъ, тогда не только значительно облегчится ходъ самыхъ преній, не только не будутъ встрѣчаться въ диспутахъ непонятныя, тяжелыя недоразумѣнія, не только не будетъ предлагаться въ пихъ камень просящимъ хлѣба, но въ большинствѣ случаевъ предрѣшится и самая необхо-

димость, или излишество диспутовъ тамъ, гдѣ спорящія стороны намѣрены обсуждать поставленный вопросъ съ совершенно противоположныхъ и одна другую исключающихъ точекъ зрѣнія.

Еслибы приведенное нами предварительное и основное правило для всякихъ разсужденій было соблюдено нашей прессой при обсужденіи вопроса о „свободѣ совѣсти", то мы убѣждены, что она потратила-бы на это *время* и втрое меньшее и съ несравненно большей пользой!.. Тогда, по крайней мѣрѣ, сразу стало-бы яснымъ, что извѣстные органы прессы никогда не прійдутъ къ соглашенію по вопросу о „свободѣ совѣсти", такъ какъ обсуждаютъ его съ противоположныхъ и одна другую исключающихъ точекъ зрѣнія. Такъ, напримѣръ: въ то время какъ „либеральная" пресса („Вѣст. Евр.", „Русск. Мыс.", „Петерб. Вѣд." etc ..) обсуждала вопросъ о „свободѣ совѣсти" съ точки зрѣнія символа современной культуры, цивилизаціи, прогресса и прочихъ „стихій міра" и, вопрошая: „развѣ можно рѣшать подобные вопросы, ссылаясь на апостольскія посланія" („Вѣстн. Евр. 1876 г.)?—требовала, что бы само христіанство, на ряду съ другими „политическими учрежденіями" (?!.), прилаживалось и жило въ мирѣ съ „мудростью міра сего",—другая часть прессы, извѣстная подъ именемъ „консервативной", обсуждала тотъ-же вопросъ съ точки зрѣнія ученія Христа и символа Его св. Церкви и въ свою очередь требовала, чтобы „господствующія въ мірѣ явленія" или „духъ времени" не только „прилаживался", но и всецѣло подчинился вѣчной и неизмѣнной истинѣ—Христу! Очевидно, что въ данномъ случаѣ соглашенія не могло произойти и еслибы наша пресса вмѣсто того, чтобы въ теченіе двухъ мѣсяцевъ бряцать по-пустому оружіемъ изъ искусно-сплетаемыхъ словъ, сразу и неприкровенно выяснила *свою* точку зрѣ-

нія на спорный вопросъ, то и самый вопросъ исчерпанъ былъ-бы несравненно скорѣе и яснѣе, а слѣдовательно и пренія вышли-бы кратче и плодотворнѣй!..

Съ своей стороны я намѣренъ обсудить вопросъ о „свободѣ совѣсти“ исключительно съ *христіанской точки зрѣнія*, такъ какъ считаю для себя нравственной обязанностью стоять только въ той свободѣ, которую даровалъ міру Христосъ!

„Сколько въ мірѣ различныхъ словъ и ни одного изъ нихъ нѣтъ безъ значенія. Но если я не разумѣю значенія словъ, то я для говорящаго чужестранецъ и говорящій для меня чужестранецъ“ —предъ нами два слова: „свобода“ и „совѣсть“, посему постараемся выяснить значеніе каждаго изъ нихъ и тогда мы поймемъ ихъ совокупный смыслъ.

Впервые вѣсть о „*свободѣ*“ раздалась изъ устъ Христа предъ увѣровавшими въ Него Іудеями: „если, говорилъ имъ Христосъ, пребудете въ словѣ Моемъ, то вы истинно Мои ученики, и познаете истину, и истина сдѣлаетъ васъ свободными“ (Ев. Іоан. 8, 31—72)... О какой свободѣ говорилъ Христосъ? О той-ли, которой ждали современные Ему „рабы отъ своихъ господъ по плоти“ (Ефес. 6, 5—6) и которой попраніе вырывало изъ устъ несчастныхъ жертвъ римскаго изувѣрства привѣтственный кликъ: „caesar, morituri te salutant“?!. Нѣтъ! На слова іудеевъ, понявшихъ „свободу“ въ духѣ своего времени и потому вопросившихъ Христа: „мы—сѣмя Авраамово и не были рабами ни кому никогда; какъ-же Ты говоришь: сдѣлаетесь свободными?“.. — Іисусъ отвѣчалъ: „знаю, что вы—сѣмя Авраамово“, что по плотскому своему рожденію вы—дѣти свободной (Сарры), а не рабы (Агари); и все-же вы не свободные, а рабы, ибо: „истинно, истинно говорю вамъ: всякій, дѣлающій грѣхъ, есть *рабъ* грѣха“ и только

„если Сынъ освободитъ васъ, то *истинно* свободны будете (Іоан. 8 гл.)!.. Такимъ образомъ, истинная, *христіанская свобода* человѣка состоитъ въ выходѣ его изъ „рабства грѣху и смерти“ и даруется она лишь познавшимъ истину и соблюдающимъ слово Христа. Эту свободу, эту побѣду надъ грѣхомъ и смертью впервые возвѣстилъ міру Христосъ и съ той поры, какъ Онъ воскресъ, весь міръ получилъ надежду, познавъ истину, освободиться отъ рабства грѣху и тлѣнію и перейти въ царство истинной свободы и воцариться тамъ со Христомъ! Только отсюда понятно, почему Христосъ на подвигъ души Своей, на Свои земныя страданія и смерть, словомъ, на лишеніе высшихъ благъ „мірской свободы“ смотрѣлъ съ довольствомъ и будучи истязуемъ, не открывалъ устъ Своихъ для ропота (Ис. 53,7,11); почему Онъ и другихъ училъ не бояться убивающихъ тѣло и тѣмъ лишающихъ „свободы мірской“, но не могущихъ потомъ ничего болѣе сдѣлать, а бояться лишь того, кто, по убіеніи, можетъ ввергнуть въ геенну и тѣмъ лишить царства свободы истинной!..

Идея истинной, Христовой свободы красной нитью проходитъ чрезъ весь Новый Завѣтъ. Вѣрные по велѣнію Христа: „идите, научите всѣ народы“... Апостолы Христа призывали людей „вникнуть“ именно въ *этотъ* законъ свободы и пребыть *въ немъ*“, предсказывали судъ Божій надъ людьми именно по *этому* „закону свободы“ (Ап. Іаковъ)!.. „Къ свободѣ призваны вы, братія“, говорили они и въ то-же время предостерегали ихъ отъ ложной, мірской свободы: „только-бы свобода ваша не была поводомъ къ *угожденію* плоти (похоть плоти, похоть очей и гордость житейская), только-бы „вы не употребляли свободу для прикрытія зла“ (Ап. Пав. и Пет.)!.. „Стойте, братія, въ той свободѣ, писалъ св. Ап. Павелъ, которую даровалъ намъ *Христосъ*“ и „неподвергайтесь опять игу

рабства": мертвящей-ли буквы (Моисеева закона), немощныхъ-ли и бѣдныхъ вещественныхъ началъ міра (язычества), вожделѣній-ли плоти, ибо это—узы грѣха и смерти!.. Но, какъ рабы Божіи, покоряйтесь *истинѣ* и проводите жизнь по духу Христа, такъ какъ только законъ духа жизни освободилъ насъ отъ закона грѣха и смерти. Только такая свобода и есть истинная, а не призрачная—мірская или тлѣнная! Только такая свобода и доступна всѣмъ людямъ, живущимъ во Христѣ, ибо въ Немъ всѣ суть одно: „нѣтъ ни іудея, ни язычника, ни мужскаго пола, ни женскаго, ни раба, ни свободнаго"... „рабомъ-ли ты призванъ, не смущайся... ибо *рабъ*, призванный въ Господѣ, есть *свободный* Господа; равно и призванный *свободнымъ* есть *рабъ* Христовъ"... Посему всякій, кто пребываетъ во Христѣ—„новая тварь" и ищетъ онъ уже „горняго, гдѣ сидитъ Христосъ одесную Бога", и „помышляетъ онъ о горнемъ, а не о земномъ" и тамъ, въ горнемъ мірѣ наслѣдуетъ онъ полную свободу, свободу истинную—отъ рабства грѣху, смерти и тлѣнію!..—Отсюда понятно, почему Апостолы вслѣдъ за Христомъ пренебрегали всѣми земными страданіями, какъ лишеніями благъ „свободы мірской"! Гонимые, истязуемые, поруганные, огорченные за имя Христово—они радовались и благодушествовали: „сердце наше расширено... внутренній нашъ человѣкъ со дня на день обновляется"—говорили они въ такихъ случаяхъ и отнюдь не скорбѣли о томъ, что „плоть ихъ страдаетъ"..., что внѣшній ихъ человѣкъ тлѣетъ"!.. Правда и они „воздыхали", но—только о томъ, чтобы поскорѣе „выйти изъ тѣла, облечься въ небесное жилище и водвориться у Господа, гдѣ смерть поглощена побѣдою, гдѣ царство нетлѣнія и свободы истинной"!.. „Если, учили они и другихъ, дѣлая добро и помышляя о Богѣ, вы страдаете и терпите, то это угодно Богу, ибо вы къ тому

и призваны, потому что и Христосъ пострадалъ за насъ, оставивъ намъ примѣръ, дабы мы шли по стопамъ Его": но, конечно: „что за похвала, если вы терпите, когда васъ бьютъ за проступки?".. Грозно предостерегали Апостолы своихъ братій по вѣрѣ отъ лжеучителей, чрезъ которыхъ „путь истины будетъ въ поношеніи" и которые „будутъ уловлять ихъ льстивыми словами" о призрачной свободѣ: „это – безводные источники, облака и мглы, гонимыя бурею: имъ приготовленъ мракъ вѣчной тьмы. Ибо, произнося надутое пустословіе, они уловляютъ въ плотскія похоти и разратъ тѣхъ, которые едва отстали отъ находящихся въ заблужденіи. Обѣщаютъ имъ *свободу*, будучи сами рабы тлѣнія, ибо кто кѣмъ побѣжденъ, тотъ тому и рабъ. Ибо, если, избѣгши сквернъ міра чрезъ познаніе Господа и Спасителя нашего Іисуса Христа, опять запутываются въ нихъ и побѣждаются ими, то послѣднее бываетъ для таковыхъ хуже перваго. Лучше-бы имъ не познать пути правды, нежели познавши возвратиться назадъ отъ преданной имъ святой заповѣди. Но съ ними случается по вѣрной пословицѣ: песъ возвращается на свою блевотину, и: вымытая свинья *идетъ* валяться въ грязи"!.. Не то-ли же самое случается и въ наши дни съ тѣми, которые требуютъ приспособленія и даже совершенной замѣны „свободы истинной — Христовой" и „духа Христова" – „духомъ міра сего" и „свободой" ложной, призрачной, міркой, которая въ существѣ своемъ есть рабство грѣху и тлѣнію?!. Да, скажемъ, тоже и даже болѣе и коварнѣе того!..

Но перейдемъ къ раскрытію *христіанскаго* смысла и другого слова: „*Совѣсть*"!

Когда книжники и фарисеи привели ко Христу женщину, взятую въ прелюбодѣяніи, и, поставивши ее посреди сказали: „Учитель! Эта женщина взята въ прелюбодѣяніи,

а Моисей въ законѣ заповѣдалъ намъ побивать такихъ камнями! Ты что скажешь?" .—Іисусъ отвѣчалъ: „кто изъ васъ безъ грѣха, первый брось на нее камень" (Ев Ін. 8 гл.). Не счелъ Христосъ нужнымъ обратиться къ внѣшнимъ судьямъ для рѣшенія вопроса о грѣховности книжниковъ и фарисеевъ—нѣтъ!.. Онъ поставилъ своихъ совопросниковъ предъ судомъ ихъ собственнаго, внутренняго судіи и вотъ: кто изъ нихъ оказался-бы праведнымъ предъ судомъ этого Судіи, тотъ и долженъ былъ бросить на стоявшую посреди грѣшницу камень!. И чтоже? Праведные предъ внѣшними судьями, судящими лишь по наружности (Мѳ. 23, 28), ибо „кто изъ человѣкъ знаетъ, что *въ человѣкѣ*, кромѣ духа человѣческаго, живущаго въ немъ" (1 Кор. 2, 11), книжники и фарисеи оказались исполненными внутри лицемѣрія и беззаконія, когда очутились предъ судомъ своего собственнаго, внутренняго судіи и, какъ передаетъ намъ Ев. Іоаннъ: „будучи обличаемы *Совѣстью*, стали уходить одинъ за другимъ, начиная отъ старшихъ до послѣднихъ" (Ев. Ін. 8,9). такъ что не осталось у женщины обвинителей!.. Здѣсь впервые въ Новомъ Завѣтѣ выступаетъ предъ нами „*Совѣсть*" какъ самостоятельный, живущій *внутри* человѣка и незримый плотскими очами, его собственный судія, показующій ему всю его религіозно-нравственную правду и тѣмъ самымъ то оправдывающій, то обличающій, или обвиняющій его предъ закономъ. Обитая въ сердцѣ человѣка (Евр. 10,22), этотъ Судія, или совѣсть въ то-же время свидѣтельствуетъ тому же человѣку, что оцѣнка всей его жизни производится ею сообразно съ тѣмъ религіозно—нравственнымъ закономъ (т. е. сообразно съ тою идеею Верховнаго Существа и съ тѣмъ различіемъ между добромъ и зломъ), который написанъ въ самомъ сердцѣ человѣка Богомъ, отъ дня рожденія, или появленія человѣка въ мірѣ (Римл. 2,14 -15): посему этотъ

законъ и называется: „закономъ природы“ (Рим. 2,14 27) и „закономъ Божіимъ“ (Римл. 7,22; ср. Евр. 8, 10—11). Онъ доступенъ непосредственно—внутреннему созерцанію совѣсти человѣка и только ей; посему то Ап. Павелъ и указывалъ на *совѣсть* свою и „всякаго человѣка предъ Богомъ“ (т. е. у которыхъ „богъ вѣка сего не ослѣпилъ умы“), какъ на свидѣтельницу того, что онъ говоритъ истину во Христѣ, а не лжетъ; что онъ не искажаетъ слова Божія и живетъ по благодати Божіей, а не по плотской мудрости (Римл. 9,1 2 Кор. 1,12 4,2-4 5,11). Эта то совѣсть и была для язычниковъ единственнымъ, за отсутствіемъ у нихъ внѣшняго закона Божія, показателемъ всей неправды ихъ жизни (Рим. 2,10—15). Она-же съ поразительной силой свидѣтельствовала народу Еврейскому о дѣйствительномъ значеніи его внѣшняго закона, который никогда не могъ сдѣлать совершеннымъ или оправданнымъ предъ Богомъ своего исполнителя, а только указывалъ послѣднему на дѣйствительнаго искупителя міра отъ грѣховъ Христа и подготовлялъ людей къ принятію Его (Евр. 9,9 14 10,1,15 -18). Она-же, помимо внѣшняго закона Божія, ясно свидѣтельствуетъ людямъ, что „власти отъ Бога установлены“..., что они „страшны не для добрыхъ дѣлъ, но для злыхъ“..., ибо „начальникъ есть Божій слуга, тебѣ на добро“. Посему, „если дѣлаешь зло, бойся, ибо онъ не напрасно носитъ мечъ: онъ Божій слуга, отмститель въ наказаніе дѣлающему злое“ (Рим. 13,1—5)!.. Но такъ судитъ, такъ свидѣльствуетъ предъ Богомъ и людьми, такъ служитъ Богу живому и истинному лишь совѣсть „добрая, непорочная, чистая, во всемъ желающая вести себя честно“ (Дѣян. 13,1; 24,16; 1 Тим. 1,5—19; 3,9; Тим. 1,3; Евр. 9,14). При такой совѣсти и сердце чистое и искреннее и „вѣра полная и нелицемѣрная“, и „умъ неосквернень“ (Тит. 1,15; Евр. 10,22).

Но, какъ извѣстно, первобытное человѣчество не устояло въ томъ строѣ жизни, который опредѣлялся первоначальной чистотой его совѣсти и непосредственнымъ внѣшнимъ общеніемъ съ Богомъ. Отрѣшенный отъ такого общенія съ Богомъ за свою гордость, онъ поставленъ былъ въ необходимость устроять свою жизнь единственно по свидѣтельству своей совѣсти. Но павшая природа въ немъ стала постепенно заглушать голосъ его совѣсти, или „подавлять истину неправдой" и на смѣну „истины Божіей" появляется „ложь" (Рим. 1, 18.25). Подпавъ обаянію, или соблазну чувственной красоты, человѣкъ прежде всего омрачилъ сердце свое, это средоточіе въ немъ духовной жизни (Рпм. 1, 22.24); за симъ соблазномъ послѣдовалъ второй — соблазнъ ума, замѣнившаго мысль о творцѣ и религіозное служеніе Ему мыслью о твари, какъ самоисточномъ началѣ жизни и служеніемъ ей (ст. 25—27); наконецъ, ослабѣвшая воля увлекла человѣка въ область мерзкаго культа олицетворенныхъ человѣческихъ пороковъ (ст. 28—32)!.. Словомъ, появилось язычество въ его трехъ основныхъ формахъ — съ преобладаніемъ мотивовъ эстетическихъ, раціопалистическихъ и ложно-моралистическихъ. Переходя отъ соблазна къ соблазну, заражая собою и избранный Богомъ народъ, язычество, ко времени Христа, дошло до совершеннаго разложенія умственнаго и нравственнаго. Отсюда естественно, что потускнѣлъ и тотъ идеалъ жизни, о которомъ ранѣе свидѣтельствовала ему чистая совѣсть и сама совѣсть являлась уже „порочной, осквернепной, немощной и сожженной" (Евр. 10,22; Тит, 1.15, 1 Кор. 8 г.; 1 Тим. 4.2—3). Лишь немногіе — „во всякомъ народѣ боящіеся Бога" — сохранили начертанный въ ихъ сердцахъ религіозно-нравственный законъ и потому „поступали по правдѣ", оправдываемые своею совѣстью и пріятные Богу (Дѣян. 10,35). Но какъ ни старался

падшій человѣкъ „подавить истину неправдой", заглушить въ себѣ голосъ совѣсти, онъ не находилъ въ себѣ достаточно силъ для окончательной побѣды надъ этимъ своимъ внутреннимъ судьею и бунтъ совѣсти, то ослабѣвающій, то снова усиливающійся, нарушалъ его внутренній миръ и довольство. Не имѣлъ въ себѣ падшій человѣкъ достаточно силъ и для того, чтобы чуткимъ ухомъ вслушаться въ истинный, а не „сожженный" голосъ своей совѣсти и устроить свою жизнь по ея суду и свидѣтельству. Получилась „трагедія вѣры"!.. Требовалась помощь со вн. И эта помощь была послана міру Богомъ въ лицѣ Единороднаго Сына Божія — Іисуса Христа. Въ „благовѣствованіи" Посланника Божія открылась внѣшнимъ образомъ, въ видѣ Евангельскаго закона, та „правда Божія" (Рим. 1, 16—18), которая начертана была въ сердцахъ людей и о которой должна была говорить имъ ихъ „чистая совѣсть"!.. Въ то-же время Христосъ возродилъ и падшую природу человѣка, давъ ей силы для борьбы со зломъ. И вотъ Апостолы призываютъ людей „приступить ко Христу съ полной вѣрой, очистить сердца отъ порочной совѣсти и имѣть совѣсть добрую *во Христѣ*", а также указываютъ имъ и то видимое средство, чрезъ которое Христосъ подастъ людямъ силы для храненія совѣсти чистой, неоскверненной — это крещеніе во имя Іисуса Христа, которое—„не плотской нечистоты омытіе, но обѣщаніе Богу доброй совѣсти" и „спасаетъ воскресеніемъ Іисуса Христа" (Евр. 10,22; 1 Птр. 3.21). Оттого-то проповѣдь Христа и встрѣтила чуткую воспріимчивость со стороны язычниковъ и лучшихъ сыновъ Израиля! И, такимъ образомъ, совѣсть добрая, а не сожженная—это тотъ внутренній, живущій въ сердцѣ каждаго человѣка, духовный свидѣтель—судія, который *свидѣтельствуетъ* человѣку о написанномъ въ его сердцѣ „законѣ Божіемъ", имѣющемъ и внѣшнее

выраженіе — въ ученіи Христа и въ то-же время, согласно съ этимъ закономъ, *производитъ* въ немъ *судъ* надъ всей его жизнью (и внѣшней и внутренней): то обвиняя, то оправдывая его предъ самимъ собою и тѣмъ: то нарушая, то водворяя въ немъ внутренній миръ и довольство!

Въ чемъ-же теперь заключается „*свобода совѣсти*“ по ученію Христа и Его св. Апостоловъ? Изъ представленнаго нами выясненія понятій: „свободы“ и „совѣсти“ съ несомнѣнностью можно заключить, что „свобода совѣсти“ состоитъ въ томъ, чтобы „совѣсть“ всегда оставалась вѣрной своей изначальной, чистой природѣ, т. е. чтобы она: во 1-хъ, всегда свидѣтельствовала человѣку и судила его по закону той „правды Божіей“, или „истины“, которая *отъ Бога* начертана въ сердцѣ человѣка и возвѣщена Христомъ и которая *одна* освобождаетъ или даруетъ человѣку надежду на полное освобожденіе его отъ рабства плоти, грѣху и тлѣнію и во 2-хъ, всегда порабощала себѣ вожделѣнія плоти человѣка и никогда не порабощалась ими и тѣмъ не подавляла въ человѣкѣ „истину неправдой“, увлекая его призрачной, тлѣнной свободой и дѣлая его рабомъ тлѣнія и стихій міра сего!

Не подлежитъ также сомнѣнію и то, что истинно-христіанская „совѣсть“, по самой природѣ своей, какъ *внутренній* Судія—Свидѣтель въ человѣкѣ, крѣпкимъ оплотомъ—тѣломъ человѣка ограждена отъ какихъ-бы то ни было вліяній на нее со стороны другихъ людей. Посему, не можетъ быть и рѣчи о *насиліи* надъ *совѣстью* человѣка. Если и можно говорить о насиліи надъ совѣстью, то лишь въ отношеніи опредѣленнаго человѣка къ его собственной совѣсти, когда онъ *самъ* старается подавить ея голосъ, непріятный ему; но эта работа человѣка въ области своего духа незрима для другихъ, ибо: „кто-бо вѣсть отъ человѣкъ, яже въ человѣцѣ, точію духъ человѣка,

живущій въ немъ" (1 кор. 2.11)?!. Знаменитый нѣмецкій юристъ Іог. —Каси. Блюнчли, между прочимъ, пишетъ: „самому Богу угодно было охранить свободу совѣсти, потому что онъ защитилъ внутреннюю жизнь духа человѣческаго покровомъ тѣлеснымъ. Люди не проникаютъ во внутреннее святилище чувствъ и мыслей другъ друга и потому не имѣютъ силы властвовать надъ зѣрою индивидуума... Молчаливое, полное таинственности обращеніе индивидуальнаго духа къ Богу защищено отъ неразумнаго и неумѣстнаго вмѣшательства силы тѣмъ, что она не видитъ ничего во внутренней жизни души и не имѣетъ средствъ преобразовывать чувства и мысли по своему произволу. *Свобода совѣсти не есть юридическое* понятіе и совсѣмъ не нуждается въ человѣческой, правовой защитѣ"[1]).

Лишь когда „свобода совѣсти" переходитъ въ „свободу вѣроисповѣданія" въ области религіи —, т. е. становится достояніемъ человѣческой воли и проявляется *во вѣ*.[2]) тогда она, какъ *вѣроисповѣданіе*, подлежитъ внѣшней, сторонней регламентаціи. Въ послѣднемъ случаѣ и можно говорить о той или иной свободѣ и несвободѣ *вѣроисповѣданія* и вопросъ объ этомъ дѣйствительно становится вопросомъ права, какъ внѣшняго церковнаго, такъ и государственнаго. Какъ-же христіанская церковь и христіанское государство должны относиться къ вопросу о „свободѣ вѣроисповѣданія", то объ этомъ мы уже говорили ранѣе, отнюдь не претендуя на полноту высказанныхъ нами сужденій.

---

[1]) „Государ. полож. религ. во Франціи" —Евг. Темниковскій; стр. 72—73

[2]) См. посл. къ Римл. 7 гл. 14—25 ст.

Заключеніе.

Мы обсудили вопросъ о „свободѣ совѣсти“ исключительно съ христіанской точки зрѣнія. Но, быть можетъ, насъ опять спросятъ: въ какомъ-же отношеніи находятся между собой: „свобода Евангельская“ и „свобода“, начертанная въ символѣ современной культуры?. И мы отвѣтимъ: въ отношеніи духа къ плоти: „духъ желаетъ противнаго плоти, а плоть—противнаго духу: они другъ другу противятся“ (Галат. 5,17)!.. Современная культура, начертавъ на своемъ знамени девизъ: „свобода, равенство и братство.“ разсматриваетъ эти члены своего символа исключительно какъ „сокровища земныя“, нужныя и пригодныя человѣку только въ рамкахъ его земного бытія,—другой жизни она не признаетъ! Отсюда и реализація этихъ сокровищъ чисто—внѣшняя, матеріальная, направленная на улучшеніе жизни „внѣшняго человѣка“ или плоти его на землѣ. Всѣ разноименныя требованія современной цивилизаціи могутъ быть сведены къ заботѣ о томъ: „что намъ ѣсть? что пить? во что одѣться?“ и какъ собрать эти сокровища на землѣ въ наивысшей степени ихъ качества и количества? Здѣсь человѣкъ разсматривается лишь какъ продуктъ земли, какъ „прахъ земной“ и его свобода“—оковы земли, *рабство* земному!.. И какими-бы именами не называла „культура“ свою проповѣдь: „свободой-ли? равенствомъ-ли?“ или еще иными—новыми, которыя болѣе ласкали-бы слухъ „сыновъ вѣка сего“,—водворяемое ею на землѣ царство всегда останется царствомъ „земли“, плоти, или, точнѣе, рабствомъ грѣху и тлѣнію!.. Путь, проходимый современной намъ культурой, не новъ! Онъ давно уже пройденъ... И съ глубокой древности до нашихъ дней надъ нимъ стоитъ высокій могильный памятникъ съ надписью Екклезіаста: „все—суета и томленіе духа“!. Не вызывайте же тѣней въ суетѣ погибшихъ мертвецовъ!..

Приложеніе.

Въ одномъ изъ засѣданій Орловскаго миссіонерскаго съѣзда, какъ намъ уже извѣстно, былъ заслушанъ докладъ свящ. І. Фуделя, озаглавленный: „миссія среди интеллигенціи". Въ виду безспорной важности и современной жизненности затронутаго въ докладѣ вопроса, мы и сочли за лучшее помѣстить его полностью, въ особомъ приложеніи.

„Миссія среди интеллигенціи".

„Быхъ немощнымъ, яко немощенъ, да
„немощныя пріобрящу"... 1 Кор. IX, 22

„Религіозное настроеніе русскаго, такъ называемаго, интеллигентнаго общества, крайне печальное съ точки зрѣнія православнаго христіанина, въ переживаемое нами время, кажется, ничѣмъ *по существу* не отличается отъ того, какимъ оно было 20—40 лѣтъ тому назадъ. Ибо при всей разнохарактерности увлеченій общества модными теоріями и вѣяніями, при видимомъ разнообразіи тѣхъ идоловъ, коимъ оно поклонялось въ послѣднее полустолѣтіе, одна общая черта присуща всѣмъ этимъ увлеченіямъ и объединяетъ ихъ въ одно цѣлое. — это уклоненіе отъ Истины и блужданіе по распутіямъ міра внѣ Церкви. Въ этомъ послѣднемъ заключается существенный характерный признакъ настроеній наибольшей части русск обшества во всѣ періоды его жизни.

Въ [illegible] періодъ эта черта общаго настроенія стала болѣе рѣзко выдѣляться среди другихъ побочныхъ, несущественныхъ признаковъ, и это кладетъ свой отпечатокъ на наше время. Мы пере-

живаемъ періодъ особенной напряженности противоцерковныхъ и противорелигіозныхъ стремленій крайнихъ элементовъ нашего общества, стремленій, граничащихъ съ открытой борьбой. Но крайней мѣрѣ никогда еще у насъ не выражалась такъ открыто, такъ *цинично* страшная хула на все то, что дорого и свято каждому христіанину безъ различія вѣроисповѣданій. И никогда еще въ обществѣ не наблюдалось такого холоднаго, циничнаго равнодушія, какъ теперь, къ тому, что, казалось бы, должно вызвать крикъ общаго единодушнаго негодованія. Эти два явленія находятся между собой въ нѣкоторой связи. Цинизмъ отрицанія дѣйствуетъ на массу среднихъ людей растлѣвающимъ образомъ. Голый соблазнъ привлекателенъ для полуобразованныхъ, полуневѣрующихъ, полумыслящихъ людей. Но, къ счастію, есть и обратная сторона тѣхъ же явленій.

Цинизмъ отрицательной пропаганды, какъ и всякій голый цинизмъ, дѣйствуетъ отрезвляющимъ образомъ на лучшихъ, болѣе чуткихъ, болѣе искреннихъ людей общества; передъ фактомъ циничнаго надругательства надъ тѣмъ, что свято, если не для нихъ, то для ихъ отцовъ, матерей, братьевъ и милліоновъ иныхъ людей, они останавливаются, и задумываются. Вотъ почему именно теперь такъ часто встрѣчаешь людей, хотя бы и невѣрующихъ, но въ то же время не уклоняющихся отъ умственнаго общенія и откровенной бесѣды съ искренно—вѣрующими. Тогда какъ недавно еще невозможно вслѣдствіе крайней исключительности и нетерпимости къ чужому мнѣнію со стороны послѣдователей господствующаго міровоззрѣнія. Теперь же многіе изъ увлеченныхъ общимъ потокомъ невѣрія и отрицанія начинаютъ *прислушиваться* къ голосу вѣры. Многое для нихъ въ этомъ голосѣ еще непонятно, но отраденъ уже самый фактъ, важно то, что это новое настроеніе *создаетъ* благопріятную *почву* для личнаго сближенія съ людьми невѣрующими и личнаго воздѣйствія на нихъ. Было бы непростительно съ нашей стороны и во всякомъ случаѣ грѣшно не воспользоваться этимъ благопріятнымъ для насъ моментомъ.

Но какимъ путемъ, какими пріемами возможно достигнуть въ

этой области благопріятныхъ результатовъ? Здѣсь предъ нами выростаетъ во всю величину громадной важности вопросъ о *миссіи среди интеллигенціи*. Вопросъ не нынѣшняго дня, вопросъ старый, но настойчиво требующій своего практическаго осуществленія именно въ наши дни.

Во всемъ своемъ объемѣ вопросъ этотъ охватываетъ великое разнообразіе отношеній личныхъ, церковно-общественныхъ и даже государственныхъ и вмѣщаетъ въ себѣ множество частныхъ вопросовъ освѣщающихъ тѣ или другія стороны жизни, какъ напримѣръ: объ устраненіи или хотя бы смягченіи розни между обществомъ и духовенствомъ, о пользованіи печатью, какъ орудіемъ миссіи, объ устройствѣ публичныхъ собесѣдованій и лекцій, о лучшей постановкѣ церковнаго проповѣдничества и законоучительства въ школѣ, объ устройствѣ кружковъ ревнителей вѣры, союзовъ христіанской молодежи и т. д.

Но берусь я не пытаюсь въ настоящее время своими слабыми силами освѣтить этотъ вопросъ во всемъ его объемѣ. Но, имѣя въ виду тѣ признаки благопріятнаго для насъ настроенія среди интеллигенціи, о коихъ я только что упомянулъ, считая своимъ долгомъ указать лишь на то, что составляетъ первѣйшее и необходимѣйшее *условіе* всякой серьезной попытки личнаго воздѣйствія какъ со стороны пастырей и миссіонеровъ, такъ равно каждаго вѣрующаго христіанина на невѣрующаго или полувѣрующаго брата своего.

Условіе это заключается въ чувствѣ той *скорбящей сердечной любви* къ погибающему брату, которая одна обладаетъ способностью *пониманія* чужой души и воздѣйствія на нее. Только съ *этимъ* чувствомъ возможно подойти къ ней ближе, возможно и заглянуть въ тайники ея, другому чувству не доступные, и дождаться добрыхъ плодовъ отъ общенія съ ней. И наоборотъ. Отсутствіе въ насъ чувства братской снисходительности къ немощи другихъ ставитъ такое неодолимое препятствіе на пути взаимнаго общенія, что устраняетъ всякую мысль о какой—либо *миссіи*, о какомъ—либо воздѣйствіи на другихъ.

Мнѣ приходилось не разъ наблюдать очень грустное явленіе.

Многіе пастыри (не знаю—какъ присяжные миссіонеры) при встрѣчѣ съ интеллигентомъ, о которомъ они имѣютъ какое-либо основаніе судить, что онъ невѣрующій, сразу становятся къ нему въ предвзято--враждебное отношеніе. Въ лучшемъ случаѣ они къ нему просто холодно — равнодушны. Онъ для нихъ человѣкъ чуждаго міра. И если его душа томится и мучится въ неразрѣшимыхъ вопросахъ, это томленіе и мука имъ странны, непонятны, а въ глазахъ иныхъ даже преступны. „Какое тамъ невѣріе, говорятъ они, какіе запросы, просто блажь одна!.. Если-же ты мучишься какими-либо сомнѣніями, — читай Слово Божіе; тамъ всѣ сомнѣнія разрѣшаются. А если не вѣришь и Слову Божію, тогда съ тобой и разговаривать нечего"!...

Если *такое* отношеніе къ интеллигенціи есть общее явленіе, тогда нечего удивляться замкнутому, холодному отношенію ея къ намъ—пастырямъ Церкви, тогда станетъ понятнымъ и тотъ фактъ, что за разрѣшеніемъ своихъ религіозныхъ томленій эта-же интеллигенція идетъ или къ *своимъ* учителямъ, какъ Ѳ. Достоевскій и Влад. Соловьевъ, или въ единичныхъ случаяхъ къ такимъ высокимъ свѣтильникамъ вѣры, какъ почившій Оптинскій старецъ о. Амвросій, въ сердцѣ коего было не тѣсно всѣмъ безъ исключенія.

Счастливъ тотъ, кто условіями своего рожденія, домашняго воспитанія, обученія, быта спасенъ отъ жала невѣрія, чья душа никогда не смущалась никакими сомнѣніями. Милость Божія охранила такого человѣка отъ великихъ искушеній. Но, если онъ пастырь, то онъ долженъ знать, что эти искушенія существуютъ, и что тѣ несчастные, кои страдаютъ отъ нихъ, заслуживаютъ не меньшей къ себѣ жалости, чѣмъ голодные и нищіе. И тотъ, кто проходитъ мимо этихъ несчастныхъ съ самодовольнымъ спокойствіемъ, не подобенъ-ли тому, кто вкладываетъ въ протянутую ему руку камень вмѣсто хлѣба?

Вѣдь надо-же согласиться, что невѣріе бываетъ разное, по различію производящихъ его причинъ. Есть невѣріе отъ жестокосердія, отъ гордости и кичливости ума, отъ извращенности и грубости нравственнаго чувства, и есть невѣріе отъ соблазна, отъ увлеченія чужимъ примѣромъ, духомъ времени, общимъ теченіемъ. Есть невѣріе

книжниковъ и фарисеевъ, и есть невѣріе апостола Ѳомы. Развѣ мы можемъ къ тому и другому невѣрію относиться одинаково безразлично или одинаково сурово?

„Во времена преобладающаго невѣрія, писалъ недавно Вл. Соловьевъ, важно различать, съ *какимъ* невѣріемъ имѣешь дѣло. Есть-ли это невѣріе грубо—матеріальное, скотоподобное, не способное возвыситься до самаго понятія объ истинѣ,—о такомъ безполезно разсуждать; или это есть невѣріе лукавое, сознательно злоупотребляющее разными полуистинами изъ враждебнаго страха передъ полною истиною,—за этою змѣею необходимо слѣдить, безъ гнѣва и боязни раскрывая всѣ ея ухищренные извороты; или, наконецъ, мы имѣемъ дѣло съ чисто-человѣческимъ, добросовѣстнымъ невѣріемъ, жаждущимъ только полнаго и окончательнаго удостовѣренія въ совершенной истинѣ. Это невѣріе типа апостола Ѳомы имѣетъ всѣ права на нравственное наше признаніе, и если мы не можемъ, подобно Христу, дать этимъ людямъ требуемое ими удостовѣреніе истины, но ни въ какомъ случаѣ не должны мы осуждать и отвергать ихъ“... [1]) Мало того, скажу я. Не только не должны отвергать или осуждать ихъ, но теперь именно, когда рѣшеніе религіозныхъ вопросовъ обострилось до высшей степени и стало для очень многихъ искреннихъ натуръ дѣломъ жизни и смерти, намъ надо идти *навстрѣчу* малѣйшему наклону въ нашу сторону людей колеблющихся. И это есть долгъ не только призванныхъ миссіонеровъ, не только пастырей церкви, но и каждаго христіанина, какъ вырожденіе его живой вѣры и не менѣе живой любви. Теперь именно болѣе, чѣмъ когда-либо, неумѣстна гордая исключительность и фарисейское равнодушіе къ положенію немощныхъ по вѣрѣ собратій.

Побольше сердечной *жалости* и снисходительности къ нимъ побольше серьезной *вдумчивости* въ ихъ положеніе и запросы ду-

---

1) „Три разговора“ стр. 251.

ши, — это и есть одно изъ первыхъ условій, безъ соблюденія коихъ нельзя созидать великое дѣло миссіи среди интеллигенціи. [1]).

Свящ. *І. Фудель.*

Присоединяясь отъ всей души къ пожеланіемъ о. І. Фуделя, мы съ своей стороны смѣемъ питать надежду, что рѣшеніе вопроса о *миссіи среди интеллигенціи* не станетъ дѣломъ далекаго будущаго, тѣмъ болѣе что и „время *пыпь* благопріятное“ и „день спасенія *насталъ*“... Итакъ, молите Господина жатвы, чтобы выслалъ дѣлателей на жатву Свою!...—Мѳ. 9,38.

Иванъ Айвазовъ.

Тамбовъ 1901 г.

1) Этотъ докладъ заимствованъ нами изъ „Миссіонер. Обозрѣн.“ Ноябрь 1901 года.

2007041160